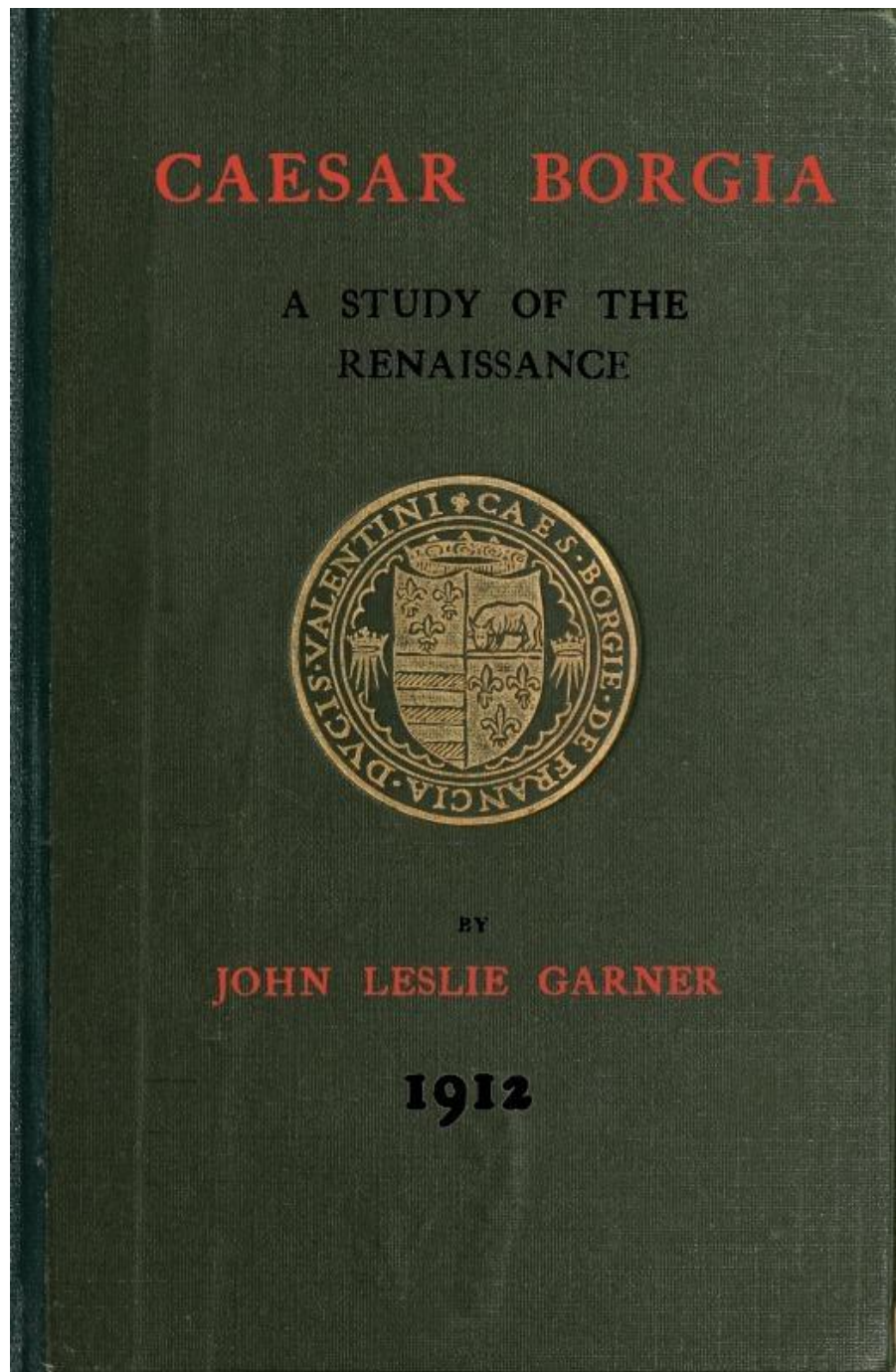

Цезаре Борджиа. Исследование эпохи Возрождения

Джон Лесли Гарнер

Проект "Электронная книга Гутенберга" Цезаря Борджиа: исследование эпохи Возрождения

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Цезарь Борджиа: исследование эпохи Возрождения

Автор: Джон Лесли Гарнер

Дата выхода: 10 мая 2018 [Электронная книга № 57132]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Чарли Ховардом и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЦЕЗАРЬ БОРДЖИА: ИССЛЕДОВАНИЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ" ***

Электронный текст подготовлен Чарли Ховардом и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив.
Посмотреть <https://archive.org/details/caesarborgiastud00garnuoft>

CAESAR BORGIA

CESAR BORGIA

С ранней гравюры.

Фронтиспис.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ДЖОН ЛЕСЛИ ГАРНЕР

С 17 ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Т. ФИШЕР АНВИН

ЛОНДОН: 1 АДЕЛЬФИ ТЕРРАС

ЛЕЙПЦИГ: ИНЗЕЛЬШТРАССЕ, 20

1912

(Все права защищены.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя о семье Борджиа написано много, на английском языке до сих пор не появилось ни одной монографии, посвященной Цезарю — самому интересному члену семьи с точки зрения психологического исследования.

С уходом "теории великого человека" биография и история полностью разделились, и такая личность, как Цезарь Борджиа, интересна сейчас главным образом как продукт эгоизма эпохи. Огромный, безудержный эгоизм был преобладающей чертой людей итальянского Возрождения. Полуостров находился во власти нескольких мелких тиранов, которые, чтобы продвигать свои собственные интересы и интересы своих семей, не колеблясь ни перед каким преступлением.

Никогда прежде властолюбие не было столь распространенным и доходило до таких крайностей. Мужчины и женщины были всего лишь пешками в грандиозной политической игре. В правящих семьях женщины особенно рассматривались как активы, которые можно было использовать для создания союзов с целью увеличения власти клана.

Железные люди играли быстро и свободно с государствами и княжествами; для них жизнь населения города не имела значения, за исключением того, что касалось их собственных проектов и власти.

Борджиа были частью этого мира, хотя и вмешивались в дела полуострова; они видели, как другие выскочки добиваются огромных богатств и власти, а почему бы и нет? С Родриго Борджиа на троне Святого Петра все было просто. В их распоряжении были деньги в неограниченных количествах, а духовное оружие Церкви еще не было выброшено на свалку — все еще были короли и принцы, которые трепетали перед угрозой отлучения.

Другие люди, другие семьи сыграли в исторической драме гораздо более важную роль, чем Борджиа; другие совершили столь же тяжкие преступления; третьи превзошли их во всех сферах человеческой деятельности — фактически, ни один член семьи Борджиа никогда не производил ничего, представляющего непреходящую ценность для Италии или всего

человечества. Поэтому мы невольно задаемся вопросом, почему Александр VI, Цезарь и Лукреция Борджиа всегда вызывали такой глубокий интерес. Грегоровиус объясняет это резким контрастом их образа жизни - их морали — со святостью Священного Сана. Объяснение вполне адекватное, ибо, хотя и были светские князья, которые были равны Александру VI или превзошли его. как и Цезарь Борджиа в своем злодействе, папство не представляет другого примера столь же большой моральной порочности в лице папы или кардинала. Цезарь был кардиналом, и во всех своих проектах, как после того, как, так и до того, как он отказался от престола, его поддерживал папа, его отец.

Истории барабанов и труб сейчас, к счастью, быстро устаревают, и будет трюизмом сказать, что любой человек, чьи претензии на славу основаны на действиях, продиктованных необузданным эгоизмом, не может оказать существенного влияния на прогресс человеческой расы, если вообще может оказать какое-либо длительное влияние. Великий ученый или изобретатель может своими открытиями изменить образ жизни, институты человечества и, следовательно, последующую историю человечества. Свержение феодальной системы приписывалось изобретению пороха; а морской компас, паровая машина и печатный станок изменили саму природу человека; открытие анестетика или антитоксина может оказать большее влияние на историю человечества, чем победы Александра.

Простые люди насилия, так называемые завоеватели, военные гении, которыми маленьких детей когда-то учили восхищаться и которых моральные извращенцы все еще имеют обыкновение превозносить, свирепые эгоисты, мечтающие завоевать еще больше миров, — это самые бесполезные создания, созданные человечеством в болезненном процессе его эволюции.

Даже если бы этих людей никогда не существовало, великие исторические движения, с которыми они были связаны, несомненно, шли бы своим чередом и достигли бы той же цели. Римская империя возникла бы без Цезаря, а без Наполеона Франция все равно стала бы Республикой.

Какими бы интересными ни были Александр Македонский, Юлий Цезарь и Наполеон как примеры необузданного эгоизма, они не смогли достичь целей, к которым стремились; их завоевания были недолговечными; победы обмана и насилия никогда не бывают длительными.

Возрождающаяся Италия представила множество примеров могущества, созданного этими средствами, и даже те, кто получал от этого выгоду, знали, насколько неустойчивым было их господство. Профессор Ахилл Лория указал, что восхищение Макиавелли Цезарем Борджиа было вызвано его совершенным пониманием истинной природы феодальной собственности и его пониманием внутренней необходимости грабежей, вымогательств и преступлений, которые характеризовали ее; а также историческим оправданием действий, которые способствовали сохранению этой господствующей социальной формы.¹

Напыщенные хроники великих людей сегодня признаны не имеющими особой ценности, поскольку экономическая интерпретация истории учит нас, что отдельный человек играет лишь малую роль в ходе событий, даже если его характер благороднейший, а цели самые высокие; без Вашингтона колонии превратились бы в Соединенные Штаты, а рабы были бы освобождены без Линкольна.

Великий человек, особенно в области политики, является продуктом своего времени. Гений, появляющийся до того, как общество готово принять его, - это провидец, но если для него настало время, он гений; великий человек - это тот, кто лучше всех распознает дух эпохи и попадает на ристалище как поборник народных идеалов. По сути, он является продуктом своего окружения и настолько его частью, что невозможно думать о нем как о принадлежащем кому-то другому.

Поскольку люди являются продуктами истории, при сходных условиях будут созданы похожие люди; но поскольку они в совокупности являются творцами истории, происходит постоянная мутация условий и, следовательно, непрерывные изменения в людях.

В каждую эпоху есть люди, которые, хотя и во многих отношениях непохожи на своих прототипов, похожи на них в других и находятся с ними в близком родстве. Неконтролируемый эгоизм утверждает себя в каждую эпоху, но способ его выражения варьируется в зависимости от современных институтов.

В Италии с XII по XVI век этот эгоизм воплощался в тиране или деспоте; он нашел выражение в абсолютном монархе, а в нынешнюю буржуазную эпоху примером его является промышленный магнат, властный гений современных финансов.

В пятнадцатом веке Италия кишела великими и малыми тиранами — людьми с безграничными амбициями и жадностью, стремящимися к власти, которых не останавливали никакие принципы, которые не колебались ни перед каким преступлением. Двуличие, предательство, убийство стали изящными искусствами.

Множество авантюристов, выскочек, разбойников, солдат удачи сумели завладеть владениями Святого Петра и создавали мелкие княжества для себя и своих родственников. Первоначально эти тираны были феодалами Святого Престола, который основывал свои притязания на этой территории на пожертвовании графини Матильды, которая, умерев в 1115 году, оставила папе свои обширные поместья, простиравшиеся от Мантуи до Пизы, а оттуда почти до стен Рима.

Как только эти вассалы Святого Престола почувствовали себя достаточно сильными, они отказались от всякой верности и ежегодной дани. Александр VI. таким образом, у него появился отличный предлог для попытки вернуть владения святого Петра — и он приступил к этому, якобы для Церкви, но на самом деле для создания королевства в центральной Италии на благо своей семьи.

Содержание

ВВЕДЕНИЯ

Эпоха Возрождения—Папство в пятнадцатом веке—Борджиа

ГЛАВА I

СТРАНИЦА

23

Генеалогия Дома Борджиа—Ваноцца де Катанеи—Рождение Цезаря Борджиа—Его юность 68

ГЛАВА II

Карл VIII. вторгается в Италию—Цезарь в заложниках—Цезарь покидает лагерь короля—Лига против Франции—Карл вступает в Рим—Цезарь назначен губернатором Орвието—Папа задумывает вернуть Романью—Он объявляет баронов Романьоль мятежниками—Папа вызывает своего сына, герцога Гандийского, из Испании командовать папскими войсками—Карл VIII. помогает баронам Романьоль—Джуффре Борджиа и его жена Донья Санча из Неаполя приезжают в Рим—Цезарь назначил легата для коронации короля Неаполя 87

Глава III

Убийство герцога Гандийского—Цезарь отправляется короновать короля Неаполя—Он возвращается в Рим—Предполагаемые брачные союзы папы для его детей 107

ГЛАВА IV

Людовик XII. наследует трон Франции — Его сделка с папой римским—Цезарь готовится отправиться во Францию—Он отказывается от своего кардиналата—Он прибывает в Авиньон, где встречает кардинала Джулиано делла Ровере-Людовика XII. и Цезарь встретиться—Цезаря вступления в Шинон—герцог Валентинуа—Цезаря догадливость—Шарлотта Д'Альбре—ее брак с Цезарем—прогнозируемый завоевания Милана Лодовико иль Моро—французская армия вторгается в Италию—Цезарь покидает Францию—он переходит в Милан Людовика XII. 122

глава V

первый поход в Эмилия-Романья—Имола сдается—Катерина Сфорца, типа бой-баба—Цезарь переходит Форли—смерть кардинала Джованни Борджиа—возвращение Лодовико Сфорца в Милан—Цезарь идет в Рим—его вход в город—он наделен викариатство-Романья—делегаты от Имолы и Форли просьбе Папы назначать губернатор Цезарь—Цезарь сделал Хоругвеносец Церкви—его клятва—Цезарь физическая сила—его личная явка 139

Глава VI

убийстве Альфонсо Неаполитанского, Герцог Бишелье—вторая кампания в Романье—Пезаро сдается—Цезарь частной жизни—Randolfaccio Малатеста дает до Римини—Astorre Манфреди—Фаэнца Храброе сопротивление—папа угрожает Болонья—Фаэнца сдается—Цезарь возвращается в Рим—Astorre Манфреди брошен в тюрьму—Джованни Бентивольо—Джулиано и Пьеро де Медичи—Цезаря договор с Флоренцией—Пьомбино вложил—Цезарь возвращается в Рим—коалиция папы и короля Франции из-за разрушения дома из-Неаполь—Ив д'Allegre приходит в Рим—МЕ Стюарт, командующий французской армии, входит в городской 157

ГЛАВА VII

экспедиции против Неаполя—взятие Капуи—Неаполь сдается—Цезарь возвращается в Рим—оргии в его апартаменты в Ватикане—Папа Римский делится 181

на завоеванной территории в Романье среди его семья—переговоры для
бракосочетания Лукреции Борджиа и Альфонсо д'Эсте—Цезарь получает
феррарский посланников—Лукреции брак—ее персонаж—папа и Цезарь перейти
в Пьомбино—они посещают Эльба—Цезарь и Леонардо да Винчи

Глава VIII

третий поход в Романье—Цезарь идет в Сполето—герцог Урбино бежит во
Флоренцию—Валентино овладевает Урбино—Флоренция отправляет к ним
посланников—Макиавелли первые впечатления от Цезарь—Король Франции
предупреждает Валентино не приставать Флоренция—Цезарь хищений дворце
Урбино—Майкл Анджело “Амур”—Камерино сдается Валентино лейтенантов—
Людовика XII. получает Цезарь и Альфонсо д'Эсте в Милане—королем и Валентино
заключения договора—Цезарь идет в Имола—дел Болонья—Валентино готовится к
нападению Джованни Бентивольо, Болонья

194

глава IX

заговор Цезаря капитанов—Макиавелли и Valentino—нерешительность
заговорщиков—они предлагают вернуться к Цезарю—они снова расхрабрился—
сверка осуществляется—Цезарь отделяет заговорщиков—он вступает в союз с
Бентивольо—повстанцы вернутся к Цезарю—Паоло Орсини овладевает Урбино в
Цезаря наименование—исполнения не Remiro де Лорка—Цезарь идет к Senigaglia,
и встречает своих командиров—ловушка на Senigaglia—судьба мятежников—
Цезарь сообщает итальянских князей его деяние—Орсини и других их
сторонников в Риме захватили кардинал Орсини, дворец разграблен—Фермо и
Перуджа сдать Валентино—он ставит Паоло и Франческо Орсини до смерти,
кардинал Орсини, умрет в тюрьме—Цезарь требует, чтобы изгнать Сиены
Пандольфо Петруччи—он опустошает страну, о Сиене—деятельность Орсини в
районе Рима—Цезарь возвращается в Рим—он держит в осаде Кери—
Современные мнения папы и Цезаря—Gonsalvo де Кордова в Неаполь—папа и
Цезарь, пораженный чумой,—смерть Александра VI.—Слухи о яд—
восстанавливает Цезарь—он овладевает мертвого папысобственность

206

глава X

враги Борджиа вылить в Риме,—опасается Священной коллегии—Орсини и
колонна—кардиналы и Valentino—Цезарь заключает соглашение с Францией—
кардинал д'Амбуаз—интриги перед конклавом—Цезарь покидает Рим—
возвращение Джулиано делла Ровере—конклав—выборы Франческо
Пикколомини папству—новый папа поддерживает Цезарь—Валентино состояния
растут—Смерти Пия III.—Махинации по подготовке к избранию его преемника

242

глава XI

избирательная Джулиано делла Ровере—Юлий II. и Цезарь Борджиа—Цезарь
покидает Рим—Макиавелли и Цезаря—арестовать Цезаря—победа Gonsalvo де
Кордова в Гарильяно—Цезарь отправляется в Неаполь—Gonsalvo захватывает
Валентино и отправляет его в Испанию—Цезарь, заточенную в замке из
шиншиллы—Жанна Ла Фоль и Филипп Ле Бо—Цезарь переходит в замок Медина-
дель-Кампо—его побег

266

Цезарь прибывает в суде его шурина, король Наварры—Д'Альбре опасность—в Аgramont и фракций Бомонт—Бомонт проводит Виана—война объявлена между Д'Альбре и Бомон—Цезарь назначен командующим войсками короля Наварры—Виана—летописец Морэ—Цезаря убили—тело похоронили в Санта-Мария-де-Виана—его эпитафия—вынос тела и разрушение гробницы—известие о смерти Цезаря достигает Италия—ощущение на полуострове—Цезаря жена Шарлотта Д'Альбре, и их потомки—Его незаконнорожденных детей—Смерть Цезаря по матери, Vannozza-де-Catanei—заключение

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

CAESAR BORGIA	<i>Фронτισпис</i>
	ПЕРВАЯ СТРАНИЦА
ПАПА КАЛИКСТ III.	32
ПАПА АЛЕКСАНДР VI.	52
ФАКСИМИЛЕ ПИСЬМА ЦЕЗАРЯ БОРДЖИА	80
ОРВИЕТО	98
ЛЮДОВИК XII. КОРОЛЬ ФРАНЦИИ	122
LUDOVICO SFORZA	136
КАРТА КАМПАНИЙ ЦЕЗАРЯ В РОМАНЬЕ	<i>Страница 141</i>
PESARO	166
GIOVANNI BENTIVOGLIO	172
RIMINI	176
FREDERIC II. ИЗ НЕАПОЛЯ	184
ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖИА	188
УРБИНО	198
VITELLOZZO VITELLI	220
PROSPERO COLONNA	244
ГОНСАЛВО ДЕ КОРДОВА	280

БИБЛИОГРАФИЯ

Автор желает признать свой долг перед нижеперечисленными властями, особенно перед Алвизи за подробности кампаний в Романье, и перед Ириарте за генеалогические данные и подробности, касающиеся жизни Цезаря после его захвата Гонсалво де Кордовой. Ириарте, похоже, наконец-то разрешил спорный вопрос о происхождении Родриго Борджиа, Александра VI.; и доказал, что он был Борджиа как по материнской, так и по отцовской линии, а не только по материнской; что он был Борджа-и-Борха, а не Льянсоль-и-Борха; и что у него никогда не было фамилии Ленцо,² следовательно, не отказался от нее и не взял фамилию брата своей матери.

Депеши Джустиниана, венецианского посла в Ватикане с 27 мая 1502 года по 26 апреля 1505 года, отредактированные глубоким ученым профессором Паскуале Виллари, представляют исключительную ценность. Посол следил за каждым шагом Ватикана так, словно от этого зависела сама жизнь еголюбимой республики, и с большой проницательностью следил за экстраординарной политической драмой, которая разыгрывалась в Риме.

Дневник Берчарда также является неисчерпаемым источником информации о понтификате Александра VI. и о первых годах правления Юлия II. Этот эльзасский церемониймейстер - совершенно бесстрастная звукозаписывающая машина, настолько автоматическая, что сразу обнаруживаешь, что у него не было никакого морального чувства. Только однажды он проявляет какие-то чувства - когда нападает на головорезов Карла VIII. поместили несколько своих лошадей в “мою конюшню, где они пожирали мое сено и овес, поэтому я перевел их в конюшню одного из моих соседей” — очень гуманный поступок со стороны церемониймейстера.

Из-за спокойного отношения Берчарда к преступлениям и скандалам, связанным с правлением Александра VI, были предприняты попытки дискредитировать Дневник. Утверждалось, что все доступные рукописи не только неточны, но и в значительной степени являются измышлениями врагов папства; также утверждалось, что оригинальной рукописи Берчарда не существует.

Дневник был впервые опубликован полностью М. Туасне (1883-5) в трех томах объемом в октаво. Его текст взят из парижской рукописи, почти точного воспроизведения той, что хранится во дворце Киджи и была скопирована с оригинала в Ватикане по приказу Александра VII. — Фабио Киджи. М. Туасне во множестве случаев подтверждал утверждения дневника примечаниями из других источников и большим количеством доселе не отредактированных документов.

Берчарда, описывающего преступления и скандалы Ватикана при Александре VI, сравнивали с Прокопием, обличающим пороки двора Юстиниана, но сравнение неуместно. Сам Бурхард купил должность папского церемониймейстера, и у него не было чувства стыда. Александр терпел его, а Цезарь, очевидно, не считал, что его стоит предавать смерти. Как церемониймейстер он был скрупулезен, тривиален, точен, незаменим; для него спасение тысячи душ было гораздо менее важным, чем правильное облачение или размахивание кадилом. Как регистратор того, что происходило вокруг него, он был непревзойденным, потому что был совершенно бесстрастным; бесстрашным он, несомненно, был — возможно, из-за своей глупости; он был всего лишь частью механизма; его функцией было записывать, вести хронику всего - фактов и слухов — и не судить, не анализировать. Так же самодовольно, как современный газетный репортер описывает прием, устроенный упаковщиком свинины, он описывает банкет блудниц, устроенный Александром VI. в Ватикане — и с гораздо меньшей пышностью прилагательных. То, что наместник Христа на земле расхаживал по квартире,

засыпая конфетти в лифы женщин, которых он только что развлекал “некоторыми непристойными комедиями”, не показалось Церемониймейстеру заслуживающим какого-либо особого комментария. Он просто записывает; он никогда не выражает удивления, презрения, ненависти; он никогда не критикует, никогда не порицает. Он полностью отличается от Инфессуры, который, как итальянец и патриот, на каждой странице демонстрирует свою ненависть к папству. Бурхард, уроженец Эльзаса, по-видимому, мало интересовался итальянской политикой, если вообще интересовался, и именно отсутствие у него чувства делает его дневник самым ценным источником, дошедшим до нас о понтификате Александра VI.

Берхард родился примерно в середине XV века; его рано готовили к священству, но вскоре он оставил свои богословские занятия, чтобы заняться юриспруденцией; он появился в Риме в 1481 году и сразу же получил должность апостольского протонотария. Он решил приобрести должность церемониймейстера, когда появится вакансия, и с этой целью прошел длительный курс обучения. В 1483 году он достиг своей цели.

* * * * *

Alvisi, E. Cesare Borgia, Duca di Romagna, Imola, 1878.

Auton, Jean d', Chroniques, Paris, 1834.

Balbo, Cesare, Storia d'Italia, Firenze, 1856.

Baldi, Bernardino, Vita e Fatti di Federigo di Montefeltro, Roma, 1824.

Bembo, Pietro, Opere, Milano, 1808.

Biancardi, Bastian, Le Vite de' Re di Napoli, Venezia, 1737.

Brantôme, Œuvres Complètes, Paris, 1838.

Brosch, Moritz, Papst Julius II. und die Gründung des Kirschenstaates, Gotha, 1878.

Брайс, Джеймс, Священная Римская империя, Нью-Йорк, Северная Каролина

Burchard, Johann, Diarium sive Rerum Urbanarum Commentarii (1483–1506), Ed. by Thuasne, Paris, 1883.

Буркхардт, Якоб, Цивилизация Возрождения в Италии, Лондон, 1892.

Картрайт, Джулия, Беатриче д'Эсте, герцогиня Миланская, Лондон, 1903.

Ciaconius, Vitæ et Res Gestæ Pontificum Romanorum et S.R.E. Cardinalium ab initio nascentis Ecclesiæ usque ad Urbanum VIII., Pont. Max., Rome, 1630.

Commines, Philippe de, Mémoires, Paris, 1836.

Corio, Historia di Milano, Padua, 1646.

Dante, Il Convito, Firenze, 1857.

Donato, Alexandro, Roma Vetus ac recens, Rome, 1639.

Dumesnil, M. A. J., Histoire de Jules II., sa vie et sa pontificat, Paris, 1873.

Duruy, Victor, Histoire de France, Paris, 1883.

Fumi, Luigi, Alessandro VI. e il Valentino in Orvieto, Siena, 1877.

Gebhart, Emile, Les Borgia, Paris, 1897.

Gebhart, Emile, Les Origines de la Renaissance en Italie, Paris, 1879.

Гиббон, Эдвард, Упадок Римской империи, Нью-Йорк, 1860.

Джустиниан, Антонио, Диспаччи, под ред. Паскуале Виллари, Флоренция, 1876.

Gordon, Alexander, Vie du Pape Alexandre VI. et de Cesar Borgia, Amsterdam, 1751.

Gregorovius, Ferdinand, Storia della Città di Roma nel Medio Evo, Venezia, 1872.

Gregorovius, Ferdinand, Lucrezia Borgia, nach Urkunden und Correspondenzen ihrer eigenen Zeit, Stuttgart, 1875, English translation, New York and London, 1903.

Guicciardini, Francesco, Istoria d'Italia, Pisa, 1819.

Infessura, Stefano, Diario della Città di Roma, Rome, 1890.

Le Gendre, Louis, Vie du Cardinal d'Amboise, Rouen, 1724.

Leti, Giorgio, Il Nipotismo di Roma, Amsterdam, 1667.

Machiavelli, Niccolò, Opere, Firenze, 1818.

Marc-Monier, La Renaissance de Dante a Luther, Paris, 1889.

Mariana, Juan de, Historia General de España, Madrid, 1780.

Maricourt, R. de, Le Procès des Borgia, Paris, 1883.

Матараццо, "Хроники Перуджи", Лондон, 1905 год.

Medin, Antonio, Il Duca Valentino nella Mente di Niccolò Machiavelli, Firenze, 1883.

Müntz, Eugène, Les Précurseurs de la Renaissance, Paris, 1882.

Muratori, L. A., Annali d'Italia, Milano, 1818.

Nitti, Francesco, Leone X. e la sua Politica, Firenze, 1892.

Nitti, Francesco, Machiavelli nella Vita e nella Dottrine, Naples, 1876.

Pii Secundi Commentarii, Rome, 1584.

Platina, Bartolomeo, Le Vite de' Pontefici, Venetia, 1715.

Роско, Уильям, "Жизнь Лоренцо де Медичи", Лондон, 1884.

Роско, Уильям, Жизнь и понтификат Льва X., Лондон, 1806.

Sannazarii, Poemata, Padua, 1731.

Strozzi Poetæ Pater et Filius, Venice, 1513.

Саймондс, Джон Аддингтон, "Возрождение в Италии", Нью-Йорк, 1888.

Tiraboschi, Girolamo, Storia della Letteratura Italiana, Modena, 1787–94.

Tomasi, Tomaso, Vita del Duca Valentino detto il Tiranno di Roma, Montechiaro, 1670.

Vasari, Giorgio, Le Vite de' più Eccellenti Pittori, Scultori et Architetti, Bologna, 1647.

Виллари, Паскуале, Жизнь и времена Никколо Макиавелли, Лондон, н.э.

Виллари, Паскуале, Жизнь и времена Джироламо Савонаролы, Лондон, н.э.

Yriarte, Charles, César Borgia, Sa Vie, sa Captivité, sa Mort, Paris, 1889.

CAESAR BORGIA

Введение

Эпоха Возрождения — Папство в пятнадцатом веке — Борджиа.

Обладая мягким климатом и плодородной почвой, Италия с древнейших времен привлекала захватчиков, искателей приключений. Простираясь до Средиземного моря, она подвергалась нападениям со всех сторон, и когда Римская империя, распавшаяся из-за собственной коррупции и нечестия, исчезла, не осталось сильной центральной власти, способной дать отпор мародерам, которые наводняли полуостров со всех сторон.

Богатые равнины севера привлекли тевтонские племена, основавшие Лангобардское королевство, а с юга пришли арабы, принесшие на Сицилию свое искусство и ремесла. На Восток венецианские купцы отправлялись за своими духами, специями, великолепными тканями, тисненой кожей, и с собой они привезли большую часть цивилизации Дальнего Востока.

Благодаря своему географическому положению, условиям, вытекающим из ее прошлой истории, и призам, которые она предлагала смелым и беспринципным, Италия очень рано стала полем битвы Европы. Человеческие амбиции и энергия теперь охватывают весь земной шар, но до открытия Америки мало что было известно ни об Африке, ни об Азии, следовательно, цивилизация была почти полностью ограничена Западной Европой.

Италия была бурлящим котлом жизни и деятельности, и там возникла раса сильных, многогранных личностей. Подобно Испании, в пятнадцатом и шестнадцатом веках она стала страной могущественных личностей, людей с разнообразными способностями и огромной энергией. В то время как Испания дала миру Кортеса, Мурильо, Веласкеса, Кальдерона, Карла

V., Лойолу, Альву и Гонсалво де Кордова, Италия произвела на свет Колумба, Микеланджело, Рафаэля, Ариосто, Людовико Моро, Святого Франциска, Просперо Колонну и Юлия II.

Студенты всегда были очарованы теми периодами мировой истории, которые характеризовались необычной активностью в области искусства, литературы, науки и политики. Удивительный расцвет архитектуры и скульптуры в эпоху Перикла, поэзии и драматургии во времена Елизаветы, а также всех искусств в смутно очерченный период итальянского Возрождения никогда не переставал ставить в тупик историка и психолога.

Профессор Гебхарт в своей очень эрудированной работе³ попытался объяснить цивилизацию итальянского Возрождения, ссылаясь на “неотъемлемые характеристики итальянской души; на определенные великие и стойкие тенденции в ее интеллектуальной жизни и на определенные факты в ее политической карьере — причины, влияющие на всю жизнь людей; некоторые из них были отдаленными по времени, но оказали длительное воздействие, в то время как другие были недавними и преходящими”.

Во всех областях достойных человеческих устремлений люди в Италии постоянно имели перед глазами вдохновение великолепных достижений; но они также сталкивались с примерами зла, обширными и успешными, пожинающими материальные награды, которые редко выпадают на долю добродетелей. По всей Италии, в эпоху Борджиа, дерзкие, но храбрые и коварные авантюристы основывали княжеские дома, наслаждаясь безграничной властью и богатством — и мог ли их пример остаться незамеченным для Александра VI? а Цезарь Борджиа?

Эпоха Возрождения в Италии была гораздо большим, чем возрождение литературы и графического искусства; это было наивысшее развитие итальянской цивилизации в целом, наиболее совершенное выражение гениальности и интеллектуальной жизни полуострова.

Главными причинами итальянского Возрождения, причинами, присущими самой Италии, были, прежде всего, свобода индивидуального разума и социальная свобода. Сохранение латинских традиций и вездесущая память о Греции также были мощными факторами, в то время как язык достиг зрелости именно в нужный момент. Притоками, пришедшими позже, чтобы усилить движение и ускорить развитие полуострова, были иностранные цивилизации: византийская, арабская, нормандская, провансальская и французская.

Итальянский дух всегда был по существу практичным; абстракции никогда не привлекали его как нечто большее, чем гимнастика для ума; чистая метафизика мало интересовала итальянцев; вся тенденция их философии была утилитарной. В “Конвито” Данте вопрос о чистом бытии, универсалиях, материи и силе является второстепенными темами; “Банкет” в основном посвящен обсуждению манер; счастье и благополучие человечества, управление городами — это работа не метафизика, а публициста и моралиста — этика поставлена выше метафизики; ее философия полностью практична.

Избранным предметом изучения в итальянских университетах была юриспруденция. Право, порождение чистого разума и опыта, стремящееся согласовать изменчивые условия с неизменными принципами справедливости, заняло, в силу важности интересов, которые оно стремилось согласовать, — интересов, на которых зиждется правительство и мир во всем мире, — первое место в университетах полуострова. Римское право было излюбленной дисциплиной средневековой Италии.

Папство и империя; отношения и пределы духовной власти по отношению к светской и феодальной власти; вселенская монархия и свобода городов — таковы были серьезные проблемы, которым Италия посвятила свой интеллект. Юриспруденция контролировала всю ее умственную деятельность так же нераздельно, как схоластика контролировала умственную деятельность Франции. Юристы Аккурсо и его сыновья, Якопо из Арены, Чино да Пистойя, Бартоло и Бальдо, были людьми, придавшими блеск итальянским университетам XIII века. Право было основой гуманитарного образования. Петрарка изучал его. Хорошо известно его презрение к схоластике “города споров Парижа”. Одним из его любимых высказываний было: “Цель образования - научить людей думать, а не просто учить их спорить”. Логике он рассматривал просто как полезный инструмент.

Свобода, которую итальянцы проявляли в своей интеллектуальной жизни, проявлялась также в их религиозном сознании — и это одна из самых ярких характеристик их гения. В средние века они не походили ни на кого из других членов великой семьи христианских народов. Тонкая метафизика, утонченная теология, строгий режим, догматизм, тщательно продуманный ритуал, беспокойная казуистика - все это было отвратительно итальянскому гению. Итальянец считал Итальянскую церковь Вселенской Церковью и в значительной степени делом своих рук. На кафедре Святого Петра, в Священной Коллегии, в великих монашеских учреждениях он видит себя; он знает, что человеческие страсти преобладают там так же, как и везде, — следовательно, он без колебаний входит в Церковь. Вот почему они никогда не считали национальную религию слишком тяжелым бременем, вот почему они редко отделялись и основывали секты. В Италии никогда не возникало какой-либо великой национальной ереси и не было никаких общих религиозных восстаний, подобных народным движениям, инициированным Питером Уолдо, Виклифом, Гуссом и Лютером, хотя позже многочисленные ереси из других частей Европы проникли на полуостров. Когда в других странах сжигали ведьм и еретиков на кострах, в Италии казнили Дольчино ди Новара и Франческо да Пистойю за пропаганду отмены частной собственности. В 1327 году поэт Чекко д'Асколи был сожжен на костре за занятия астрологией и некромантией, но в 1452 году священник Никколо да Верона, осужденный в Болонье за колдовство, был снят с костра населением и спасен. Савонарола принял мученическую смерть не за свои религиозные теории, а за свои политические мечты.⁴

Итальянцы никогда не щадили папство. Данте поместил папу Анастасия в раскаленную гробницу ересиархов и Бонифация VIII. в кругу симоняков с Николаем III и святому Петру в Раю он приписывает эти гибеллинские слова: “Тот, кто сейчас на земле узурпирует мое место перед Сыном Божьим, превратил мою могилу в раковину крови и грязи”. А Петрарка описывает папский город Авиньон как “сточную канаву, в которой собраны все отбросы вселенной”.

Без понимания итальянского характера и знания условий на полуострове до и во время Возрождения невозможно понять, как такие люди, как Сикст IV. и Александр VI. мог бы быть избран на кафедру святого Петра.

* * * * *

К концу XV века папство почти полностью утратило свой священный характер и превратилось в политический приз, за который боролись все могущественные семьи. Это была должность, к которой мог стремиться любой кардинал, независимо от его физической подготовки.

Подобно Неаполю, Флоренции, Милану, Перудже и всем другим мелким деспотиям полуострова, это было светское княжество с той лишь разницей, что его глава выполнял определенные священнические функции и что он был избранным, а не наследственным сувереном. Из-за этого последнего факта она была самой коррумпированной из всех в то время, и ее коррумпированность была тем более мерзкой и отвратительной из-за контраста между теоретической святостью и фактической низостью ее главы.

В течение столетий папство развило удивительную и абсурдную выдумку о том, что занимающий кафедру Святого Петра имеет право назначать и смещать монархов по своему желанию; и князья и властители делали вид, что подчиняются этой доктрине, зная, что Церковь, способная контролировать мысли, действия и совесть невежественных масс посредством внушаемого ею террора, была самым сильным союзником, которого они могли иметь, чтобы поддерживать их узурпированное и незаконное господство над теми, кого они называли своими подданными и чье подчинение всегда проистекало из актов насилия со стороны Церкви. об их хозяевах.

Папство было величайшей должностью в Христианском мире. Он приносил огромный доход; покровительство, бенефиции, находившиеся в его распоряжении, были неисчислимы, и в период Возрождения они обычно продавались тому, кто больше заплатит. Благодаря огромной власти папы как вершителя судеб человечества как за гробом, так и в этом мире, к его дружбе и поддержке стремились все властители Европы. Будучи человеком, вполне естественно, что он всегда был готов воспользоваться этим обстоятельством. Самый скромный священник мог стремиться к великому посту, и если он был достаточно проницателен и развращен, то мог бы достичь его. В пятнадцатом веке при выборах верховного главы Церкви голоса покупались и продавались еще более нагло, чем сегодня по случаю избрания сенатора Соединенных Штатов, и чернь делала ставки на результат точно так же, как сейчас делают на исход политического состязания. Джустиниан фиксирует шансы, которые были даны при избрании Джулиано делла Ровере против его соперников.

Точно так же, как только богатый человек, член знатной семьи или представитель влиятельных интересов может сейчас надеяться занять высокий политический пост, так и в те дни никто другой не мог надеяться достичь папства, за исключением случаев, когда соперничество между ведущими претендентами было настолько сильным, что какой—нибудь малоизвестный член Священной коллегии — “темная лошадка” - выбирался в качестве компромиссного кандидата; и стоит отметить, что выбранный таким образом человек, как правило, был настолько слаб здоровьем или настолько дряхл, что не мог долго занимать этот пост, и, следовательно, в период между его избранием и смертью соперник кандидаты получили бы еще одну возможность развить свои соответствующие силы и усилить свою тактику для новых выборов. Таким образом, кажется, что Божественное влияние, которое, как предполагалось, должно было повлиять на избрание папы, было несколько неопределенным в своем действии, или что влияние фракций Борджиа, Пикколomini, Делла Ровере, Чибо и Медичи перевесило сверхъестественное, и есть достаточно доказательств того, что именно такова была их точка зрения. Рассказывают историю о некоем кардинале, который, как было замечено во время конклава, сгорбился под тяжестью лет и немощей; более того, он едва мог держать голову — его глаза все время были устремлены в землю. “Несомненно, — сказали его коллеги, — он скоро получит свою награду - мы сделаем его нашим Папой”. Сразу же после избрания его глаза заблестели, голос окреп, он выпрямился - и князья Церкви очень удивились. “Откуда эта

перемена?” они спросили: “Какому чуду это обязано? Ты был согнут — твои глаза всегда были устремлены в землю — но теперь!”

“ Ах! мои возлюбленные дети, я всего лишь искал ключи Святого Петра — и я нашел их!”

Любой сильный кандидат на великую честь и огромное вознаграждение Святой Канцелярии мог рассчитывать на энергичную поддержку своей собственной семьи, а во многих случаях и различных князей Италии и всей Европы.

Когда Николай V скончался от подагры в 1455 году, Священная коллегия состояла из двадцати кардиналов, и на последовавшем конклаве тремя сильнейшими кандидатами были Капраника, Бессарион и Алонсо Борджиа. Борьба достигла острой стадии, когда Ален, архиепископ Авиньона и кардинал Санта-Прасседе, вскочил на ноги и спросил: “Должны ли мы выбрать папой, главой Латинской Церкви грека, простого нарушителя? Виссарион все еще носит бороду — и, несомненно, он будет нашим Господином!”

Затем встал его Высокопреосвященство кардинал-епископ Никеи, изящный, как и его эрудиция, и, объявив, что было бы ошибкой избирать его, отдал свой голос за Алонсо де Борха, кардинала Санти-Кватро-Коронати, решив исход выборов в пользу испанца, принявшего имя Каликст III. Так испанский дом Борха вошел в историю Италии и папства 8 апреля 1455 года.

Алонсо Борха родился в Хативе, Испания, в 1378 году; он вырос прилежным мальчиком и стал профессором в Лериде; позже антипапа Бенедикт XIII причислил его к лику святых. Во времена юности Алонсо пророк Виченцо Феррерио объявил, что прилежный мальчик когда-нибудь наденет тиару, и вскоре после своего избрания Алонсо добился канонизации пророческого Виченцо, показав тем самым, что признает его заслуги.

Алонсо считался ведущим юристом своего времени и одним из самых проникательных людей, когда-либо занимавших трон Святого Петра. Он был первым из Борха, приехавшим в Италию, сопровождая Альфонсо Арагонского в качестве секретаря. Мартином V. он был назначен епископом Валенсии и назначен кардиналом Евгением IV.

Когда Виссарион встал и отдал свой голос — с большим тактом и, возможно, равной политической проникательностью — в пользу престарелого кардинала, Курия вспомнила, что Алонсо семьдесят семь лет и он страдает подагрой, - и его избрание было обеспечено.

Когда Алонсо надел тиару, он дал слово Священной коллегии, что будет держаться подальше от всякого кумовства, показав тем самым, что это растущее зло, — обещание, которое он тут же нарушил, пожаловав пурпур своему племяннику Хуану Луису де Мила, которого он назначил папским представителем в Болонье, и Родриго Борджиа, которого он сделал легатом при Маршах и вице-канцлером Церкви. Он также возвел Хуана Милу, епископа Саморы, в сан кардинала.

Племянники нового папы — сыновья его сестры — были плохими людьми в плохое время, но, ослепленный своей привязанностью к ним, он не предвидел, к чему приведет его страсть.

CALISTVS PAPA-III-ИСПАНСКИЙ

ПАПА КАЛИКСТ III.

С гравюры 1580 года.

Смотреть в лицо стр. 32.

Родриго Борджиа, когда его дядя даровал ему кардинализм 26 сентября 1456 года, было около двадцати пяти лет, он был красив и распутен. Подобно римской семье Клавдиев, Борджиа из Валенсии обладали огромной интеллектуальной силой и физической красотой.

Брат Родриго, Пьер Луиджи, который был на год моложе кардинала, оставался мирянином, но ему были оказаны высшие мирские почести: он был назначен гонфалоньером церкви, префектом города и, наконец, смотрителем замка Святого Анджело - несмотря на протесты Капраники и Скарампо, которые впоследствии стали объектом неугасимой ненависти Святого Отца. Пьера Луиджи описывали как красивого и развратного негодяя.

Уже тогда — в первый период господства Борджиа — Рим кишел испанцами; когда Алонсо стал кардиналом, туда стеклись многочисленные члены родственных семей Борджиа и Мила - об их численности и агрессивности свидетельствовала всеобщая и сильная ненависть, которую испытывали к каталонцам. Именно благодаря Борджиа и их последователям Испания обеспечила себе прочную власть над папством, которой она владела в течение ста лет, хотя путь для этого был подготовлен установлением испанской власти в Неаполе и на Сицилии. В Вечный город стекались они, родственники и слуги, охотники за приданым и авантюристы всех мастей; они занимали все важные должности; они стали совершенно беззаконными, и, поскольку правосудие было извращено, они безнаказанно грабили и убивали.

В июле 1458 года Каликст продвинул Пьера Луиджи еще дальше, даровав ему викариатство в Беневенто и Террачине. Он стал самым могущественным человеком в Риме, и, казалось, ему было уготовано великое будущее, когда его карьера внезапно оборвалась. Орсини восстали, чтобы изгнать Колонна и каталонцев; и Пьер Луиджи, продав кардиналам замок Святого Анджело, бежал в Чивитавеккью, где умер от лихорадки в августе 1458 года, оставив свое обширное имущество своему брату Родриго, который, и без того богатый, теперь стал одним из богатейших кардиналов.

6 августа 1458 года Каликст скончался — к великому облегчению римлян, которые выразили свою радость по поводу освобождения от испанского ига, разграбив дворцы Борджиа. Каликста подвергли резкой критике за то, что он позволил своим племянникам править им, а также из-за плачевного состояния дел в Риме во время его правления, когда грабежи, насилие и убийства были обычным явлением.

Хотя кардинал Родриго Борджиа счел благоразумным перебраться в Остию после смерти своего дяди, его высокое положение в Церкви не пошатнулось, и вскоре он смог вернуться в свой дом в квартале Понте.

Мало что известно о личной жизни Родриго, когда он был назначен кардиналом, но сохранилось прекрасное письмо-наставление, написанное ему Пием II, любезным Эне Сильвиусом, из терм Петриоло, 11 июня 1460 г., когда Родриго было около двадцати девяти лет, которое проливает яркий свет на личное поведение кардинала Сан-Никколо-ин-Карчере-Туллиано.

“Дорогой сын, Мы узнали, что ваше Благородие, забыв о высоком poste, которым вы облечены, присутствовали в садах Джованни де Бичис четыре дня назад, с семнадцатого до двадцать второго часа,⁵ с несколькими женщинами из Сиены — женщинами, полностью отдавшимися мирской суе. Вашим спутником был один из ваших коллег, который в силу своих лет, если не из-за занимаемой должности, должен был помнить о своем долге. Мы

слышали, что вы предавались распутным танцам; что ни в одном из любовных соблазнов не было недостатка; и что вы вели себя совершенно мирским образом. Стыд запрещает упоминать обо всем, что имело место, ибо не только сами деяния, но и сами их названия недостойны вашего звания. Чтобы ваши удовольствия были свободны от всяких ограничений, мужей, отцов, братьев и родственников женщин не просили присутствовать. Вы и несколько слуг были зачинщиками этой оргии. Мне говорили, что в Сиене сейчас не говорят ни о чем, кроме вашего тщеславия, которое обычно высмеивают. Здесь, в банях, где собралось великое множество людей — церковников и мирян, — ваше имя у каждого на устах. Наше неудовольствие неопишимо, ибо ваше поведение опозорило Священное Государство и Должность. Люди скажут, что они делают нас богатыми и великими, и что вместо того, чтобы жить безупречной жизнью, мы используем то, что они нам дают, для удовлетворения наших страстей. Вот почему князья и Власти презирают нас, а миряне насмеются над нами. Вот почему наш собственный образ жизни бросается нам в лицо, когда мы порицаем других. Презрение выпадает на долю наместника Христа, потому что он, по-видимому, одобряет эти поступки. Ты, дорогой сын, возглавляешь епископство Валенсия, самое важное в Испании; ты канцлер Церкви, и что делает твое поведение еще более предосудительным, так это тот факт, что ты занимаешь место среди кардиналов, которые являются советниками папы. Мы оставляем за вами право решать, подобает ли вашему достоинству ухаживать за молодыми женщинами и посылать тем, кого вы любите, подарки в виде вина и фруктов, а также в течение всего дня не думать ни о чем, кроме чувственных удовольствий. Из-за твоего поведения люди обвиняют нас, и память о твоём благословенном дяде Каликте также страдает - и многие говорят, что он поступил неправильно, осыпав тебя почестями. Если вы пытаетесь оправдаться своей молодостью, я говорю вам, что вы не настолько молоды, чтобы не знать, какие обязанности налагает на вас ваша должность. Кардинал должен быть безупречен и служить примером праведной жизни в глазах всех людей — и тогда у нас должны быть справедливые основания для гнева, когда светские князья поносят нас, когда они оспаривают у нас владение нашей собственностью и заставляют нас подчиняться их воле.

“По правде говоря, мы сами наносим себе эти раны и сами являемся причиной этих бед, поскольку своим поведением мы постоянно умаляем авторитет Церкви. Наше наказание за это в этом мире - бесчестие, а в мире грядущем это будут заслуженные мучения. Пусть ваш здравый смысл обуздает эти легкомыслия, и пусть вы никогда больше не теряете из виду свое достоинство; тогда люди не будут считать вас тщеславным кавалером среди мужчин. Если это повторится, мы будем вынуждены доказать, что это было нарушением нашего предостережения и что это причинило нам сильную боль; и наше порицание не обойдет вас стороной, не вызвав румянца стыда на ваших щеках. Мы всегда любили вас и считали достойным нашей защиты, как человека серьезного и скромного характера.

Поэтому впредь ведите себя так, чтобы мы могли сохранить это наше хорошее мнение о вас и могли найти в вас только пример благоустроенной жизни. Ваши годы, которые не таковы, чтобы препятствовать улучшению, позволяют нам отечески увещевать вас”.

Во время понтификата Павла II. Гаспарино из Вероны описал Родриго Борджиа как “красивого человека с очень радостным выражением лица. Он одарен сладким красноречием. Красивые женщины, на которых он бросает взгляды, соблазняются его любовью и движимы таинственным образом — как железо притягивается магнитом”.

В 1476 году, в год рождения Чезаре, кардинал Павии написал Родриго письмо от имени папы римского, призывая его изменить свой образ жизни, в котором он говорит: “То, что я напишу вам, не будет долгим, но это письмо необходимо между вами и мной. Не доверяйте это сообщение, вдохновленное любовью, вашим секретарям, но держите его при себе, чтобы вы могли время от времени перечитывать его и думать о нем по крайней мере раз в год”.

Из этого очевидно, что Родриго не изменил своим привычкам. Любовь к удовольствиям характеризовала его на протяжении всей жизни. У него было не менее восьми незаконнорожденных детей — пять сыновей и три дочери, — все из которых были признаны в официальных документах. На момент его смерти, когда ему было семьдесят два года, у него была любовница, красавица Джулия Фарнезе, от которой у него родился сын, которому тогда было пять лет, Дон Джованни, римский младенец, сеньор Камерино, которого он сначала объявил ребенком своего сына Цезаря, но позже буллой от 1 сентября 1501 года признал своим собственным.

Было сказано, что поскольку Александр VI. не был обычным человеком, его не следует судить по моральным стандартам обычных людей. Теория о том, что великие не подчиняются законам, которые должны регулировать поведение меньших людей, столь же абсурдна, сколь и пагубна. Справедливее было бы сказать, что о Борджиа следует судить не по критериям более позднего времени, а по критериям его собственного возраста. Мораль эволюционирует; уровень праведной жизни сегодня выше, чем во времена Возрождения, и ни один человек с характером Александра VI, если бы это было возможно, не мог бы быть избран на папский престол. В то время многие троны занимали люди, которые в наш век не могли прожить и года. Однако чрезвычайно трудно судить о людях прошедшей эпохи, потому что, поскольку сфера морали обширна, в одной области может быть прогресс, но не в других — фактически, в некоторых может быть регресс. В эпоху Возрождения были плохие люди, которых оценивали по критериям их собственного времени, а также по критериям современности, но их современники, не знавшие законов, управляющих человеческим прогрессом, которые включают законы морали, не осознавали их истинного статуса. Окруженные людьми с подобным характером, многие личности эпохи Возрождения были слепы к собственной порочности.

Кумовство было корнем, если не всего, то большей части зла в Риме, и оно неуклонно росло со времен Каликста III, которому наследовал Энеа Сильвио Пикколомини -Пий II. — который был не менее предан интересам своей семьи, чем его предшественник интересам своих родственников. Из четырех детей своей сестры Лаудомии он сделал Антонио герцогом, Андреа кастеляном в Пескаре, а Джакомо дворянином в Монтемарчано. Никколо Фортегерра, родственника по материнской линии, он сделал кардиналом; Алессандро Мирабелли Пикколомини, который в партнерстве с Амброджо Спанночи руководил банком в Риме, был назначен хозяином дворца и губернатором Фраскати. Якопо Аммананти из Сиены был назначен кардиналом и епископом Павии. Лолли, двоюродный брат папы римского, получил должность, и так много уроженцев Сиены получили места при папском дворе, что вошло в поговорку, что “вся Сиена переехала в Рим”. Даже святая Екатерина была обязана своей беатификацией Пию II., который умер 15 августа 1464 года.

Конклав по избранию его преемника состоялся 27 августа. Епископ Торчелло, известный венецианский ученый и гуманист, обратился к кардиналам, выразив сожаление по поводу потери достоинства Священной коллегии и призвав своих коллег выбрать человека, который

положил бы конец злоупотреблениям в Церкви. При первом тщательном рассмотрении было установлено, что кардинал Сан-Марко был избран единогласно. Новый папа римский, родившийся в 1418 году, был сыном Никколо Барбо и Полисены Кондульмер, сестры Евгения IV.

В юности, когда он собирался отплыть на корабле на Восток, он получил известие об избрании своего дяди на папский престол; быстро осознав возможности для увеличения своего состояния, которые открывало ему это событие, он изменил свои планы и усердно посвятил себя изучению теологии, к которой у него не было способностей, и в 1440 году был назначен кардиналом Сан-Марко.

Его Высокопреосвященство был глупым, но красивым мужчиной, высоким, величественным и чрезвычайно тщеславился своим появлением на церковных церемониях. При своем избрании он хотел взять имя Формозо, Красивый, но кардиналы отговорили его, которые также помешали ему взять имя Сан-Марко, которое было боевым кличем Венецианской республики, поэтому Пьеро Барбо называл себя Павлом II. и был должным образом рукоположен 16 сентября 1464 года.

Во время конклава он поклялся вести войну против турок; реформировать курию; созвать собор в конце года; ограничить число кардиналов двадцатью четырьмя; и не назначать никого моложе тридцати лет, или кого-либо, кто был несведущ в юриспруденции и теологии, или кого-либо из своих племянников кардиналом. Эти обещания были взяты членами Священной коллегии для защиты своих традиционных привилегий. Они также заручились его разрешением встречаться дважды в год, чтобы убедиться в соблюдении соглашения.

Однако их попытки низвести монархическое папство до олигархического состояния потерпели неудачу. Папа быстро нашел выход из положения, представив кардиналам на подпись документ, который якобы был копией первоначального соглашения, но на самом деле сильно отличался. Из любезности некоторые быстро подписали его, Виссарион под давлением папы, в то время как Карвахаль был единственным, кто настаивал на своем отказе. Среди кардиналов, созданных Павлом II. это были его родственники Марко Барбо, Джованни Микель и Баттиста Дзено.

Сам папа, по словам Корио, был всецело предан чувственным удовольствиям; он наполнил свой дворец наложницами, говорит Аттилий Алексий, и превратил ночь в день, так что добиться аудиенции у него было чрезвычайно трудно. Распущенность его двора и продажность его духовенства были скандальными. Он был известен вульгарной любовью к показухе и с детским восторгом демонстрировал себя римлянам на всех публичных мероприятиях. Он хотел, чтобы его считали проницательным во всех отношениях, но был просто двуличен. Он был совершенно неспособен сохранить дружбу других властителей. Он, однако, многое сделал для украшения города, несмотря на то, что был чрезвычайно скуп. Он любил стол, был обжорой и заядлым выпивохой. Хотя он был сравнительно молод, его жизнь оборвалась от апоплексического удара 26 июля 1471 года после ужина, состоявшего из двух огромных арбузов.

На конклаве, собравшемся 6 августа 1471 года для выбора своего преемника, кардинал Бессарион едва не взошел на трон, потерпев поражение от Франческо делла Ровере, который был обязан своим успехом Борджиа, Орсини и Гонзаге, а также усердию своего помощника в конклаве, фра Пьетро Риарио. В обмен на свою поддержку Борджиа получил командан

Субьяко; Гонзага - аббатство Святого Григорио; а Орсини, знаменитый и богатый, был назначен камерленго.

Франческо делла Ровере, родившийся в Савоне в 1414 году, был сыном бедного рыбака и гречанки Луккезины Муньоне. Он был возведен в сан кардинала в 1467 году и принял титул Сан-Пьетро ад Винкула. Он был генералом миноритов и был известен своей ученостью и умением вести полемику. После своего избрания он принял имя Сикст IV., и он был коронован Родриго Борджиа 25 августа 1471 года.

При Сиксте глава Церкви быстро утратил свой священнический характер и превратился в светского князя. Отныне преемниками святого Петра были итальянские монархи, и когда они обрели священный характер, это было совершенно случайно. Жизнь, которую они вели, вынуждала их прибегать к мирским средствам — продаже должностей и индульгенций, а также продвижению интересов своих сородичей. Никогда прежде не проявлялся такой бесстыдный кумовство, и теперь оно стало главной движущей силой каждого поступка папы.

Незаконнорожденные сыновья пап появлялись при каждой смене папства; они вели себя в Ватикане как принцы; они терроризировали Рим и пытались силой завладеть различными итальянскими княжествами. Как правило, их карьера резко обрывалась со смертью папы, которому они были обязаны своим продвижением и для которого они часто были ценными помощниками, и стремление понтифика к светскому господству часто находило выражение через них. Папы в своей борьбе с кардиналами часто находили этих спутников весьма полезными. Их власть, однако, не простиралась далеко за пределы церковных государств, поскольку им резко противостояли более старые династии.

При Каликсте III. Рим был испанским государством, в правление Пия II. Сиенцем, а во время папства Сикста IV. это была лигурийская монархия, и владения Святого Петра в настоящее время достигли наибольшего территориального расширения. Однако в ее границах все еще оставалось несколько феодальных семей и республик, подлежащих уничтожению. Их папские фавориты, стремившиеся превратить Церковные государства в наследственную монархию, стремились сокрушить.

15 Декабря 1471 года Сикст сделал Пьетро Риарио, своего предполагаемого племянника, но, вероятно, своего сына, кардиналом Сан-Систо, а Джулиано делла Ровере, сына своего брата Раффаэле, кардиналом Сан-Пьетро-ад-Винкола, нарушив тем самым свою клятву. Оба этих молодых человека были низкого происхождения и без образования, и Священная коллегия мало подозревала, что одному из них, Джулиано, суждено было стать знаменитым Юлием II.

Джулиано делла Ровере, епископу Карпантраса, было двадцать восемь лет, он был распутником и светским человеком. Пьетро Риарио был несколько моложе, и Сикст сделал его епископом Тревизо и даровал множество других почестей. Вскоре Пьетро полностью подчинил себе папу и из бедного монаха превратился в человека огромного состояния. Он безудержно занялся развратом и за два года промотал состояние в двести тысяч золотых флоринов и превратился в физическую развалину. Он умер в 1472 году, оставив огромные долги, которые так и не были выплачены. Другие родственники Сикста оставались мирянами, но, тем не менее, благодаря влиянию папы были выдвинуты на почетные должности.

После смерти Пьетро Риарио Сикст передал свои чувства своему племяннику Джироламо, вероятно, также сыну понтифика, который был вызван в Рим и получил титул на Имолу, который

был куплен у Таддео Манфреди. Ему было доверено управление государствами Церкви, и Галеаццо Сфорца вручил ему руку своей незаконнорожденной дочери Катерины, героической мегеры, которая защищала Форли от убийц своего мужа, а позже от Чезаре Борджиа, и которую ее соотечественники называли *примадонной Италии*. В обмен на оказанную честь Сикст сделал сына Галеаццо, Асканио, кардиналом.

Вскоре после этого папе удалось заключить матримониальный союз между своей семьей и принцами Урбино; ибо в обмен на возведение Федерико ди Монтефельтре в герцоги Урбино последний согласился на брак своей дочери Джованны с Джованни делла Ровере, другим братом Джулиано.

Сикст также пожаловал пурпур Кристофоро и Доменико делла Ровере; сыну своей сестры, Джеронимо Бассо, а также Рафаэле Риарио, племяннику Пьетро Риарио.

Было заявлено, что папа в своем стремлении продвинуть своих бесчисленных родственников и связи часто даровал должность одному, забывая, что он уже передал ее другому. Поговаривали даже, что кардинал Пьетро Риарио заключил соглашение с Галеаццо Марией Сфорца из Милана, по которому герцог должен был снабдить его деньгами и войсками, чтобы позволить ему захватить папский престол, который Сикст, по-видимому, был готов уступить ему; однако план, который привел бы к секуляризации Папской области, провалился из-за смерти Пьетро.

Секуляризация папства, тем не менее, продвигалась быстрыми темпами. Курия все больше и больше пристрасталась к порокам эпохи. Немецкие путешественники, посетившие Рим в 1475 году, в год Юбилея Павла II, сократив период между юбилеями до двадцати пяти лет ради денег, которые они приносили, - расскажите, что они не видели ничего, кроме кумовства, симонии, вымогательства и преступности. Повсюду чувствовалась экстравагантность, помпезность и вульгарная любовь к показухе. Население, как и во времена Римской империи, требовало зрелищных выставок, и папы их щедро обставляли.

Успех политических планов Сикста требовал свержения Медичи, и, следовательно, он, по крайней мере, поддержал заговор Пацци, который привел к убийству Джулиано де Медичи и ранению Лоренцо, спасшегося только бегством. Три недели спустя папа, король Неаполя Фердинанд и город Сиена сформировали лигу, общепризнанной целью которой было изгнание Медичи из Флоренции.

Сикст был непревзойденным политиком, и Инфессура говорит о дне его смерти как о "том самом благословенном дне, когда Бог избавил христианский мир от рук самого нечестивого и беззаконного короля".⁶ Он утверждает, что Сикст не испытывал любви к своему народу; что он был алчным, тщеславным, порочным; что он торговал должностями и бенефициями, делал из правосудия игрушку и что он был жесток и мстителен.

Согласно истории, Сикст был злым правителем в злую эпоху. Все его поступки были вдохновлены жадностью власти или преувеличенной привязанностью к своим родственникам. Именно он первым полностью передал папство и Рим своим родственникам. Он использовал всевозможные средства, чтобы увеличить доходы Церкви, но только для того, чтобы передать их своим племянникам для расширения власти своей семьи. Однако он не был полностью лишен добродетели, поскольку обладал большой ученостью. Нетерпимый к противоречиям, он использовал любые средства, чтобы преодолеть сопротивление, и вскоре показал, что рожден

править. Сикст IV. не обладал ни одним из священнических качеств, которыми, как предполагается, должен обладать Верховный понтифик; в нем священник терялся в принце.

С этого времени преемниками святого Петра были мирские монархи, оказавшиеся папами римскими; к членам их семей повсюду относились как к принцам. Многие из их предполагаемых племянников на самом деле были их незаконнорожденными сыновьями. Во времена правления Сикста в Европе бытовала поговорка, что в Риме было столько пап, сколько у него было племянников. С каждой переменой в папстве к власти приходил новый рой, но только для того, чтобы пасть со смертью своего создателя.

Поскольку папство стало светской властью, родственники папы были его главной опорой; в то же время Священная должность была величайшим политическим инструментом, которым амбициозная и могущественная семья могла заручиться для своего продвижения.

Папские племянники терроризировали владения Церкви и пытались завладеть соперничающими государствами и городами. Кумовство превратилось в систему, и, поскольку папе было отказано в наследовании, это дало ему единственное средство, с помощью которого он мог надеяться увековечить свою власть, но, как мы видели, этих средств было недостаточно.

Итальянцы быстро обнаружили, что на кафедре Святого Петра преобладали те же надежды и страхи, те же амбиции и страсти, что и в других местах, а также что папа был очень человеческим сувереном и пользовался тем преимуществом, что ему не мешали никакие феодальные институты.

Светская власть папы, однако, могла осуществляться только на территории вокруг города Рима, где все еще оставалось несколько могущественных феодальных семей вместе с рядом небольших республик, уничтожение которых могло быть предотвращено только с помощью фаворитов или родственников понтифика. Таким образом, могла бы быть установлена монархия, которая по размерам и могуществу сравнялась бы с большинством итальянских государств той эпохи.

Сикст создал не менее тридцати пяти кардиналов. Заговор Пацци, война против Феррары, его обращение с Колонной и имена Пьетро и Джироламо Риарио показывают, до какой глубины пало папство в последние годы пятнадцатого века.

Между кумовством Сикста IV. и кумовством Александра VI. разница была невелика. Если бы племянники Делла Ровере обладали способностями Борджиа, или если бы произошли политические события, нарушившие согласие на полуострове, Сикст IV... обеспечил бы то место в Италии и в истории Рима, которое занимает Александр VI. . Сикст был первым папой-королем, но его намного превзошел Александр VI.

Италия переживала тяжелые времена; полуостров кишел коррупцией; повсюду шла безумная борьба за должности; каждый человек поднимал руку на своего соседа; папы занимались всевозможными финансовыми операциями — продажей должностей, почестей, индульгенций, иммунитетов; и, что еще хуже, стране угрожало иностранное вторжение.

Сикст умер 12 августа 1484 года, и когда его противники узнали о его смерти, они бросились вперед и разграбили дворцы Риарио. Конклав по избранию его преемника состоялся 26 августа,

и было установлено, что кардиналы разделились на две партии: в одну вошли Родриго Борджиа, Орсини и арагонская фракция; в другую - Колонна, Чибо, Делла Ровере и венецианцы.

Родриго Борджиа был настолько уверен в своем избрании, что приказал укрепить свой дворец, чтобы уберечь его от разграбления. Голоса открыто обменивались на замки, бенефиции и папские должности. Асканио Сфорца и арагонцы, не сумев добиться избрания Борджиа, продали свои голоса кардиналу Джамбатисте Чибо, который был избран 29 августа 1484 года. Он принял имя Иннокентий VIII. Джулиано делла Ровере наиболее искусно руководил своей кампанией.

Чибо был красивым и импозантным мужчиной, но не обладал ни богатством, ни мозгами. У него было многочисленное потомство от некой неаполитанки. Именно его сын Франческетто Чибо, считающийся его племянником, женился на Магдалене, дочери Лоренцо де Медичи, 20 января 1488 года в Ватикане с большой помпой, и в обмен на эту честь Джованни де Медичи, которому тогда было тринадцать лет — будущий Лев X. — был назначен кардиналом.

Кардиналам Иннокентий давал всевозможные обещания, которые никогда не выполнял — обещания, данные этим человеком, могли быть нарушены папой. Он был первым из викариев Христа, публично признавшим своих детей, которых у него было семеро. Он был отвратительной личностью, алчной, порочной и продажной, полностью находившейся под контролем своих фаворитов. В Риме он основал контору по продаже помилований, доходы от которой шли ему и его сыну Франческетто. Во время его правления преступность пользовалась большим успехом по всей Кампанье.

Иннокентий продолжил и расширил порочную практику своих предшественников. Торговля офисами велась в доселе невиданных масштабах, поскольку он постоянно создавал новые исключительно для получения прибыли от их продажи. Он продал право собирать пошлины определенным лицам и обанкротил государство. Рим был поглотителем преступности и коррупции, рынком, на котором весь мир мог покупать индульгенции.

Кумовство Иннокентия отличалось от кумовства некоторых других пап. У него это было основано не на политической идее или цели, а просто на алчности и вульгарной жадности. Он не основывал княжеств для своих сыновей, потому что сам был полностью лишен силы и политической хватки, а у них не было ни честолюбия, ни способности стать могущественными в государстве. Графства Черветри и Ангильяра были переданы Франческетто, но после смерти своего отца он продал их Вирджинию Орсини, и поступил мудро, потому что не смог бы удержать их.

Инфессура сообщает нам, что когда несчастный Невинный VIII. когда он был на смертном одре, его еврейская пиявка попыталась продлить его жизнь кровью трех маленьких мальчиков, которые были куплены по дукату за штуку и которые быстро умерли, после чего врач сбежал, а папа скончался 25 июля 1492 года.

Конклав по избранию его преемника начался в Сикстинской капелле 6 августа. Присутствовали двадцать пять кардиналов. В Священной коллегии доминировали Асканио Сфорца, Лоренцо Сибо, Раффаэле Риарио, Джулиано делла Ровере и Родриго Борджиа. Говорят, что король Франции выделил 200 000 дукатов, а Генуя - 100 000, чтобы обеспечить избрание Делла Ровере, самым опасным соперником которого был Асканио Сфорца, за которого Родриго Борджиа отдал свой голос, зная, что он не может быть избран.

Когда Сфорца увидел, что сам он не сможет выиграть главный приз, он приступил к обеспечению — с помощью Риарио и Орсини — избрания Борджиа и в подходящий момент отдал за него свой голос. Хотя Асканио Сфорца был невероятно богат, у него была своя цена, и его купили. В Риме говорили, что перед конклавом Родриго Борджиа прислал ему четырех мулов, нагруженных серебром, а также что он пообещал ему, в случае его собственного избрания, свой дворец и его содержимое, а также высокую должность вице-канцлера Церкви. Орсини был доволен Монтичелли и Сориано, в то время как Колонна и его семья были рады принять Субьяко и его замки в бессрочное пользование. Кардиналу Микиэлю было обещано епископство Порту; Склафенати был подарен Непи, а кардиналу Савелли - Чивита Кастеллана. Другие предпочли наличные. Патриарху Венеции, которому тогда было девяносто пять лет, было дано 50 000 дукатов на содержание до тех пор, пока он не войдет в рай. Теми немногими, кого не удалось купить, были Пикколомини, Дзено, Делла Ровере и Караффа.

Когда Борджиа узнал, что его избрали, его охватила радость, и он воскликнул: “Теперь я папа, понтифик, наместник Христа!” — но молодой кардинал Медичи наклонился и прошептал на ухо Чибо: “Давайте сбежим, пока волк не загнал нас в свою пасть!”

Борджиа, опасаясь, что по какой-нибудь случайности должность все же может ускользнуть у него из рук, поспешно облачился в папскую мантию и приказал церемониймейстеру раздать открытки с надписью: “У нас папа Александр VI”. Рано утром следующего дня окно распахнулось, был выставлен крест, и в тишине раннего рассвета было объявлено имя нового папы: Александр VI.!

Распутная жизнь Александра была известна всем; и если мы вспомним, что это была эпоха распутства, когда люди ожидали от духовенства не больше, чем от мирян, тот факт, что поведение Борджиа вызвало любые комментарии, показывает, до каких глубин безнравственности он опустился. Его открыто обвиняли в тех неприличных пороках, которые Тацит и Светоний приписывали более ранним римским императорам.

Однако нельзя отрицать, что Александр VI. также обладал великими добродетелями. Современники описывают его как энергичного, образованного, проницательного и стремительного к действию, а также как готового к речам.

Родриго Борджиа провел семь лет в Болонье, изучая каноническое право; и когда его дядя, Каликст III, в 1456 году сделал его епископом Валенсии, он также сделал его кардиналом-дьяконом Сан-Никколо-ин-Карчере-Туллиано, а вскоре после этого сделал вице-канцлером Церкви.

Во время правления Сикста IV. он был назначен епископом Порту и отправлен легатом в Испанию. Возвращаясь в Италию, он потерпел кораблекрушение и был спасен лишь с большим трудом. Когда он был кардиналом, он занимал дворец Чезарини, но говорят, что он был скуп и, несмотря на свое огромное богатство, редко принимал гостей.

Борджиа стал величественным и импозантным папой; он был коронован 26 августа 1492 года с величайшей помпой и великолепием. Никогда еще, со времен Империи, Рим не видел таких зрелищ. Когда папа, полумертвый от усталости, добрался до Латерана, он потерял сознание; и снова, когда он занял свое место на троне, он потерял сознание, его голова упала на плечо Риарио.

Гвиччардини говорит, что двумя величайшими несчастьями Италии были смерть Лоренцо Медичи и восшествие на папский престол Родриго Борджиа.

* * * * *

Борджиа были порочными, пронзительными, интеллектуальными и прозорливыми людьми, обладавшими неукротимой волей. Они были наделены умственной и физической силой, которая приносит успех, а часто и ненависть.

ПАПА АЛЕКСАНДР VI.

С фрески кисти Пинтуриккьо.

Смотреть в лицо стр. 52.

Захватив папский престол в то время, когда все люди были жадны до власти; создавая княжества и продвигая семейные интересы и в то же время усиливая влияние Испании на

Святой Престол и по всей Италии, их враги преуменьшили их добродетели и преувеличили пороки. Их обвинили во всевозможных отвратительных преступлениях, некоторые из которых они, несомненно, совершили, а некоторые, в которых они, безусловно, были невиновны. Их враждебно настроенные современники распространяли слухи об их злодеяниях по всему христианскому миру, и обвинения, выдвинутые против них при их жизни, повторялись историками вплоть до наших дней.

Опять же, Борджиа были оценены не в связи с их возрастом и современниками, а как изолированные существа или по современным стандартам этики. Чезаре Борджиа описывают как хищного волка среди стада овец, тогда как, как хорошо говорит Медин,⁷ он был просто волком, сражающимся с другими волками, с той разницей, что, хотя он обладал такой же жадностью, свирепостью и честолюбием, он превосходил их всех масштабностью своих проектов и непоколебимой решимостью, с которой он их осуществлял.

Судить о Борджиа по нынешним стандартам явно несправедливо. Характер папства изменился; Александр VI. был всего лишь светским князем с определенными жреческими функциями. Он использовал свой высокий пост для продвижения себя, своей семьи и своих последователей, как это делали другие папы его эпохи, но более последовательно, более умело. Как и у других властителей того времени, у него были любовницы, которых он без колебаний вводил в Ватикан, и многочисленные бастарды, которых он публично признавал.

В этой связи неплохо было бы вспомнить, что к незаконнорожденным в пятнадцатом веке не относились с тем презрением, с которым к ним, как предполагается, относятся в настоящее время; фактически, их открыто признавали и обращались с ними точно так же, как с законнорожденными детьми, и когда по политическим или иным причинам возникала необходимость узаконить их, не было ничего проще, папы часто брались за устранение этого пятна специальными буллами. Грегоровиус называет это золотым веком бастардов и перечисляет среди правящих принцев Италии незаконнорожденных Сфорца из Милана, Ферранте из Калабрии, Сигизмондо Малатеста из Марчей и Борсо из Феррары, который был одним из восьми внебрачных сыновей Дома Эсте, выехавших навстречу Пию II. когда он направлялся на конгресс в Мантуе в 1459 году и которого он описал как “красноречивого, щедрого и великолепного”.⁸ Когда законные дети были несовершеннолетними или недостаточно сильными, к наследованию часто допускались бастарды; критерием была пригодность личности, а не факт чистого или нечистого рождения. В более северных странах, например, в Бургундии, незаконнорожденные дети обеспечивались отдельным классом уделов, таких как епископства. Величайший из сынов человеческих не высказал отдельного мнения, когда заставил внебрачного сына Глостера, Эдмунда, воскликнуть:

“Которые в похотливой скрытности природы принимают
Больше композиции и свирепого качества,
Чем в унылой, несвежей, усталой постели,
Идут на создание целого племени щеголей,
находящихся между сном и бодрствованием”.

История, главной заботой которой до недавних лет было фиксирование побед обмана и силы и увековечение памяти морально уродливых людей, от Цезаря до Бонапарта, сохранила для нашего назидания имена бесчисленных ублюдков, которые ослепляли своих современников и

которыми маленьких мальчиков и девочек учат восхищаться, точно так же, как их учат восхищаться теми чудовищами, которые, преследуя свои собственные цели и амбиции, уничтожили наибольшее количество своих собратьев — массовое убийство является славным достижением; таким образом, у нас есть дон Иоанн Австрийский, Вандом, Дюнуа, Принц Евгений, коннетабль Бурбонский, и Морис Саксонский. Только в шестнадцатом веке Италия испытывала какое-либо отвращение к нелегитимности, да и то из-за влияния иностранных идей и контрреволюции.⁹

В дополнение к незаконности рождения на полуострове была распространена другая форма незаконнорожденности - незаконная власть правящего суверена, то есть узурпированное господство, которым пользовался политический авантюрист. Нам не нужно останавливаться, чтобы спросить, отнял ли он власть у более раннего узурпатора, будь то принц или фракция, или спрашивать, как узурпированная власть может когда-либо стать легитимной. Такое положение дел породило бесчисленные насильственные преступления, а кинжал и отравленная чаша были обычными инструментами личного политического продвижения.

Происхождение некоторых из этих незаконных властей можно проследить до середины XI века, когда феодалы столкнулись с новой властью в городах в виде корпорации или гильдии ремесленников, которые постепенно осознали свою силу и важность и показали своим хозяевам, что с ними можно считаться в будущем.

Развитию этого нового движения способствовали Инвеститурные войны, которые, хотя и ослабили авторитет епископов, пробудили умы граждан, пробудили в них интерес к общественным делам и зародили в них стремление к свободе.

Почти в каждом городе тогда было по два епископа, один из которых представлял Империю, другой — Святой Престол, и каждый стремился увеличить число своих последователей с целью победить и изгнать своего соперника; следовательно, гражданам были предоставлены бесчисленные уступки, привилегии и привилегии, пока, наконец, когда борьба была завершена Вормским конкордатом в 1122 году, почти все суверенные права — регалии - не перешли в руки народа.

Не только епископы были вынуждены уступить, но и сам император, графиня Матильда и все знатные вельможи были вынуждены согласиться с движением, которое распространилось даже на города, независимые от какого-либо епископа.

Отныне города управлялись самостоятельно и избирали своих собственных вождей или консулов. Они, однако, не претендовали на полную независимость от Империи, но с готовностью признавали себя ее феодалами. Движение распространилось по всей Италии, и многие города стали настолько могущественными, что вынудили феодалов окружающей страны подать заявление на получение гражданства и согласиться подчиняться общинным уставам. Эти различные элементы, проникшие в город, вскоре вызвали раздоры и ссоры, в ходе которых участились кровопролития; в дополнение к этой внутренней войне соперничество между различными коммунами привело к постоянным раздорам между ними.

На какое-то время им пришлось охотиться друг на друга; ибо, хотя они и были феодалами империи, императоры не могли уделять никакого внимания делам Италии, поскольку Германию раздирали гвельфы, приверженцы баварского дома, и Гибеллины, сторонники франконийского дома.

Общинный режим был шагом вперед по сравнению с феодальной системой, но он не смог пережить внутренние и внешние распри; вскоре он начал проявлять признаки слабости, и к концу столетия стало очевидно, что он обречен. Большинство людей, заинтересованных в торговле и производстве, устали от междоусобиц и были готовы приветствовать любую сильную власть, которая взяла бы на себя руководство, положила бы конец внутренним раздорам и защитила город от нападений извне. Поскольку коммуна была расколота на бесчисленные фракции, она находилась в особенно подходящем состоянии для захвата любым сильным и смелым авантюристом, который мог претендовать на власть, и когда этому человеку случалось быть главой городского правительства, подестой или предводителем народа, это был легкий шаг к тирании. В последние годы существования коммун магистраты обычно избирались из числа феодальных семей по соседству. Они привыкли командовать, их снабжали оружием, и в дополнение к их фракции поддержки в городе у них во многих случаях было большое количество сторонников из родственников и вассалов в соседних поместьях. Следовательно, для них не было ничего проще, чем захватить верховную власть в городе, удержать ее и передать своим потомкам.

Одними из первых семей, обеспечивших себе и сохранявших эту незаконную власть, были Делла Скала, захватившие Верону; Эсте, захватившие Феррару; Медичи, захватившие могущественную коммуну Флоренции; и Гонзага, захватившие Мантую.

Огромное множество людей, приехавших в Рим на юбилей 1300 года, вдохновило Бонифация VIII. с мечтами об империи, а год спустя он опубликовал буллу, в которой подтвердил абсолютную власть папы над всеми принцами, королями и императорами. Эту точку зрения оспорил Филипп де Бель из Франции, которого поддержали дворяне, духовенство и народ. Бонифаций удалился в свой город Ананьи, чтобы подготовить буллу об отлучении от церкви, после чего, действуя в согласии с Шаррой Колонной и другими врагами папы, Ногаре, министр Филиппа, овладел городом Ананьи и схватил его Святейшество, который, однако, был освобожден народом несколько дней спустя. Святой Отец вернулся в Рим, где вскоре после этого скончался (1303).

Два года спустя француз Бертран Гот, архиепископ Бордо, был избран папой римским. Он, однако, не поехал в Италию, а основал папский престол в Авиньоне, и папы, наконец, перешли под защиту королей Франции, и их политический авторитет быстро пришел в упадок.

В течение последующих двухсот лет тирании, установившиеся на руинах коммун, укреплялись, и во многих городах утвердились могущественные династии, передающие власть по наследству от отца к сыну или члену клана, наиболее подходящему для сохранения власти, приоритета или легитимности рождения, имеющих мало общего с наследованием, обладанием *добродетелью*, характеристикой, наиболее необходимой для сохранения себя и семьи, определяющей происхождение. Всякий раз, когда обнаруживалось, что законный наследник уступает, умственно или физически, одному из бастардов семьи, он уступал место последнему.

Теперь в Италии начали появляться роты наемных солдат. Этими бандами наемников командовали так называемые кондотьеры, и когда война, в которой они участвовали, закончилась, их уволили, как и других наемных рабочих. Их лидеры были смелыми и беспринципными, и на карту не было поставлено никаких личных интересов. Эта система породила серьезные опасности для полуострова; она привела в Италию толпы никчемных авантюристов, которые продавали свои услуги любому, кто был в состоянии за них заплатить, и

часто они оборачивались против своего работодателя. Они наводнили страну, грабя, убивая, бесчинствуя.

Власть пап в Романье, никогда не отличавшаяся особой силой, ослабла за время их отсутствия в Авиньоне. Болонья попала в руки Пеполи; Полентани захватил Равенну; Манфреди владел Фаэнцей; Орделаффи наслаждался Форли; Малатеста властвовал над Римини; Варано распоряжался состояниями Камерино; Монтефельтре - Урбино и Чивитавеккьей. Кампанья подвергалась нападениям банд разбойников, возглавляемых членами этих семей, а в Риме воцарилась полная анархия, два великих клана Орсини и Колонна постоянно боролись за контроль.

Пятнадцатый век был наполнен борьбой тираний между собой; более слабые были сокрушены более сильными, которые поглотили их территории, и таким образом образовались великие государства, а их главы стали князьями. Помимо борьбы с внешними соперниками, эти княжеские дома постоянно враждовали с другими могущественными семьями в пределах своих владений; заговоры и интриги заполняли день; князья становились все более деспотичными; соперников, претендентов, непослушных или вялых слуг систематически предавали смерти; жестокость не знала границ.

Люди были черствы или безразличны к преступлениям лордов, потому что они совершались главным образом против их собственных соперников, то есть лиц их собственного ранга. Население давно потеряло всякую надежду на правление, и оно было ослеплено великолепием Двора и великолепием памятников, воздвигнутых правящим принцем. Возвращение части добычи в виде какого-либо памятника, библиотеки или больницы в память об имени и славе разбойника всегда считалось наиболее эффективным способом умиротворить ограбленный сброд.

Миланский род Висконти был одним из величайших княжеских домов Италии, и он достиг пика своего могущества в лице Джана Галеасо, который значительно расширил семейные владения. С помощью падуанской каррары он сверг веронскую Скалу и Виченцу, а затем приступил к отвоеванию Падуи у своих недавних союзников, которые, однако, вскоре вернули себе город. Он сверг Гонзагу из Мантуи, Эсте из Феррары и Палеологов из Монферрата, а в 1395 году убедил императора Винцеля присвоить ему титул герцога Миланского. Разгромив сформированную против него коалицию, он захватил Пизу, Сиену, Лукку, Перуджу, Ассизи, Сполето и Болонью и готовился захватить Флоренцию и провозгласить себя королем Италии, когда внезапно умер (1402). После его смерти его государства быстро распались; папа вернул Болонью, Перуджу и Ассизи, Флоренция захватила Пизу, в то время как венецианцы захватили Верону и Виченцу. В некоторых городах семьи, разоренные Висконти, вернулись к власти, а другие места перешли в руки кондотьеров, так что сыновья Джан Галеаццо обнаружили, что их владения в Милане и Павии сократились. Невозможно найти лучшего примера возникновения, разрастания и угасания нелегитимной власти, то есть власти, основанной на мошенничестве, узурпации и тирании.

Филиппо Мария, последний из рода Висконти, умер в 1447 году, и в Милане немедленно была провозглашена республика. Франческо Сфорца, не желая отстаивать те права, которые он, возможно, имел на престолонаследие в качестве мужа внебрачной дочери Филиппо Марии Висконти, предоставил свои услуги командованию республикой в войне против Венеции. Однако он неожиданно заключил мир с врагом и повернул свои силы против Милана, и, хотя там была

партия, благоприятствующая Сфорце, город оказал храброе сопротивление. Наконец произошло восстание, республика была свергнута, и Франческо вошел в город и был провозглашен герцогом в 1450 году.

Милан во второй половине XV века был одним из самых могущественных итальянских государств; и когда Франческо Сфорца умер в 1466 году, ему наследовал его сын Галеаццо Мария, распутный и жестокий человек, который был убит в церкви тремя дворянами в 1476 году. Его сыну, Джану Галеаццо, в то время было всего восемь лет, следовательно, регентство приняла его мать, Бона Савойская. Братья покойного герцога, однако, составили против нее заговор, и в конце концов Людовико иль Моро, самому решительному и лживому из них, удалось завладеть правительством, после чего он вынудил ее покинуть герцогство.

* * * * *

Италия пробудилась от долгого сна средневековья, в течение которого ее интеллект был парализован суевериями и ужасами, насаждаемыми невежественным и корыстолюбивым духовенством. Она выходила из мрака в новую жизнь, которая проявлялась не только в возрождении образования и поразительном расцвете изящных искусств, но и в расширении человеческой личности. Человек снова открыл себя; он осознал свои способности; он обнаружил, что обладает волей, которая может привести его к величию во многих областях человеческой деятельности. До сих пор суеверного, невежественного и фанатичного, его учили, что если он осмелится воспользоваться интеллектом, которым был наделен, то будет навеки проклят. Жизнь для него была всего лишь мучительным паломничеством между двумя вечностями, в одной из которых он был бы обречен на адское пламя, если бы в своем мирском существовании осмелился найти хоть каплю радости жизни.

В конце концов некоторые проникательные души начали сомневаться и в учениях недавно открытой языческой философии нашли теорию жизни более гуманную, более естественную, более милосердную.

Искусство было полностью занято священными сюжетами, потому что в средние века Церковь была его единственным покровителем. Мрак и суеверия средневекового христианства угнетали души людей, поэтому выбранные сюжеты были до крайности отвратительными и мрачными — изможденные святые, изображения Страшного суда, человеческие существа, корчащиеся в муках вечного гнева. Всомогущий был богом не жалости и любви, а мести. Учение назарянина было полностью искажено, точно так же, как это было пресвитерианскими богословами в Шотландии в семнадцатом и восемнадцатом веках, когда они провозгласили своей миссией “изгонять гнев Господень и проклинать” и пытались направить своих слушателей на путь добродетели ужасными историями о людях, “сожженных в адском огне”, в “кипящем масле, горячей сере, раскаленном свинце”, достаточно кратко изложенными в одной из проповедей Биннинга: “Вы попадете из одного ада в другой, еще худший; вечность - мера его продолжение, и степени самого по себе зависят от его продолжительности”. Такова, по мнению шотландских пасторов, была мера Божьей любви.

Крайности, однако, приводят к революции. За периодом великого аскетизма всегда следует эпоха распушенности, и в Италии эта эпоха совпала с эпохой Борджиа.

В задачу настоящего автора не входит приукрашивать преступления Борджиа; были предприняты недавние попытки показать, что Александр VI. и его сын Цезарь были кроткими и

безупречными существами, оклеветанными, вдохновленными главным образом любовью к парадоксам или вызванными мотивами, мало чем отличающимися от тех, что движут великим адвокатом по уголовным делам, главные победы которого состоят в обеспечении оправдания не невиновных, а виновных. Поэтому к этим усилиям не следует относиться слишком серьезно.

Как и другие князья, Борджиа были людьми, и те же страсти, которые преобладают среди мирян, господствуют и среди духовенства. Теоретически кардиналы были советниками Папы Римского, церковным сенатом, отвечающим за спасение человечества, но на самом деле они представляли собой группу могущественных и проницательных политиков, назначаемых Папой по его собственной инициативе или по просьбе какого-либо правящего монарха или великой семьи, поддержку которой его Святейшество стремился заручиться. Кардинализм был дарован точно таким же образом и по тем же причинам, что и портфель министра в настоящее время, то есть без какого-либо учета пригодности получателя, в качестве награды за оказанные или предстоящие услуги, а иногда и по еще более низменным причинам: Александр VI возвел Фарнезе в сан императора в обмен на покладистость своей сестры, прекрасной Джулии.

Юношей назначали кардиналами в нежном возрасте. Джованни де Медичи, не по годам развитый восемнадцатилетний прелат, по завершении конклава, избравшего Александра VI, был достаточно мудр, чтобы бежать из Рима; а Чезаре Борджиа было семнадцать, когда его отец обнаружил, что тот нуждается в его совете в управлении делами Церкви.

Великие дома соперничали друг с другом за честь, престиж и власть. Было непросто заседать в церковном сенате и иметь голос, направляющий совесть цивилизованного человечества, в то время, когда массы не смели даже думать; и иметь право голоса при избрании величайшего властителя на земле, который мог назначать и смещать королей и императоров и обречь их на вечное наказание по своему желанию. Нет необходимости упоминать об огромном вознаграждении за великую должность, об огромных доходах различных пребендий и средствах к существованию, которыми пользовались кардиналы.

Их власть и богатство не знали границ. Окруженные своими родственниками и вассалами, они содержали княжеские дворы. Они разъезжали по городу в одеяниях кондотьеров, закованные в сталь, с бряцающими мечами на боку. В своих дворцах они содержали сотни мужчин, число которых увеличивалось, когда того требовал случай, за счет присоединения банд наемных хулиганов и негодяев. Каждый дворец был цитаделью, и вдобавок кардиналы обладали правом на убежище — правом, которое, как можно заметить, обычно не соблюдалось, если оно не подкреплялось силой, о чем свидетельствуют частые убийства в церквях Италии в период Возрождения, одним из самых экстраординарных из которых было зарезание Джулиано Медичи Бернардо Бандини и Франческо де Пацци при содействии священника, который, “будучи привычным к этому месту, был менее суеверен в отношении его святости”, на ступенях церкви. алтарь во Флорентийском соборе в 1478 году, на глазах у кардинала Раффаэле Риарио, поднятие Воинства было сигналом к атаке. Дворцы представляли собой огромные каменные крепости с башнями и зубчатыми стенами; портал был закрыт дверями, запертыми на засовы и обитыми железом, способными противостоять практически любой силе; внутри находились обширные дворы и жилые помещения для полчищ слуг. Многие из этих опорных пунктов были даже снабжены артиллерией. Преступник часто пользовался защитой какого-нибудь кардинала, который с помощью своей “семьи”, своих вооруженных сторонников спасал его от тюрьмы. Однажды несколько игривых молодых римлян, напавших на нескольких слуг кардинала

Асканио Сфорца, “семью” доброго прелата, вооруженных до зубов, совершили вылазку, напали на шутников и зарубили около двадцати из них. В другой раз, когда некий Савелли, глава курии, собирался приступить к казни в окрестностях дворца кардинала Балуэ, этот достойный священнослужитель окликнул его из окна и приказал остановиться, поскольку это место находилось в его юрисдикции. На отказ капитана выполнить его приказ кардинал приказал своей “семье” взять тюрьму штурмом, что они и сделали, освободив всех пленников и уничтожив записи. В ту ночь кардиналы Савелли и Колонна направили свои собственные силы против своего коллеги. Впоследствии все воюющие стороны были вызваны к папе по обвинению в неповиновении, но единственное замечание, которое кардинал Балу сделал ордену, заключалось в том, что он наполнил свое логово вооруженными людьми.

В мире быстрых перемен человеческая жизнь, честь и высшие чувства не в почете; материальный успех - это цель, к достижению которой стремятся люди, и мало кто сомневается в средствах, которые они используют. Во время позднего Возрождения деспот без колебаний устранял любое препятствие на пути своего продвижения, даже если этим препятствием был ближайший родственник; и другие члены семьи обычно потворствовали этому поступку, сознавая, что в те беспокойные дни их собственное положение и безопасность зависели от силы и проницательности их главы.

Затем Италия была разделена на сотню мелких герцогств и княжеств, каждое из которых боролось за самосохранение, уничтожая своего соседа. Постоянно формировались коалиции для разрушения государства, растущая мощь которого угрожала нарушить равновесие, и эти соглашения часто нарушались сразу же после заключения. Обман стал тонким искусством, а дипломатия и двуличие стали синонимами. Именно эта острая борьба за существование сделала итальянцев самыми прозорливыми политиками того времени.

Каждый правитель стремился привлечь ко двору художника и литератора, поскольку знал, что приобретенный таким образом престиж был немалым дополнением к его власти, и это объясняет, почему многие из самых жестоких и эгоистичных принцев прославились как покровители искусств и наук. За это покровительство платили лестью, и о том, до каких глубин подхалимства опустятся люди, свидетельствуют отвратительные посвящения книг того времени. В 1488 году, когда Чезаре Борджиа было четырнадцать лет, и по милости Иннокентия VIII. протонотарий Апостольского престола Паоло Помпилио посвятил свою “Силлабику”, труд по риторике, “украшению и надежде дома Борджиа, Прославленного цезаря, чья любовь к литературе предвещает грядущее величие”.

ГЛАВА I

Генеалогия дома Борджиа—Ванотца де Катанеи—Рождение Цезаря Борджиа—Его юность.

Испанский дом Борха, ведущий свою линию с 1035 года, заявлял о своем происхождении от дона Рамиро Санчеса Арагонского. У некоего дона Педро де Борха, умершего в 1152 году — в тот год, когда дон Рикардо, представитель младшей ветви, переехал в Неаполь, — был сын, дон

Хименес Гарсия де Борха, который был основателем старшей линии. Его сын, Гонсалес Хиль, был отцом дона Раймона де Борха, чей сын, дон Хуан Доминго де Борха, сеньор Торре—де—Канальс, живший в городе Сатива в Валенсии в четырнадцатом веке, имел от своей жены Франсины де Борха нескольких дочерей и сына Алонсо, будущего Каликста III.

Уже в 1233 году семья Борха завоевала известность, поскольку в тот год восемь человек из их числа поспешили на помощь дону Хайме в его войне с маврами и своей храбростью обеспечили себе место среди *Кабальерос де ла Конкиста*.

С тех пор Борха занимали множество почетных должностей, но вершины их славы достигли, когда Алонсо де Борха, отправившийся в Неаполь в свите короля Альфонсо Арагонского, был избран преемником Николая V. На посту папы в 1455 году.

Из нескольких сестер Алонсо де Борха, который после своего избрания на папский престол принял имя Каликст III. Каталина вышла замуж за Хуана Милу из Сативы, от которого у нее родились двое сыновей, кардиналы Хуан дель Мила и Перо дель Мила, чья дочь Адриана была женой Людовико Орсини и родственницей и наперсницей будущего Александра VI., сына доньи Изабеллы де Борха, еще одной из сестер Каликста III.

С момента публикации книги Томазо Томази “Дука Валентино” историки повторяли его заявление о том, что Чезаре считал Родриго Ленцуоло, или Лензола, своим отцом — *Риконоббе за падре Чезаре Борджиа, детто пои Валентино, Родриго Ленцолио*.¹⁰

Грегоровиус говорит, что Изабелла, сестра Алонсо, была женой Джофре Ланзоля, богатого дворянина из Сативы, и что она была матерью нескольких дочерей, все из которых остались в Испании, и двух сыновей, Педро Луиса и Родриго; и что Каликст III, дядя, усыновил этих двух племянников и дал им фамилию; таким образом, Ланзоль стал Борджиа, итальянской формой испанского имени Борха.

Если Томази, Панвинио, Мариана и более поздние историки правы, утверждая, что мужем Изабеллы был Лансоль, то их сыном, следуя испанскому обычаю соединять фамилию матери с фамилией отца, был бы Родриго Лансоль-и-Борха, и происхождение от Борха происходило бы только по линии его матери. Но месье Шарль Ириарте¹¹ убедительно показывает, что Родриго был Борха-и-Борха, вдвойне Борджиа, поскольку его отцом был не Джофре Лансоль, а дон Джофре де Борха-и-Дом, который женился на Изабелле де Борха, сестре Каликста III. Следовательно, Домс была фамилией бабушки Родриго по отцовской линии, а щит с тремя лазурными полосами, который присутствует на всех гербах Борджиа, на всех памятниках семьи Эсте и во всех итальянских работах по геральдике, является гербом Домс, а не семьи Ланцоль, чьи гербы, по словам Фабрера, были “лазурными с серебряным солнцем в первой и / или с серебряным полумесяцем во второй четверти” — герб, который никогда не встречается в связи с Борджиа ни в Испании, ни в Италии.

Валенсийская хроника XIII века, в которой говорится, что “Борха в количестве восьми человек поспешили в Валенсию, чтобы служить королю”, добавляет, что “все без исключения носили на своих щитах быка на золотом поле”. Таким образом, мы находим герб Борджиа четко очерченным на этой ранней дате, а двести лет спустя - Каликста III. использовал тот же герб с каймой в виде гулей, украшенный восемью орифламмами; наконец, Александр VI добавил к своему гербу герб Домса, семьи своей бабушки по отцовской линии, три лазоревые полосы на

золотом поле, которые являются гербом Сибиллы Домс из Каталонии, жены Родриго Хиль де Борха, брата Доминго.

Отпрыск этого союза, Джофре де Борха-и-Домс, отец Родриго Борджиа, следовательно, имел право разместить три лазурные полосы дома Домсов рядом с быком Борджиа, что он и сделал.

Таким образом, Родриго Борджиа был сыном Джофре де Борха-и-Домса и Изабеллы де Борха, которые приходились двоюродными братьями; и он был племянником Каликста III, брата своей матери.

Все потомки Александра VI. использовал герб, который он выгравировал на своей папской печати и который по его приказу Пинтуриккьо нарисовал в апартаментах Борджиа в Ватикане.

Когда Лукреция Борджиа, выйдя замуж за Альфонсо д'Эсте, стала герцогиней Феррарской, она добавила к своему гербу орла Дома Эсте, а также папские ключи, а когда ее брат Цезарь, женившись на Шарлотте д'Альбре, стал герцогом Валентинуа, он принял лилии Франции, хотя ему следовало бы взять герб Наварры.

Итак, какая связь имела Ланцоль с Борджиа и что вызвало любопытную ошибку в отношении имени отца Родриго Борджиа?

У донна Родриго де Борджиа, впоследствии Александра VI, было три сестры, одна из которых, донья Хуана, вышла замуж за П. Гильема Лансоля де Романи и родила ему сына, донна Хофре Лансоля-и-Борха, который женился на донье Хуане де Монкада и от нее имел сына, донна Родриго Лансоля, который, вместо того чтобы называть себя Лансоль-и-Монкада, как ему следовало бы, взял фамилию Борджиа, которая была фамилией его бабушки, а также его прабабушки Изабеллы, сестры Каликста III., и именно этот Родриго Ланцоль, который неправильно называл себя Борджиа, чье имя в конце концов каким-то необъяснимым образом перепутали с именем Родриго Борха и Борха, впоследствии Александра VI., и ошибка сохранялась веками. Таково объяснение Ириарте. Доказательства, представленные гербом, подтверждаются валенсийскими хрониками и записями в архивах Осуны.

Борджиа были испанцами и оставались ими на протяжении всей своей долгой и печально известной карьеры в Италии, и их всегда поддерживала могущественная кастильская партия.

В том, что Родриго Борджиа был отцом Цезаря, нет никаких сомнений. Родриго как кардинал, а позже как папа всегда признавал его и относился к нему как к своему сыну, расточая ему безграничную родительскую привязанность и всячески стремясь продвигать его материальные интересы, как он делал это со всеми своими родственниками и детьми.

Одной из самых ярких черт семьи Борджиа была их преувеличенная привязанность друг к другу и безграничное чувство семейной солидарности. Даже папа Каликст III, которого никто не обвинял в том, что он полностью пожертвовал своей должностью ради своих родственников, считал нужным даровать кардинализ нескольким из них.

Если Мариана права, утверждая, что старший сын Родриго Дон Педро Луис, первый герцог Гандии, родившийся в 1467 году, был ребенком Ваноццы де Катанеи, отношения кардинала с этой женщиной, длившиеся около пятнадцати лет, начались, когда ему было около тридцати пяти.

О Ваноцце известно мало. Она родилась в 1441 году и была женой Джорджо де Кроче, когда впервые поддалась притягательному кардиналу, которому подарила четверых детей, в рождении и происхождении которых нет никаких сомнений: Джованни, родившийся в 1474 году, женился на донье Марии Энрикес и был убит в 1497 году; Цезарь, родившийся в 1476 году; Лукреция, родившаяся в 1480 году, сначала была замужем за Джованни Сфорца из Пезаро, затем за Альфонсо Арагонским, герцогом Бишелья, и, наконец, за Альфонсо д'Эсте; дон Сфорца, родившийся в 1480 году, был женат на донне Марии Энрикес. Джуффре, самый младший, родился в 1481 году. Мариана не упоминает о других детях Родриго — Джироламе, которая умерла в 1483 году; Изабелле, жене Пьетро Джованни Матуцци; и Джованни Борджиа, сеньоре Камерино, который был сыном Джулии Фарнезе.

Ваноцца - это просто прозвище Джованны, а Катанеи - распространенное имя по всей Италии. Во многих современных документах она упоминается как Мадонна де Каса Катанеи. Поскольку она смогла столько лет удерживать любящего удовольствия кардинала и добиться от него признания своих детей, различные писатели сочли нужным, за отсутствием других оснований для романтики, приписать ей огромную физическую красоту, силу характера и интеллект. Ее имени нет в списке публичных куртизанок Рима, и было высказано множество предположений относительно ее социального статуса и образа жизни; однако они не являются ни вероятными, ни проливающими свет. Ее безвестность подтверждается безразличием тогдашних сонетистов и эпиграмматистов, которые, если бы она была хоть сколько-нибудь заметна, сделали бы ее печально известной. Бурхард упоминает ее только дважды: один раз в январе 1495 года, когда ее дом был разграблен французами, и еще раз в связи с ужином, который предшествовал убийству герцога Гандийского в июне 1497 года.

Хотя отношения Родриго с Ваноццей прекратились около 1482 года, он продолжал интересоваться ее материальным благополучием. Ее муж, Джорджо де Кроче, умер в 1486 году, после чего кардинал, чтобы она не осталась без дома и защитника, выдал ее замуж за Карло Каналэ из Мантуи, ученого, но покладистого человека, который был секретарем великого литератора кардинала Франческо Гонзаги, после смерти которого в 1483 году Карло отправился в Рим, чтобы поступить на службу к кардиналу Склафенати.

Родриго, вероятно, думая, что таланты Карло могут пригодиться, выбрал его в мужа своей овдовевшей любовницы; и алчность или честолюбие побудили Карло согласиться на это соглашение.

Брачный контракт был составлен 8 июня 1486 года, и своему мужу Ваноцца принесла в качестве приданого за брак тысячу золотых дукатов и назначение на должность *солисителя булларума*. В контракте это описывается как ее второй брак, что ставит под сомнение, была ли она когда-либо замужем за Доменико д'Ариньяно, который, по словам Бурхарда, “был женат Родриго на некой женщине, родившей кардиналу сына, которого он всегда поддерживал и признавал своим собственным, и которого он сделал епископом Памплоны”.¹²

С помощью своего возлюбленного-кардинала она накопила значительное состояние, часть которого по своему завещанию в конечном итоге посвятила на покупку спасения своей души. Судя по всему, она была сильной, грубой женщиной, скупой и корыстолюбивой. Сохранились записи, свидетельствующие о том, что она была обвинена в краже с помощью своих наемных слуг тысячи ста шестидесяти овец у Людовико Маттеи в 1504 году, и ее признали виновной. В 1502 году Нардо Антонацци, ювелир из квартала Регола, также подал жалобу на донну Ваноццу

де Катанеи за отказ заплатить за серебряный крест, который он изготовил для нее в 1500 году. Ювелир, однако, проиграл свое дело.

Томази говорит, что Ваночца была низкого происхождения и что с непревзойденным искусством куртизанки ей удавалось доминировать над любым человеком, которым она хотела управлять, и что она была ненасытной гарпией. Тот же автор утверждает, что кардинал Родриго провел свою юность, развивая свои природные способности с помощью всех уловок, известных придворным, и что он был вероломным, кровожадным и прожорливым хищным зверем, но тем, кто знал, как снискать расположение всех людей.

Таково было прошлое Цезаря Борджиа, и если его родители были плохими, то среда, в которой он вырос, была еще хуже.

Цезарь, если мы примем заявление его отца, родился в апреле 1476 года, поскольку в 1501 году папа в беседе с послом Феррарезе заметил: “Герцогине Лукреции исполнится двадцать два года в апреле следующего года, и в том же месяце Светлейшему герцогу Цезарю исполнится двадцать шесть”.

Заявление отца относительно возраста его детей, о котором посол незамедлительно сообщил герцогу Эрколе Феррарскому, подтверждается различными депешами и письмами, среди которых два, отправленные Джанандреа Боккаччо одному и тому же лицу 5 февраля и 11 марта 1493 года, которые сейчас находятся в государственном архиве Модены. В этих донесениях указывается, что возраст Цезаря в то время составлял “шестнадцать или семнадцать лет”. Следовательно, он был несколько моложе, чем долгое время предполагалось, и не так стар, как его брат Джованни.

На момент рождения Цезаря его отцу было около сорока пяти, а матери, Ваночце, тридцать четыре. Из ее четырех детей Цезарь наиболее интересен как психологическое и историческое исследование не из-за его преступлений, поскольку в то время каждое мелкое итальянское государство имело своего преступного деспота, а потому, что он проявил расчетливую хитрость, проницательность в управлении государством и верность цели, которые редко встречаются у людей его лет и которые сделали его выдающимся среди личностей его собственного типа.

Трудно определить, стремился ли Цезарь объединить многочисленные итальянские государства и в конечном итоге построить великое центральное королевство на полуострове, как считал Макиавелли, или нет. Деятельность Цезаря, однако, обнаруживает нечто большее, чем неразумные усилия свирепого эгоиста удовлетворить безграничные, но смутные амбиции. В начале пятнадцатого века Италия предлагала большие награды решительному авантюристу, и горизонты Цезаря, возможно, были шире, чем владения Святого Петра.

То, что известно о его детстве и юности, не имеет особой ценности по сравнению со знаниями об окружающей среде, в которой он вырос. Булла Сикста IV, изданная в апреле 1480 года, в которой он описывается как “сын кардинала-епископа и некой замужней женщины”, освободила его от необходимости доказывать свое законное происхождение; а Акт, подписанный Фердинандом католиком в 1481 году, предусматривает его легитимизацию и натурализацию. Эти шаги были необходимы, прежде чем он мог быть облечен различными должностями, которые, по мнению его отца, всемогущего кардинала Сан-Никколо-ин-Карчере-Туллиано, должны были ему понравиться. Еще в детстве ему были дарованы всевозможные привилегии. 10 Июля 1482 г. — Цезарю тогда было около шести лет — Сикст IV пожаловал ему

доходы пребендов и каноникатов кафедрального собора Валенсии; и второй буллой, датированной 5 апреля 1483 г., подарил ему еще один каноникат и пособие, принадлежащее архидиаконату Хативы; в следующем году папа назначил его ректором Альбара, и, наконец, 12 сентября 1484 г., когда, согласно булле, ему исполнилось девять лет, он был назначен казначеем Карфагена.

В детстве Цезарь, вероятно, жил с Адрианой Милой, двоюродной сестрой своего отца. Внучка Каталины, сестры Каликста III, она вышла замуж за Людовико Орсини, сеньора Бассанелло, который умер незадолго до 1488 года. Она жила во дворце Орсини в Риме. Лукреция Борджиа также находилась под ее опекой. Адриана Мила была больше, чем родственницей Родриго Борджиа, она была его наперсницей вплоть до дня его смерти. Именно ее сын женился на красавице Джулии Фарнезе, и Адриана была покладистой свидетельницей прелюбодейных отношений его жены, “Христовой невесты”, как называли ее сатирики, со своим двоюродным братом, преемником святого Петра.

Уже упоминавшееся посвящение "трактата о риторике" Паоло Помпилио Цезарю в 1488 году — первое публичное упоминание о нем, которое мы получили. Наследующий год он изучал каноническое право в Сапиенца в Перудже, где у него также был специальный наставник, Хуан Вера из Валенсии. В университете у него было несколько близких друзей и компаньонов — все молодые испанцы, — которые были тесно связаны с его последующей судьбой. Самым известным из этих молодых людей был Франческо Ромолино из Лериды, один из уполномоченных, посланных Александром VI во Флоренцию в 1498 году, чтобы добиться осуждения Савонаролы, и который сказал своему хозяину, Пандольфо делла Луна: “Мы разожжем прекрасный костер; я несу приговор с собой уже готовым”.¹³

Из Перуджи, где Цезарь провел около двух лет, он отправился в Пизу — в 1491 году — чтобы посетить лекции Филиппо Децио, одного из самых известных профессоров канонического права того времени, и он все еще был там 12 сентября 1491 года, то есть в день Иннокентия VIII. пожаловал ему епископство Памплоны. Пять дней спустя кардинал Родриго Борджиа в качестве вице-канцлера Церкви проинформировал капитул Памплоны, алькальдов и советников города об этом назначении; и в тот же день Цезаре, достойный епископ с пятнадцатилетним стажем, также довел этот факт до сведения этих различных лиц и направил к ним в качестве своего представителя достопочтенного Мартина Сапату, каноника-казначея Толедо, с доверенностью, буллами и письмами, назначающими его администратором провинции. Оригиналы документов находятся в архивах Памплоны.

В первом письме, написанном отцом Цезаря на испанском, он описывается как *persona miu a nos conjunta*- “человек, очень тесно связанный с нами”. Кардинал добавляет: “Святой Отец решил назначить на это епископство протонотария дона Сезара де Борджиа, отличающегося своими добродетелями и ученостью”.

Письмо Цезаря, написанное в Сориано, выглядит следующим образом:—

“Магнификосам, нашим Достопочтенным и Особенным Друзьям, — Вы, несомненно, уже узнали из писем преподобного кардинала, вице-канцлера Церкви, что епископский престол вашего города стал вакантным вследствие смерти преподобного сеньора Дона Альфонсо Карильо блаженной памяти, его Святейшество Папа Римский и Преподобные сеньоры, составляющие Священную Коллегию, единодушные в своем выборе, возвели нас

в это достоинство и передали в наши руки буллы и протоколы, которые мы настоящим представляем на ваше рассмотрение. Заботясь о будущем хорошем управлении епископством, как духовном, так и светском, мы направляем к вам достопочтенного Моссена Мартина Сапату, любимого и уважаемого каноника и казначея Толедо, в качестве нашего представителя, должным образом уполномоченного решать все вопросы вместо нас. Мы специально поручили ему посоветоваться с вами по ряду вопросов, и мы настоятельно призываем вас доверять ему во всем и оказывать ему полное доверие. Я также ожидаю, что вы по своей доброй воле поможете ему и будете служить ему. Если возникнет что-то особенное, затрагивающее ваш благородный город и общее благополучие вас самих и общества, вы можете быть уверены, что мы уделим этому такое же внимание, какое уделили бы любому нашему собственному делу. Мне остается только добавить, что я молюсь Господу взять ваших достопочтенных особ под свою защиту.

“От Сориано, XVII день сентября, MDLXXXI. Всегда в твоем распоряжении,

- Сезар де Борджиа,

“Elector of Pamplona.”, - Кивнул он. - Чезаре де Борджиа.

Во второй половине пятнадцатого века, когда юноши женились в шестнадцать, становились кардиналами в семнадцать и командовали армиями в двадцать, дети развивались не по годам, и Чезаре, студент из Пизы, не мог не видеть огромных возможностей, открывшихся перед ним после восшествия его отца на папский престол в августе 1492 года.

Немедленным назначением на высокие должности своих фаворитов и родственников Александр показал, что не намерен оставаться в стороне от кумовства. Его дядя, Каликст III, подал пример, зло разрасталось, и Александру было суждено стать его высшим выразителем.

Цезарь не присутствовал на пышных празднествах, устраиваемых по случаю коронации его отца. Его Святейшество, несомненно, счел разумным не выставлять своего сына на всеобщее обозрение в самом начале драмы. Чезаре в то время находился в Сполето и, будучи проницательным юношей, должно быть, оценил скандальные средства, с помощью которых его отец добился своего избрания. Коронация состоялась 26 августа 1492 года, и в честь этого счастливого события Александр назначил своего сына Цезаря епископом Валенсии на должность, которую он сам занимал и которая несла с собой достоинство примаса Испании.

muy alto y muy poderoso
principes Reyes y Señores

(tomando seguridad en la bondad que se conoce en el
venerable fray buel suervo de vras altzas
yo le dado cargo que de mi parte les declarare algunas
cosas de mi animo y dize a vras Ma^{des}. humil
mte suplico quieran oyellas y mirallas como
argorio de fidelissimo vasallo y suervo suyo y que
tanto conseruare mi persona y bien porque asy
como tal, lo pido y suplico humilmente a vras
Ma^{des} cuyas muy reales personas y estado Dios
filissimamente guard y prospere como sus
reales assonos estan de roma a viij. de
octubre de 1497

de vras Ma^{des}. humil suervo
que sus reales manos beza

C. Car. de
Lalerna

ФАКСИМИЛЕ (УМЕНЬШЕННОЕ) ПИСЬМА, НАПИСАННОГО ЧЕЗАРЕ БОРДЖИА ФЕРДИНАНДУ ИСПАНСКОМУ, РИМ, 1497 год.

Лицом к лицу, стр. 80.

Борджиа не забыли об испанцах; те, кто уже занимал этот пост, были повышены в должности, а для тех, кто еще не успел закрепиться, были найдены места. Епископ Модены утверждает в одном из своих писем, что десять пап не смогли бы удовлетворить этих сателлитов. Сестры папы сразу же стали важными персонами в Риме, а Ваноцца, мать четверых его детей, которая после рождения Джуффре оказалась брошенной ради красавицы Джулии Фарнезе, благодаря

избранию Родриго приобрела как общественное положение, так и материальное богатство. С тех пор она, по-видимому, жила жизнью респектабельной и влиятельной матроны в папском городе.

Все были обеспечены: любовница папы, его бесчисленные родственники, дети и внуки его сестер, полчища испанцев, которые привязались к папской казне, пребенды и бенефиции - и которые даже требовали доли земель, конфискованных у баронов Романьоль. Видными среди испанцев в папском дворце были: Ромолино из Лериды, Хуан Вера, Хуан Лопес, который был назначен канцлером, Педро Каранса и Хуан Марадес, которые были тайными камергерами.

Письмо, написанное Цезаре из Сполето Пьеро де Медичи, показывает, что он был в этом месте еще в октябре 1492 года. Юноша объясняет, почему он не смог навестить флорентийца перед отъездом из Пизы, и рекомендует ему верного Ромолино из Лериды. Письмо, которое было доставлено наставником Цезаря Хуаном Верой, завершается формулой, используемой принцами: *“Танкам Брат, избранный Цезарь де Борджиа. Valent.”*

Только весной 1493 года Цезарь отправился в Рим, где ему был обставлен дом в Трастевере. Здесь у него был многочисленный двор, и хотя ему было всего семнадцать лет, одно из донесений Джанандреа Боккаччо, посла Феррарезе, показывает, что он в совершенстве умел играть роль принца. Посол отправился в Ватикан, чтобы засвидетельствовать свое почтение, и 19 марта 1493 года, сообщая о результатах своей беседы со своим учителем Эрколе д'Эсте, он дает самое раннее из имеющихся у нас описаний молодого епископа Валенсии.

“На днях я посетил Цезаря в его доме в Трастевере. Он собирался отправиться на охоту и был одет в совершенно мирской костюм; он был одет в шелк, а на боку у него висел меч. Мы ехали верхом, разговаривая по дороге. Я с ним в дружеских отношениях. Он интеллигентен и образован — с манерами принца. У него безмятежный и жизнерадостный нрав, и его веселость заразительна. Он очень скромнен. Его осанка намного лучше, чем у его брата, герцога Гандийского, который отнюдь не лишен хороших качеств. Архиепископ [Цезарь] никогда не испытывал пристрастия к священству, но следует помнить, что его бенефиции ежегодно приносят ему более шестнадцати тысяч дукатов”.

Что именно означало слово “скромность” в те дни, неясно, поскольку оно применялось к людям, которые, казалось бы, мало обладали этой замечательной чертой характера.

Церковные правила мало мешали Цезарю. Он был невероятно богат, и ему постоянно предоставлялись дополнительные пособия. Ему немедленно выделили доходы церковей Кастра и Перпиньяна, и на его долю выпало тридцать тысяч золотых дукатов из Сан-Микеле д'Ареццо.

Во время восшествия Александра на папский престол Италии, и Неаполю в частности, угрожали серьезные опасности, возникшие из-за соперничества короля Неаполя Фердинанда и Людовико, герцога Миланского, а в марте 1493 года первый попытался заручиться дружбой папы, предложив выдать замуж одну из своих внебрачных дочерей за Джуффре; предложение, однако, поступило слишком поздно, поскольку в апреле Лукреция Борджиа была обручена с Джованни Сфорца, сеньором Пезаро и родственником Людовико; и была сформирована коалиция. Милан, Венеция и Святой Престол, что могло обернуться только катастрофой для Фердинанда, поскольку Карл VIII, только что унаследовавший корону Франции, начал предъявлять свои претензии на неаполитанский трон.

Раздраженный отказом от своего предложения, король Неаполя написал своему оратору в Испанию, что Александра все ненавидят, несмотря на его священный сан, и что его единственной заботой было увеличить состояние своих детей честными или нечестными средствами.

Некоторые другие итальянские государства присоединились к коалиции, и в апреле 1493 года епископ Непи Бартоломео Флорес публично зачитал статьи договора в соборе Святого Петра, и хотя в адрес Фердинанда не было выдвинуто никаких угроз, все знали, что целью лиги было уничтожение Неаполитанского дома. Помолвка Лукреции Борджиа с Джованни Сфорца укрепила этот союз. Александр ненавидел Фердинанда за то, что тот открыто осуждал скандалы в Ватикане и за то, что он был ярым сторонником неаполитанской партии в Священной коллегии. Король выступал против посвящения в кардиналы Алессандро Фарнезе, брата Джулии Беллы, а также вступил в союз с Джулиано делла Ровере и Вирджинио Орсини, которым при содействии тех, кто пытался помешать избранию Александра, силой удерживали часть территории Церкви. В конце концов король открыто поддержал повстанцев, предоставив им войска и припасы, в то время как его собственный сын, отправившийся в Остию с Джулиано делла Ровере, присоединился к Вирджинио Орсини и Фабрицио Колонне, смертельным врагам папы.

12 июня 1493 года Джованни Сфорца, сеньор Пезаро, женился на дочери папы римского, которой тогда было тринадцать лет. До этого она была помолвлена дважды, и ее описывают как красивую, жизнерадостную золотоволосую девушку. Церемония бракосочетания была проведена в Ватикане, и последовавшие за ней торжества вызвали переполох по всему городу.

Берчард, церемониймейстер, возможно, и не присутствовал — его дневник резко обрывается 11 июня 1493 года и не начинается снова до 14 января 1494 года, — но Инфессура заполняет пробел.

Папа пригласил на свадьбу сто пятьдесят выдающихся женщин Рима и их мужей, а также послов и городских чиновников. После некоторого ожидания в зале женщинам разрешили войти, но когда их мужья, послы и официальные лица собрались последовать за ними, двери закрылись и снова не открывались до истечения часа; затем появились нотариусы, заверившие брачный контракт, и сообщили мужчинам, которым затем разрешили войти, что церемония окончена. Говорили, что по завершении церемонии папа достал пятьдесят кубков, наполненных конфетти, которые в порыве радости он высыпал на лифы женщин, “вероятно, самых красивых, и это, - заключает Инфессура, - в честь и славу Бога и Римской церкви”.

Хронист переходит к описанию банкета в папском дворце, на котором присутствовали церковные сановники и многочисленные женщины, среди которых были дочь папы и Джулия Белла. Празднество продолжалось до седьмого часа ночи и включало в себя чтение нескольких комедий — “среди них несколько непристойных”. Нигде в связи с бракосочетанием Лукреции и Джованни Сфорца не упоминается Цезарь, хотя он покинул Сполето.

Напряженность в делах Италии была несколько ослаблена королем Испании, и благодаря заступничеству Фредерика, сына короля Неаполя, в июле 1493 года между Вирджинио Орсини и папой римским было достигнуто соглашение. Ценой соглашения и роспуска лиги была рука доньи Сансии, которую предстояло отдать Джуффре, младшему брату Цезаре. Контракт был

официально подписан 15 августа 1493 года, и лига была распущена. Брак Джуффре с Доньей Санцией, как и все те, что устраивал Александр VI, был чисто политической выгодой.

Хотя Цезарь не имел склонности к Церкви, вскоре после этого, 21 сентября 1493 года, он был возведен в сан кардинала. Именно при этом создании Джулиано Чезарини, чей брат женился на Джироламе Борджиа в 1482 году, и Алессандро Фарнезе были возведены в кардиналы, и Бурхард добавляет, что были и другие, кто заплатил более ста тысяч дукатов за эту честь. Фарнезе, брат наложницы папы римского, как описывает его папский церемониймейстер со своей обычной любовью к точным деталям, с тех пор был известен в Риме как “кардинал нижней юбки”.

В тот крайне аморальный век неудивительно, что Фарнезе воспользовался прелюбодейными отношениями главы христианской церкви с Джулией, “Невестой Христа”, как ее в насмешку называли. Семья Фарнезе не имела большого значения в истории Италии вплоть до времен Александра VI, но когда он сделал Алессандро кардиналом, он ввел их в историю Рима и всего мира — поскольку этот акт привел к понтификату Павла III, основателя Дома Фарнезе в Парме.

ГЛАВА II.

Карл VIII. вторгается в Италию—Цезарь в заложниках—Цезарь покидает лагерь короля—Лига против Франции—Карл вступает в Рим—Цезарь назначен губернатором Орвието—Папа задумывает вернуть Романью—Он объявляет баронов Романьоль мятежниками—Папа вызывает своего сына, герцога Гандийского, из Испании командовать папскими войсками—Карл VIII. помогает баронам Романьоль —Джуффре Борджиа и его жене, Донье Сансии Неаполитанской, прибыть в Рим — Цезарь назначил легата для коронации короля Неаполя.

Брачный контракт Джуффре Борджиа и Сансии Неаполитанской был подписан 25 января 1494 года, но король Фердинанд умер до того, как брак был заключен, и корона перешла к Федерико Арагонскому. Джуффре по контракту получил для себя и своих наследников в бессрочное пользование княжество Сквиллаче и графство Кариати в Калабрии. Король Неаполя и папа римский пообещали выплачивать молодому человеку ежегодное пособие в размере десяти тысяч крон, и Джуффре должен был быть принят и с ним обращались как с принцем во всем королевстве. Свадьба была отпразднована с большой помпой 7 мая 1494 года, и Джуффре оставался в Неаполе несколько месяцев. Этот союз на время положил конец вражде между Ватиканом и теми, кто при поддержке короля Арагона силой удерживал часть папской территории.

Неаполь теперь был полон сообщений о приготовлениях, которые Карл VIII Французский предпринимал для вторжения в Неаполь, и король Альфонсо послал Ферранте де Хенаро призвать Людовико иль Моро выступить против прихода французского короля. Желая получить помощь папы, Альфонсо также попросил о встрече с ним, и примерно в конце июня понтифик в сопровождении трех кардиналов отправился на встречу с ним в Виковаро. Бурхард описывает

отъезд папы в мельчайших подробностях; среди кардиналов в его свите был его Высокопреосвященство Валенсия.

14 июля папе было объявлено о приближении короля. Когда они въехали в город, Чезаре, кардинал Валенсии, сопровождавший его величество, ехал слева от короля. Папа и король оставались в Виковаро три дня, и между ними и Флоренцией была создана коалиция против короля Франции, но поскольку все союзники боялись Карла, из этого ничего не вышло. Папа и Цезарь вернулись в Рим незадолго до 17 июля.

Чтобы понять, почему Людовико Моро убеждал короля Франции вторгнуться в Неаполь, необходимо вернуться ко временам Галеаццо Сфорца, герцога Миланского, чьим притеснениям и жестокости положил конец его убийство в декабре 1476 года, когда он собирался войти в церковь Святого Стефана.

У Галеаццо остались малолетний сын Джан Галеаццо Мария и вдова Бона Савойская, невестка Людовика XI Французского. Герцогиня выступала в качестве регента при своем сыне, но Людовико, брату убитого герцога, вскоре удалось отобрать у нее власть. Он также отказался передать управление государством своему племяннику Галеаццо Марии, когда тот достиг совершеннолетия, и в то же время фактически держал его в плену. Жена Галеаццо Марии, Изабелла Арагонская, дочь Альфонсо, герцога Неаполитанского, наследного принца Регно, пожаловалась своему отцу, после чего, чтобы свести на нет сопротивление Неаполя и в конечном итоге получить контроль над Миланом, Людовико придумал план побудить молодого короля Франции Карла VIII приехать в Италию и утвердить старые права Анжуйского дома на неаполитанский трон.

Его современники считали Людовико величайшим политическим гением своего времени, и безграничное восхищение, которым он пользовался, показывает, что использование любых средств для достижения эгоистичных целей считалось не только оправданным, но и похвальным. Людовико принял аплодисменты как должное и похвастался, что “папа был его капелланом, император - его кондотьером, Венеция - его камергером, а король Франции - его курьером, который приходил и уходил по его приказу”.

Карл VIII. был дальновидным, слабым, своевольным молодым человеком и, пренебрегая советами своих советников, с готовностью согласился с планами Людовико. Были проведены обширные приготовления к войне; в Вене была собрана огромная армия, а в Геную было отправлено большое количество артиллерии, доселе неизвестного в Италии размера. Однако еще до того, как Карл вступил на полуостров, дон Федерико начал войну нападением на Геную, которое, однако, оказалось безуспешным.

Наконец, 23 августа 1494 года Карл сам покинул Вену и пересек Альпы в Асти, где заболел. Выздоровев, он навел своего двоюродного брата, свергнутого герцога Миланского, и его молодую жену, которых Людовико содержал в замке Павия. Герцогиня умоляла за своего мужа и маленького сына, а также за своего отца и семью, против которых выступал Чарльз.

Вскоре после визита короля молодой герцог умер, и все считали, что он был отравлен своим дядей Людовико.

Карл отправил посла Филиппа де Коммина, чтобы попытаться заручиться поддержкой венецианцев, но они держались в стороне. Посланник объяснил, что король желает их помощи

и совета в своем предприятии; на что они ответили, что он действительно желанный гость, но что они не могут оказать ему никакой помощи, так как боятся турка — хотя они и находятся с ним в мире - а что касается советов такому мудрому королю, у которого уже есть такие способные советники, то это было бы большой самонадеянностью с их стороны; тем не менее, они предпочли бы помочь, чем навредить ему. Они были осторожны в разговорах, а также действовали осмотрительно. “Я считаю, что их дела ведутся более разумно, чем дела любой другой державы или принца во всем мире”, - заключает Коммин. Поскольку Венеция отказалась помочь ему, Карлу было необходимо захватить Флоренцию, прежде чем наступать на Неаполь. Поэтому он решил пройти маршем через Тоскану, где не встретил сопротивления, города во многих случаях добровольно открывали перед ним свои ворота и просили его защиты.

Граждане Флоренции были хорошо расположены к французам, надеясь, что они помогут им свергнуть тиранию Пьеро Медичи, который отказался покинуть Неаполь. Поэтому Карл вступил в Тоскану и осадил Сарцану, после чего мужество покинуло Пьеро, и он тайно попытался выдвинуть свои условия. Его положение стало настолько отчаянным, что он предложил отказаться от Пизы, Ливорно, Пьетрасанты и Либрафатты, а также согласился с тем, что Республика должна выдать Карлу крупную сумму денег. Узнав об этом, флорентийцы пришли в такую ярость, что Пьеро бежал, нашел убежище при дворе Джованни Бентивольо из Болоньи и больше не вернулся. После короткого пребывания в Пизе и Флоренции король отправился в Рим.

В то время французская армия значительно превосходила армии Италии. Кавалерия Карла состояла из *копейщиков*, каждый из которых состоял из тяжеловооруженного латника и трех или четырех его сопровождающих; они и их лошади были хорошо экипированы. Однако большая сила французской пехоты заключалась в швейцарских наемниках.

Итальянские войска были подданными различных государств, находились под командованием своих собственных капитанов и получали от них жалованье; следовательно, в армиях полуострова полностью отсутствовали сплоченность и дисциплина. Итальянские пехотинцы уступали швейцарцам, которые считались лучшими в мире. В дополнение к своим тяжелым орудиям французы располагали большим количеством легких полевых орудий из латуни, которые можно было легко перемещать, которые метали железные ядра и разряжались со значительной быстротой, в то время как итальянские орудия были настолько тяжелыми, что их можно было передвигать только с помощью волов и с величайшим трудом; их боеприпасы состояли из тяжелых каменных ядер.

В войнах XV века человеческие потери были незначительными, несмотря на леденящие кровь рассказы современных хронистов. Защитные доспехи были настолько массивными, что убить человека было трудно, хотя выбить его из седла было сравнительно легко.

Война — это ремесло, несмотря на попытки сторонников грубой силы прославить его. Войны обычно развязывались тогда авантюристами, стремящимися к наживе, как и сейчас, так называемыми капитанами промышленности, которые контролируют все цивилизованные правительства, для расширения торговли, но всегда, конечно, во имя священного патриотизма, который доктор Джонсон назвал “последним прибежищем негодяя”. Лидеры и люди, получающие жалованье, сражались за любое государство, которое их нанимало, и они могли в любой момент сменить работодателя. Знаменитые итальянские военачальники играли в войну с большой выгодой для себя и немалым мастерством.

В то время как французские войска захватывали Патримониум Петри, отряд их кавалерии под командованием монсеньора Ива д'Аллегре захватил мадонну Адриану Орсини, Джулию Беллу, любовницу папы римского, и ее сестру Джироламу, и велик был ужас его Святейшества; его беспокойство по поводу возвращения дам вызвало смех всей Италии и дало составителям сонетов возможность проявить свое остроумие, которым они не замедлили воспользоваться. Капитан, захвативший драгоценности, хотел сохранить их за огромный выкуп, “потому что Святой Отец отдал бы даже свои глаза, чтобы получить их обратно”; но Чарльз отдал их за сравнительно незначительную сумму, несомненно, не ценив их так высоко, как викарий Христа.

Неаполитанские войска отступили перед Карлом, который вступил в Рим в последний день 1494 года; и Бурхард подробно описывает, как его приняли и как население приветствовало его криками “Франция, Франция! Colonna, Colonna! Vincola, Vincola!” Очевидно, они предпочитали Францию, Колонну и Делла Ровере Борджиа.

Все великие прелаты, находившиеся тогда в Риме, немедленно выразили свое почтение королю, в том числе молодому кардиналу Валенсии. Пока французы находились в городе, они совершали всевозможные бесчинства, грабежи и убийства. Именно в это время дом Ваноццы был разграблен, и 10 января 1495 года папа для большей безопасности удалился в замок Святого Анджело в сопровождении нескольких кардиналов, включая Валенсию.

На следующий день Святой Отец и Филиберт Де Бресса, представитель Карла, заключили соглашение, по которому папа должен был короновать французского монарха королем Неаполя и воздерживаться от причинения вреда кардиналам Делла Ровере, Гурку, Савелли и Колонне. Было также условлено, что сын папы римского Цезарь будет сопровождать короля Франции в качестве его заложника.

28 января, попрощавшись с папой римским со многими изъявлениями дружбы, Карл отбыл. В месте, назначенном для того, чтобы Цезаре присоединился к нему, молодой кардинал появился на шести великолепных конях, и они поехали вперед, Цезаре слева от короля. Два дня спустя папе сообщили, что кардинал Валенсии, переодетый мальчиком-конюхом, бежал из королевского лагеря в Веллетри.

Когда Цезарь присоединился к царю, у него было девятнадцать больших сундуков, в которых, как предполагалось, хранились его личные вещи; два сундука были доставлены обратно в Рим; остальные семнадцать были вскрыты по приказу короля после бегства его заложника, и в них ничего не было обнаружено — “по крайней мере, так мне сообщили, - добавляет Бурхард, - но я этому не верю”.

Первую ночь по возвращении в Рим Цезарь провел в доме Антонио Флореса, аудитора Руоты, — возможно, чтобы дать время остыть отцовскому гневу. На следующий день папа послал своего секретаря, епископа Непи и Сутри, к королю, чтобы снять с себя всякую ответственность за пренебрежение цезарем соглашением.

1 февраля город Рим направил трех посланников: Иеронима Порция, приближенного папы, Коронато Планку, старшего аудитора консистории, и Якопо Синибальди, хранителя печатей, к королю, чтобы рекомендовать город его попечению и умолять его не сердиться из-за бегства кардинала.

В то время в Риме считалось, что его Святейшество потворствовал поведению Цезаря, но его право отдать своего сына Карлу в качестве заложника также подвергалось сомнению. Цезарю было тогда всего девятнадцать, и его бегство было наглядным доказательством его способности к лицемерию и решимости. Карл в конце концов решил проигнорировать этот вопрос, и через несколько дней молодой кардинал снова появился в Ватикане.

Примерно в то время, когда Цезаре бесцеремонно удалился, в лагерь Карла прибыли испанские послы, чтобы возобновить протесты Арагонского дома, который был полон решимости отстаивать свои права на неаполитанский трон, и, находясь в Веллетри, дон Антонио де Фонсека угрожал Карлу войной. Эти протесты, которые стали началом знаменитой Лиги сохранения, дают более разумное объяснение бегству Цезаря из французского лагеря, чем теория о более раннем соглашении между ним и его отцом.

В день провозглашения Лиги в Риме — 1 апреля - толпа испанцев напала на швейцарские войска, принадлежащие французской армии, и Бурхард намекает, что Цезарь вдохновил нападение в отместку за бесчинства, совершенные наемниками. Папа, чтобы избежать обвинения в соучастии в побеге Цезаря, отправил его в Сполето, где многообещающий священнослужитель ожидал развития событий. Через двадцать дней после того, как Цезарь покинул французский лагерь, Карл VIII вступил в Неаполь как завоеватель.

Теперь Людовико Моро начал сожалеть о союзе, который он заключил с королем Карлом, хотя к его приезду он смог стать герцогом Миланским. В Вербное воскресенье в соборе Святого Петра был торжественно провозглашен союз против Франции — венецианцы подписали его 30 марта, — и когда Карл узнал о приготовлениях, которые велись на севере Италии, чтобы выступить против него, и о том, что его союзник герцог Миланский, сбросив маску, напал на французские суда в гавани Генуи, он забеспокоился о собственной безопасности. Поэтому он организовал оккупацию Регно, оставив значительные силы на завоеванной территории, и решил вернуться во Францию. Он решил попытаться вывести Александра из союза и с этой целью отправился в Рим. Папа был его ближайшим и самым опасным врагом; поэтому король стремился привлечь его на свою сторону и добиться от него инвеституры Неаполитанского королевства.

Александр, зная, что Карл был оскорблен бегством Цезаря и его собственной деятельностью по созданию лиги, решил избегать его. Поэтому в сопровождении Цезаря и девятнадцати других кардиналов он выехал из Рима в Орвието, куда прибыл 28 мая. Уведомляя жителей Орвието о своем предполагаемом визите, папа заявил, что направляется туда для встречи с королем Франции. Когда его Святейшество покинул Рим, он назначил Палавичини, кардинала штата Анастасия, ответственным за город и приказал ему никоим образом не противодействовать королю и оказывать ему все почести и уважение. Эскорт понтифика насчитывал более пяти тысяч человек, включая греческих наемников, лучников, конных и пеших, придворных и слуг.¹⁴ Папа послал в Монтефьясконе и Витербо за всей артиллерией, мортирами, осадными орудиями и малыми пушками, которые он разместил в замке, вместе с военным снаряжением, привезенным из Рима.

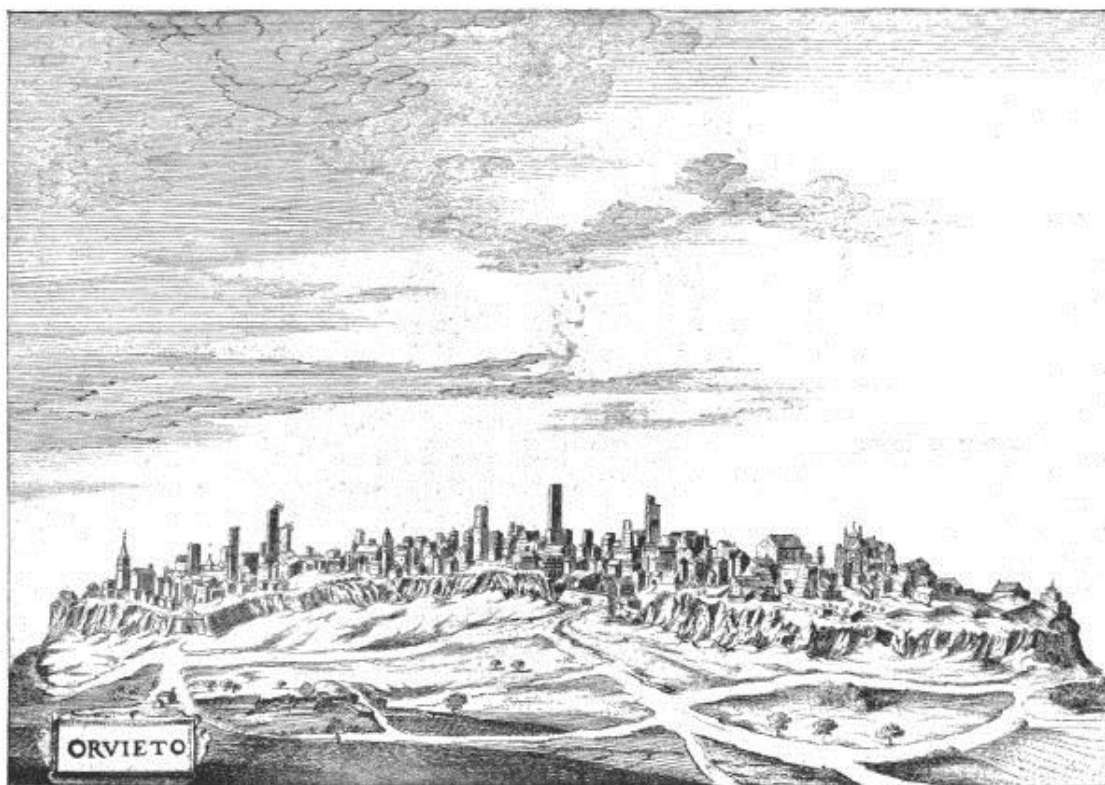
3 июня прибыл посол от императора Максимилиана со свитой из тридцати всадников, и его сопровождали в город несколько кардиналов с охраной в тысячу человек, конных и пеших. На следующий день также прибыл посланник от короля Франции. Считается, что целью посольства Максимилиана было помешать папе римскому и французскому монарху — который настаивал на встрече с его Святейшеством, прийти к какому-либо соглашению. Пока дипломаты пытались

одурачить друг друга, Цезарь был занят приведением крепостей и замков в состояние, пригодное для обороны. Вечером 4 июня папа провел консисторию, на которой было решено послать Хуана Лопеса, дотория и епископа Перуджи, в тот город, куда папа решил отправиться, и дать указание чиновникам должным образом подготовиться к приему его Святейшества. В то время поговаривали, что папа намеревался отправиться из Перуджи в Анкону, а оттуда в Венецию, чтобы попросить помощи у Республики, а не встречаться с Карлом.

5 июня весь папский двор отправился в Перуджу, и не успели они покинуть город Орвието, как прибыл королевский посланник с инструкциями следовать за папой и увидаться с ним любой ценой. Как только гонец узнал об отъезде Александра, он отправился в Перуджу. В Тосканелле его людям отказали в ночлеге, завязалась драка, пролилась кровь. В Санта-Фьоре французы узнали, что цитаделью командует Гвидо Сфорца, и немедленно взяли его в плен, что было вызвано их ненавистью к его родственнику Людовико иль Моро, который предал их государя. Тем временем папа и Цезарь прибыли в Перуджу и таким образом избежали встречи, которой они опасались.

Карл вступил в Рим 1 июня и пробыл там всего ночь. 5-го числа он был в Витербо, а оттуда двинулся в Ломбардию; он избегал Флоренции и отказался сдать Пизу. Он достиг Понтремоли и пересек Апеннины, не встретив никакого сопротивления, но обнаружил, что армии Милана и Венеции под командованием Франческо Гонзага, маркиза Мантуи, поджидают его по другую сторону гор. После непродолжительного сражения при Форново, на реке Таро, король со своей армией в 10 000 человек прорвался сквозь 35 000 союзных войск, потерявших около 3500 человек, и бежал в Турин, а оттуда во Францию, где, по-видимому, напрочь забыл о своем завоевании Неаполя, поскольку оставил своего вице-короля Жильбера де Монпансье заботиться о себе как можно лучше. Сразу после битвы при Форново Фердинанд II. с небольшим количеством испанских войск напали на Неаполь и захватили Монпансье, и французскому владычеству в Регно пришел конец так же быстро, как оно было установлено. Перед отъездом из Италии Карл заключил мир с Людовико независимо от союзников мавра.

Опасность миновала, жители Орвието, желавшие, чтобы папа вернулся в их город, послали делегацию с просьбой сделать это, и 21 июня он действительно вернулся, но ему так не терпелось вернуться в Рим, что он пробыл там всего день. Понтифик, однако, настолько высоко оценил стратегические преимущества замка Орвието, что *позднее* сделал город посольством и пожизненно назначил своего сына легатом и губернатором.

ОРВИЕТО

С ранней гравюры.

Лицом к лицу, стр. 98.

Письмо папы римского, объявляющее о назначении Цезаря, датировано 22 июля 1495 года и гласит:—

“Возлюбленные Сыновья и т.д. ¹⁵ давно зная о вашей великой любви и преданности к нам и о том, что вы желали, чтобы мы назначили нашего любимого сына Чезаре, кардинала Валенсии, вашим защитником и губернатором; и зная, что из-за его высокого характера и особенно его здравого суждения вы можете многого ожидать от него; и чрезвычайно стремясь выполнить ваши пожелания, чтобы вы могли узнать, насколько велика наша любовь к вам, мы решили назначить его вашим губернатором пожизненно и сделать это, как вы увидите из соответствующего документа за нашей печатью. Мы делаем это тем охотнее, что благодаря огромной любви и привязанности, которые он к вам питает, мы уверены, что вами будут хорошо управлять, а также защищать; и что ваши дела будут процветать во всех отношениях. Из-за других вопросов, которые нас касаются, он не может немедленно обратиться к вам, поэтому он посылает вместо себя нашего любимого сына Джакомо Дракаца и т.д. Дано в Риме, в соборе Святого Петра, за папской печатью ххii июля MCCCCLXXXV, на третий год нашего понтификата.

“B. Floridus”.

Читатель вполне может задаться вопросом, был ли кто-нибудь когда-либо введен в заблуждение подобным посланием.

Первым действием Чезаре было назначить на определенные должности, которые были вне его полномочий, и когда этот факт был доведен до его сведения, он отозвал их и извинился с тактом и вежливостью, которые доказали зрелость его суждений и характера и сразу расположили к нему жителей Орвието.

Цезарь заканчивает свое письмо так:

“Принимая во внимание уловки и проницательность некоторых людей, которые не имеют никакого отношения к истине, для тех, кто движим справедливыми намерениями, нет ничего труднее, чем отличить истинное от ложного. Если в будущем я когда-нибудь совершу что-либо, противоречащее вашим обычаям, статутам или привилегиям, знайте, что я был введен в заблуждение каким-то коварным человеком, ибо я всего лишь человек и как таковой подвержен обману”.

Кардинал девятнадцати лет подписывает себя *C. cardinalis Valentinus, qui vos ex corde amat*.

Хотя это письмо не похоже на письмо девятнадцатилетнего мальчика, мы должны помнить, что в те дни дети были развиты не по годам и что его обучение и постоянное общение с проницательными мужчинами намного старше его, которые были озабочены великими интересами эпохи, вероятно, сделали его мудрым не по годам.

Письмо консерваторам датировано 7 августа 1495 г.; следовательно, папа и цезарь вернулись в Рим, как только узнали, что французская армия вступила в бой с силами лиги.

Примерно в это же время Александр задумал великую идею своего правления, а именно добиться окончательного подчинения романьольских баронов, которые сильно беспокоили его в первые годы понтификата. Чезаре было всего двадцать лет, и вряд ли он оказал большую помощь в этом проекте, хотя он не мог быть равнодушен к происходящим вокруг него событиям — сбору людей для усиления папской армии, ремонту и снабжению продовольствием замков вокруг Рима, движениям, несомненно, направленным против баронов Романьи, ныне лишенных поддержки как Франции, так и Неаполя, который стал жертвой другой войны, вызванной решимостью католических монархов восстановить трон Арагона в Регно.

На этом этапе папа решил усилить испанскую партию в Священной коллегии; соответственно, при одном создании — 19 февраля 1496 года — он даровал кардинализм четырем кастильцам: епископу Сеговии, епископу Агриджента, епископу Перуджи и Франческо Борджиа. Таким образом, число испанских голосов в Священной коллегии было увеличено до девяти, и в Риме поднялся шум протеста.

Романья, Марши и Умбрия номинально принадлежали папству, но на самом деле ими управляли определенные могущественные семьи: Орсини и Колонна близ Рима, Верано в Камерино, Фредуччи в Фермо, Тринчи в Фолиньо, Делла Ровере в Синигалье и Урбино, Бальони в Перудже, Вителли в Читта-ди-Кастелла, Сфорца в Пезаро, Малатеста в Римини, Манфреды в Фаэнце, чета Бентивольо в Болонье и Эсте в Ферраре. Эти семьи Александр решил уничтожить, якобы для того, чтобы вернуть территорию для Церкви, но на самом деле для того, чтобы построить великое княжество для своей семьи.

Однако, чтобы осуществить свой замысел, папе нужно было найти разумный предлог, что он с готовностью и сделал, поскольку, когда король Франции прибыл в Италию, Орсини заключили

договор, по которому они должны были помогать ему, хотя до сих пор поддерживали Арагонский дом. У Александране могло быть лучшего предложения для их разгрома; соответственно, 1 июня 1496 года в публичной консистории он зачитал буллу, объявляющую Вирджинио, Джан Джордано, Паоло и Карло Орсини, а также Бартоломео д'Альвиано мятежниками и лишаящими их поместий за то, что они перешли на сторону французов и подняли оружие против Церкви. Их разорение ускорила капитуляция Аверсы 23 июля, когда Вирджинио, глава семьи, был взят в плен.

Для осуществления своего плана папа вызвал своего сына Джованни, герцога Гандийского, в Рим, намереваясь возложить на него должность гонфалоньера папских войск, должность, которую ранее занимал его старший брат, Пьер Луиджи. Джованни родился в 1474 году; следовательно, он был на два года старше Цезаре. В 1492 году он женился на донье Марии Энрикес, племяннице католических монархов, и, казалось, ему была уготована великая карьера.

Когда Джованни прибыл в Рим 10 августа 1496 года, кардинал Валенсии в сопровождении всего Двора верхом на лошадях выехал встречать его у Porta Pertusa и с большим почетом сопровождал в папский дворец.

Джованни обнаружил, что его сестра Лукреция и его брат ДжуфFRE вышли замуж за представителей двух знатных семей полуострова, а его брат Цезарь стал чрезвычайно богатым князем Церкви.

Ему было оказано так много благодеяний, что он стал одним из самых богатых кардиналов. В то время секретарем Цезаря был Карло Вальгулио из Брешии, известный ученый, который с обычной лестью посвятил своему учителю *“De Contemplatione Orbium Excelsorum Disputatio”*, перевод Клеомеда.

К концу октября герцог Гандийский был назначен генерал-капитаном папских войск и вместе с герцогом Урбино и несколькими из Колонна, со всеми своими людьми, оружием и военной техникой, отправился в Ангильяру с целью захвата поместий Орсини.

Менее чем за месяц они взяли десять замков, но за это время Бартоломео д'Альвиано совершил набег до самых стен Рима и едва не захватил Цезаря, который был на охоте; кардиналу удалось спастись только бегством.

Карло Орсини прибыл в Сориано 26 января 1497 года с войсками Вителлоццо Вителли, и после ожесточенной борьбы герцог Урбино был взят в плен. В бою герцог Гандийский был слегка ранен в лицо. Фабрицио Колонна и легат Пьетро де Луна были вынуждены бежать в Рончильоне. Война продолжалась еще месяц и закончилась соглашением, по которому Орсини пообещали выплатить 50 000 дукатов за возвращение оккупированной территории и освободить всех своих пленных, кроме герцога Урбино.

Когда король Франции узнал о действиях Александра против крупных феодалов Романьи, которые перешли на его сторону, он послал им на помощь Карло Орсини и Вителлоццо Вителли со свежими войсками. Один за другим Бальони, Делла Ровере и все, кто ненавидел Александра и видел, что за уничтожением Орсини последует свержение их собственной власти, присоединились к врагам папы. Только Колонна и Савелли были верны Святому Отцу.

Герцог Гандийский был героем *праздников*, последовавших за окончанием войны. Он и муж Лукреции, Джованни Сфорца из Пезаро, были выбраны для встречи с Гонсалво де Кордова, когда он прибыл в Рим 15 марта, после захвата Остии, которую Минальдо да Гевра пытался удержать для Джулиано делла Ровере. Святой отец, однако, продолжал заботиться об интересах Лукреции и особенно интересах Цезаря, которому досталась доля добычи, отнятой у римских баронов. После Эстутевиля Чезаре был самым богатым из кардиналов, и теперь начали шептаться о том, что он намерен отказаться от престола.

Вступив в Церковь, он просто подчинился воле своего отца и принял только первый постриг. Послы отметили его неприязнь к Церкви; у него были инстинкты солдата; он всегда был вооружен; его привлекала война, и он был жаден до власти. Если бы он был старшим сыном, его, несомненно, назначили бы генерал-капитаном папских войск, поскольку у него было больше энергии, более сильная воля, более живое воображение и, что, возможно, еще важнее в эгоистичной борьбе за богатство и почести, у него не было абсолютно никакого морального чувства. В готовившейся великой драме он, несомненно, быстро нашел бы себе подходящую роль. Он был таким же жестоким и властолюбивым, как и его отец, который не осмелился наказать его, когда он бежал из французского лагеря.

Джуффре, принц Сквиллаче, и его жена, донья Санча Неаполитанская, торжественно въехали в Рим 20 мая 1496 года через Латеранские ворота. Принцу было тогда четырнадцать, а его жене на два года старше. Цезарь и Лукреция сопровождали их к главному входу Латеранской церкви в сопровождении двухсот человек, включая ораторов всех степеней, кардиналов и их свиту, а также многочисленных горожан; здесь Джуффре, Санча и Лукреция спешили и вошли в здание; оттуда, после короткого пребывания, они направились к Апостольскому дворцу, где из окна папа нетерпеливо наблюдал за их приближением. Его Святейшество в сопровождении одиннадцати кардиналов — теперь к нему присоединился Цезарь — принял их в большом зале. Перед скамеечкой для ног папы стояла низкая скамеечка, на которой лежала парчовая подушка, а перед ней на полу в форме креста лежали четыре большие подушки из малинового бархата. Джуффре опустился на колени перед папой, который обхватил голову принца руками, но не поцеловал его. Санча и Лукреция последовали за ним и были приняты таким же образом. После этого принц и его супруга поцеловали руки всем кардиналам. Сделав это, Джуффре занял свое место между своим братом, кардиналом Валенсии, и кардиналом Сансеверино, в то время как Лукреция и Сансия сели по левую руку от папы, и “все некоторое время мило и остроумно беседовали”, после чего удалились. На следующий день Санча, Лукреция и несколько других женщин, к великому скандалу Рима, столпились на мраморной кафедре в соборе Святого Петра, с которой священники обычно читали Евангелие.

Сансия, воспитанная при коррумпированном неаполитанском дворе, была смелой и порочной женщиной, которая позже стала самым решительным и бесстрашным врагом Цезаря; она была единственным человеком, осмелившимся бросить ему вызов. Старше своего мужа, она презирала его и доминировала над ним. Говорят, что она была любовницей обоих своих зятьев, кардинала Валенсии и герцога Гандии, а также позже кардинала Ипполито д'Эсте.

На консистории, состоявшейся 8 июня 1497 года, Чезаре Борджиа был назначен легатом для помазания и коронации Фредерика Арагонского королем Неаполя. Александр согласился наделить его титулом регно и перечислять ежегодную дань Церкви, если он сделает Беневенто независимым княжеством для своего сына, герцога Гандии, без феодальных обязательств. На

тайной консистории папа заручился согласием кардиналов на инвеституру герцога Гандийского вместе с Террачиной и Понтекорво.

Цезарь делал экстравагантные приготовления к своему отъезду, а Гандия завершал приготовления к тому, чтобы отправиться с ним на церемонию вручения ему новых владений, когда произошло событие, изменившее весь порядок вещей и продолжающее ставить в тупик историков — убийство герцога Гандийского в ночь на 14 июня 1497 года.

ГЛАВА III

Убийство герцога Гандийского—Цезарь отправляется короновать неаполитанского короля —Он возвращается в Рим—Предполагаемые брачные союзы папы для его детей.

Наиболее подробный отчет, который у нас есть об убийстве герцога Гандийского, содержится в дневнике Бурхарда, [16](#), и он следующий: “Четырнадцатого июня кардинал Валенсии и прославленный Дон Джованни Борджиа Арагонский, герцог Гандийский, князь Святой Римской церкви, генерал-капитан папских войск и самый любимый сын его Святейшества обедали в доме своей матери, донны Ванотцы, недалеко от церкви Сан-Пьетро-ад-Винкола со своей матерью и несколькими другими лицами. Трапеза закончилась, и с наступлением ночи Цезарь и Гандия в сопровождении нескольких своих людей сели на лошадей и мулов, чтобы вернуться в Апостольский дворец. Они вместе поехали в местечко недалеко от дворца кардинала Асканио Сфорца, вице-канцлера. Там герцог, сказав, что намерен пойти и немного развлечься, прежде чем вернуться во дворец, попрощался со своим братом, кардиналом, и, отпустив всех слуг, кроме одного, которые были с ним, *он поехал обратно*. Он также держал при себе некоего человека в маске, который подошел к нему во время ужина и который в течение последнего месяца приходил к нему почти каждый день в Апостольский дворец. Герцог посадил этого человека на круп своего мула и поехал на Пьяцца дельи Эбрей, где оставил слугу, которого держал при себе, сказав ему ждать его там до двадцать третьего часа, а если он не вернется, то возвращаться во дворец. Отдав эти распоряжения, герцог с таинственным человеком на крупе ускорил от слуги в какое—то место - я не знаю, куда — и был убит и сброшен в реку”.

Слуга, оставленный на Пьяцца дельи Эбрей, был найден там смертельно раненным и неспособным дать какую-либо информацию.

Утром пятнадцатого дня, когда герцог не вернулся в Апостольский дворец, папе стало не по себе, но, предположив, что его сын отправился к какой-нибудь любовнице и что он не хотел, чтобы его видели уходящим днем, отец решил, что вернется этой ночью; но Гандия так и не появился, Святой отец встревожился и приказал провести тщательное расследование.

Среди допрошенных был некий Джорджио Склавус, который занимался сбором плавника на берегах реки и который заявил, что в ночь исчезновения герцога он охранял свой лес, когда примерно в пятом часу увидел двух мужчин, которые пешком шли избольницы Склаворум по шоссе общего пользования недалеко от реки. Осмотревшись во всех направлениях и никого не увидев, они вернулись тем же путем, каким пришли. Вскоре после этого точно из того же места

появились еще двое и сделали то же, что и первая пара, и, никого не обнаружив, подали сигнал своим товарищам. Тотчас же вперед выехал человек на белом коне, а за ним - мертвое тело.

Труп сняли с лошади и бросили в ручей, после чего всадник спросил: “Он утонул?” На что остальные ответили: “Signor, sì”. Затем все исчезли там, откуда пришли.

Когда этого человека спросили, почему он не сообщил о преступлении губернатору города, он ответил, что в свое время видел сотню тел, брошенных в Тибр на этом самом месте, и никаких вопросов ему не задавали.

В городе были наняты люди для переправы через реку; за возвращение тела было предложено большое вознаграждение, и около наступления ночи его нашли полностью одетым; даже его кошелёк, в котором было тридцать дукатов, был нетронут. На трупе было девять ран, одна в горле и восемь в голове, туловище и ногах, что доказывало, что герцог храбро защищался. Тело было доставлено в замок Святого Анджело, а затем в церковь Санта-Мария.

Когда Александр узнал об убийстве своего сына, его горе превысило все границы. Несколько дней он не ел и не пил, и попытки его приближенных утешить его были тщетны.

Папа поручил губернатору города задержать убийц, но тщетно. Рим был полон слухов. Подозревались Орсини, как и Бартоломео д'Альвиано; даже муж Лукреции Борджиа, Джованни Сфорца, упоминался в связи с этим преступлением. Люди, близкие к папе римскому, утверждали, что кардинал Асканио Сфорца был если не исполнителем, то, по крайней мере, подстрекателем убийства — недавно он пожаловался папе на оскорбление, полученное им от Гандии. Асканио, когда его Святейшество вызвал его, отказался повиноваться до тех пор, пока послы Испании и Неаполя не гарантируют его безопасность. Однако, когда он все-таки появился, папа любезно принял его и позволил отбыть в любое удобное для него время. Асканио, тем не менее, счел благоразумным на некоторое время покинуть Рим.

Также говорилось, что Антонио Мария Пико делла Мирандола, вдохновленный Асканио, совершил убийство, и даже Джуффре попал под подозрение, потому что — по крайней мере, так было заявлено — Гандия был чрезмерно близок со своей женой. В попытке возложить вину на Цезаря было заявлено, что и он, и Гандия соперничали за благосклонность Сансии и что из-за ревности он убил своего брата. Отчет Берчарда содержит все, что известно об убийстве герцога. Подозрение, наконец, сформировалось вокруг Цезаря, хотя причины для приписывания ему преступления настолько незначительны, что удивительно, что историки на протяжении четырехсот лет возлагали вину на него; нам не предлагают даже косвенных доказательств; максимум, что приводится против него, - это возможный мотив, и, несомненно, у него были не менее сильные мотивы для совершения преступления, особенно если он обладал проницательностью, которой, как нам внушают, он обладал.

Даже признавая, что он потенциально был преступником, в которого впоследствии превратился, возможно ли, что он начал бы свою преступную карьеру с такого чудовищного преступления, как преднамеренно спланированное убийство собственного брата? Цезарю был тогда двадцать один год, а Гандии - двадцать три. Последние, возможно, и получили большие почести от своего отца, но то же самое было и с первыми. Цезаре, князь Церкви, обладавший огромным состоянием, мог рассчитывать на гораздо более блестящую карьеру, чем любой простой князек Беневенто. Он должен был знать, что даже папство было в пределах его возможностей, а в ту эпоху какой властитель Италии мог сравниться с наместником Христа?

Хотя Цезарь недолго любил Церковь, священнический характер кардинала не был препятствием для великих светских начинаний; подобно плащу, его можно было сбросить и надеть снова, когда заблагорассудится; это было явным преимуществом, о чем Цезарь, должно быть, знал.

Есть люди, которые завидуют успеху всех остальных, но это неизменно слабые личности, и никто не может обвинить Чезаре Борджиа в слабости; даже признавая, что он завидовал Гандии, маловероятно, что его ревность была достаточно острой, чтобы побудить его спланировать убийство своего блестящего и образованного брата, чьи таланты и продвижение по службе, несомненно, способствовали бы прогрессу всей семьи. В ту эпоху, несмотря на ожесточенную семейную вражду и соперничество, часто существовало сильное чувство семейной солидарности, и им Борджиа обладали в выдающейся степени.

Кто был тот неизвестный мужчина в маске, который в течение последнего месяца почти ежедневно навещал Гандию в Папском дворце и который даже заходил к нему во время ужина в саду Ваноццы? Возможно, какой-нибудь прислужник или низкий сообщник, сопровождавший его во время разгула; а если и не он, то приманка, подосланная каким-нибудь врагом герцога или его семьи - а Италия кишела ими.

Если убийство было делом рук какого-то врага, что было бы более естественным, чем для убийцы попытаться отвести подозрения от себя и в то же время навлечь позор на Борджиа, распуслав слух, что автором преступления был кардинал Валенсии?

Ясно, что Гандия добровольно отправился в квартал города, где господствовали самые решительные враги Борджиа - Орсини. Его личный слуга был найден утром убитым на Пьяцца дельи Эбрей, где герцог его оставил. Очевидно, человек в маске заманил Гандию в ловушку, а затем, после того как с ним покончили, позаботился о том, чтобы убрать этого приспешника. Когда Гандия уходил от слуги, он, очевидно, думал, что может не вернуться в этот вечер.

Но как мог человек в маске посещать Гандию каждый день в течение месяца с целью заманить его в ловушку так, чтобы герцог не обнаружил, что это был заговор? Очевидно, у Гандии не было никаких подозрений.

Все это дело настолько загадочно, что мы склонны задаться вопросом, верно ли изложение Берчардом обстоятельств.

Нет никаких оснований предполагать, что Гандия отважился бы ночью без присмотра отправиться в квартал Орсини с незнакомым мужчиной позади себя на муле, если только он не собирался на свидание, и его замечание Чезаре показывает, что такова была его цель.

Если это свидание было всего лишь заговором, чтобы увести его подальше от собственного народа, кто это придумал? Придумал ли Цезарь? Для того чтобы Цезарь устроил это прямо в цитадели своих злейших врагов, потребовалась бы масса деталей, планирование и совпадение событий, которые были бы почти невозможны. Гораздо логичнее предположить, что эти враги сами спланировали это — тем более что Гандия был привезен из Испании специально для того, чтобы сокрушить Орсини.

И снова — мы можем спросить - не лукавил ли герцог со своими людьми? Он почти не видел их, он едва знал их. Возможно, он воображал, что сможет быстрее возвыситься, связав свое

состояние с врагами папы, чем поддерживая его? Был ли таинственный человек в маске агентом какой-то семьи или фракции, пытающейся привлечь на свою сторону герцога? Гандия сопровождал этого человека, по-видимому, без малейшего намека на страх, в расположение врага. Если он был замешан в каком-то заговоре против своей семьи и Ватикана, какое-то препятствие на переговорах, возможно, сделало его смерть и смерть хулигана, оставленного на площади, необходимой для предотвращения разоблачения, даже если изначально целью убийства герцога не было.

Если он замыслил заговор против Ватикана, то кто были его сообщники-заговорщики в квартале Орсини? Это дело, по-видимому, содержит в себе нечто большее, чем простое свидание, ибо если нет, то зачем было отсылать слугу?

Прошло совсем немного времени, прежде чем обвинения посыпались извне, возможно, начатые людьми, которые на расстоянии чувствовали себя в безопасности от гнева Борджиа.

22 февраля 1498 года Пинья, посол Феррарезе в Венеции, сообщил, что он слышал, будто Цезаре стал причиной смерти герцога Гандийского. Это было более чем через восемь месяцев после преступления; это был первый раз, когда обвинение было предъявлено определенно; несколько человек из семьи Орсини находились тогда в Венеции, и они, несомненно, распространили бы слух, поскольку папа пытался бросить на них подозрение. Однако, если бы они привели к уничтожению герцога, они, вероятно, прославились бы этим поступком.

Обвинение, однажды выдвинутое против Цезаря, было повторено Паоло Капелло в письме от 25 сентября 1500 года, а также в знаменитом письме Сильвио Савелли от 15 ноября 1501 года. Тот же Капелло, венецианский посол, писал: “Каждую ночь в Риме находят тела четырех или пяти убитых мужчин, епископов, прелатов и так далее”. При Александре VI преступность устраивала в Вечном городе грандиозный карнавал, как это было при его предшественниках.

Папа не принимал Цезаря — по крайней мере, публично — в течение пяти недель, и кардинал был занят приготовлениями к поездке в Неаполь для коронации короля.

Казалось, что его Святейшество изменился; он постоянно работал с шестью кардиналами, которых он назначил, над составлением планов реформы Церкви, и заявил на консистории, что отныне семейные соображения и проекты не будут иметь для него никакого значения.

В конце концов он оставил попытки найти убийцу, и воцарилось всеобщее убеждение, что он лучше всех других знает, кто виновен. Алессандро Браччо, флорентийский оратор в Риме, сказал в одной из своих депеш: “Кто бы ни руководил этим делом, у него была хорошая голова и мужество — и каждый признает, что он был ‘мастером’.” Это своеобразное отношение к преступлению, которое является всего лишь формой необоснованного и аморального восхищения успехом независимо от средств, все еще повсеместно распространенного, было особенно заметно в Италии эпохи Возрождения. Макиавелли хорошо иллюстрирует это в своих замечаниях о Джованпаоло Бальони в связи с экспедицией папы Юлия II. в Перуджу в 1505 году, с явной целью изгнать Бальони из их владений. Хотя у папы была значительная армия, он вошел в город лишь с небольшой охраной, несмотря на то, что у Джованпаоло было большое войско — и “благоразумные люди, бывшие с папой, говорили о его опрометчивости и трусости Джованпаоло, который мог бы снискать вечную славу и в то же время уничтожить своего врага и получить огромную добычу, поскольку папу сопровождали все кардиналы с их богатым имуществом”. Его сдержанность была вызвана не какой-либо добротой или совестью, ибо он

был человеком, который, чтобы царствовать, убил многих своих родственников; и был сделан вывод, что есть люди, которые не знают, как быть великими преступниками или совершенно хорошими - ибо преступление может обладать величием и быть в какой-то степени славным [*generosa*]. Поэтому Джованпаоло не знал, как — или, лучше сказать, не осмелился, — когда у него была возможность, совершить поступок, за который все восхитились бы его мужеством и который обеспечил бы ему вечную славу. И он был бы первым, кто показал бы прелатам, как мало уважения заслуживают те, кто живет и правит так, как они живут; и он совершил бы поступок, величие которого стерло бы всякий позор”.¹⁷

Дворец вице-канцлера, возле которого Чезаре и Гандиа расстались в ночь на 14 июня 1497 года, находился на Банчи Векки в квартале Понте, где у Орсини было четыре крепости — Монте Джордано, Торре ди Нона, Тор Милина и Тор Сангинья. Помимо Орсини и их приближенных, в этой части города проживало большое количество евреев.

16 июня кардинал Асканио Сфорца прислал своему брату мавру отчет о трагедии, который полностью совпадает с отчетом Бурхарда. Он добавляет, что мул Гандии был найден недалеко от дома Карло да Парма. Рассказ Бурхарда согласуется со всеми рассказами того времени. Многие римляне не пытались скрыть своей радости по поводу избавления от одного Борджиа, и сатирики не оставили без внимания это убийство.

Более трех лет спустя, 28 сентября 1500 года, венецианский посол Паоло Капелло определенно заявил, что Цезарь был убийцей; Капелло, однако, не было в Риме во время убийства.

Возможно, никогда не будет известно, кто был убийцей герцога Гандийского, но нет абсолютно никаких доказательств того, что Цезарь спровоцировал или спланировал это убийство. Гандиа была близка к заключению союза, который, по мнению папы — и Чезаре, должно быть, придерживался того же мнения, — существенно укрепит дом Борджиа, а власть семьи еще не утвердилась настолько прочно, чтобы Чезаре мог совершить ужасное преступление с целью закрепления единоличного владычества за собой. Он все еще нуждался в Гандии, что бы ни принесло ему будущее. Несомненно, у Борджиа было множество врагов, которым уничтожение члена семьи принесло бы гораздо больше выгоды, чем Чезаре.

Неаполитанское королевство раздирали раздоры; одна фракция поддерживала Францию, другая - Арагон; и, ненадолго назначив кардинала Валенсии легатом для коронации короля, папа повелел ему положить конец раздорам. Миссия Цезаря была важной.

В сопровождении многочисленной свиты, расходы на содержание которой должен был нести король Фредерик, кардинал Валенсии выехал из Рима в Неаполь и 1 августа прибыл в Капую, где был принят королевским двором с высочайшими почестями. Там он заболел, и ДжуфFRE и его жена Санча почти сразу же покинули Рим, чтобы отправиться к нему. Однако его болезнь не могла быть серьезной, поскольку он короновал Фредерика, последнего из арагонских правителей Неаполя, 10 августа 1497 года.

Цезарь проявил себя хорошо, проявив достоинство не по годам. По этому случаю он был наделен особыми привилегиями; символы духовной, а также светской власти — флабель, седиа гестатория, земной шар и меч — были вручены представителю папы, который приложил все усилия, чтобы заручиться благосклонностью нового монарха, который наделил его, как представителя сына несчастного герцога Гандийского, Беневенто, баронством Фьюмара и графством Монтефосколо.

22 августа, к великому облегчению Фредерика, казна которого серьезно пострадала из-за развлечений, Цезарь отправился обратно в Рим; поскольку он прибыл в город только 5 числа следующего месяца, возможно, он потратил некоторое время на осмотр поместий, пожалованных сыну Гандии недавно коронованным королем.

Утром 6—го, — говорит Бурхард, - все кардиналы, находившиеся в городе, отправились встречать Цезаре в Санта-Мария-Нуова, а позже все были приняты его Святейшеством, и Церемониймейстер добавляет: “ни отец, ни сын не произнесли ни слова, но папа, благословив его, сошел с трона”. В этом обстоятельстве некоторые авторы находят доказательства вины Цезаря.

Папа в сопровождении кардиналов Валенсии и Агриджента, с эскортом в тысячу человек, 17 октября отправился в Остию, чтобы провести там несколько дней. Многочисленная охрана была необходима из-за близости Орсини. Папа и его семья были в серьезной опасности, и теперь, когда Гандия был мертв, кто должен был защищать их? Джуффре едва исполнилось двадцать, и он связал свое состояние с Арагонским домом; более того, в нем не было и капли решимости Цезаре.

На коронации короля Неаполя легат использовал меч, на котором были выгравированы девизы *Cum Numine Caesaris Amen* и *Caesar Borgia Cardinalis Valentianus*, и который сейчас находится во владении семьи Гаэтани в Риме. Все гравюры на клинке представляют сцены войны, и поэтому разумно предположить, что мечты кардинала были больше направлены на военную славу, чем на церковные почести, и Грегоровиус говорит: “намек на цезаря Римской империи показывают, какие идеи уже кипели в мозгу кардинала”.

В ноябре 1497 года испанский врач Гаспаре Торрелла посвятил молодому кардиналу труд о отвратительной болезни, которая была распространена в Италии солдатами Карла VIII и которая впоследствии получила название “французская болезнь”. Сам Цезарь, очевидно, страдал от этого, поскольку автор утверждает, что мир в неоплатном долгу перед кардиналом за то, что тот подвергся его лечению.¹⁸ Работа Себастьяно Аквилано из Падуи на ту же тему была посвящена Людовико Гонзаге, епископу Мантуи.

14 февраля 1498 года тело Педро Кальдерона, одного из приближенных папы римского, было найдено в Тибре, в который он упал, *non libenter*, как говорит Бурхард, за несколько дней до этого. В связи с этим венецианский посол Капелло пишет: “а в другой раз он [Цезарь] собственноручно убил мессера Пьеротто под самой мантией папы римского, так что кровь брызнула в лицо его Святейшеству, любимцем которого был Пьеротто”. Этот отчет согласуется с тем, что содержится в письме Сильвио Савелли. Отчет Санудо об этом деле совпадает с отчетом Бурхарда, но он добавляет, что Пьеротто был “найден утонувшим в Тибре с молодой женщиной по имени Мадона Пантасилея, одной из молодых женщин мадонны Лукреции и креатурой этого понтифика — и причина неизвестна”. В начале 1498 года по Риму прошел слух, что Цезарь намеревался покинуть Церковь. Письмо, написанное Александром в августе 1497 года — менее чем через два месяца после убийства герцога Гандийского, — показывает, что папа уже обдумывал план, который предполагал этот шаг со стороны его сына. Теперь Цезарь редко появлялся в одеянии священнослужителя; он повсюду ходил одетый во “французском стиле” и вооруженный. Его вкусы были совершенно воинственными.

Похоже, что его Святейшество замышлял, чтобы Цезаре женился либо на вдове короля Неаполя Фердинанда, либо на Донье Сансии, его невестке, которую для этой цели должны были разлучить с Джуффре; позже принц Сквиллаче должен был стать кардиналом вместо своего брата, чтобы число испанских членов Священной коллегии осталось прежним.

В связи с этим Санудо пишет в своем дневнике: “Джуффре моложе своей жены, он еще не вступил в брак (ему нет шестнадцати), он не мужчина, и, согласно тому, что я слышал, донья Сансия уже несколько месяцев была любовницей кардинала Валенсии”. Хронисты Пятнадцатого века вдавались в мельчайшие подробности.

Брак Лукреции Борджиа с Джованни Сфорца был расторгнут, несмотря на протесты мужа. Для нее папа планировал более блестящее будущее, чем мог предложить ничтожный сеньор Пезаро, и его Святейшество с готовностью нашел предлог избавиться от него; в его проекте ему помогали как Асканио Сфорца, так и герцог Миланский. Хотя все были против него, Джованни не подчинился покорно, и именно он выдвинул обвинение в кровосмешении против папы, цезаря и своей собственной жены — обвинение, правдивое или ложное, которое больше, чем что-либо другое, очернило их память.

Официальный развод Лукреции состоялся 2 декабря 1497 года. Это было сделано папой и цезарем исключительно по политическим причинам, и теперь по Риму ходили слухи, что она должна выйти замуж за Альфонсо Бишельского, брата Сансии.

Папа просил у короля Фредерика руки его дочери Карлотты для Цезаря, но и он, и принцесса категорически отказались. Однако, стремясь избежать гнева папы, он пошел на одну жертву и согласился на брак Лукреции и дона Альфонсо, младшего брата Сансии. Этот семнадцатилетний юноша прибыл в Рим без всякой помпы, и обручение состоялось в Ватикане 20 июня 1498 года, а бракосочетание - 21 числа следующего месяца. Лукреция была примерно на год старше своего мужа.

ГЛАВА IV

Людовик XII. наследует трон Франции — Его сделка с папой римским—Цезарь готовится отправиться во Францию—Он отказывается от своего кардиналата—Он прибывает в Авиньон, где встречает кардинала Джулиано делла Ровере—Людовика XII. встреча с Цезарем —Вступление Цезаря в Шинон—Герцог Валентинуа— Проницательность Цезаря— Шарлотта д'Альбре—Ее брак с Цезарем—Планируемое завоевание Милана—Людовико Моро—Французская армия вторгается в Италию—Цезарь покидает Францию—Он входит в Милан с Людовиком XII.

Карл VIII. умер 7 апреля 1498 года, и ему наследовал Людовик XII, который пытался добиться от папы римского разрешения, необходимого для того, чтобы он мог отречься от своей жены Жанны жениться на вдове своего предшественника, королеве Анне, в приданое которой входило герцогство Бретань.

Папа, со свойственной ему проницательностью в отношении своих личных интересов, немедленно увидел возможность извлечь выгоду из сложившихся обстоятельств и заключил сделку, по которой в обмен на его разрешение король согласился даровать графство Валанс, которое должно было быть преобразовано в герцогство, Чезаре, который должен был отказаться от своего кардинализма. Король также пообещал найти ему в жены принцессу. Таким образом, кардинал Валенсии должен был стать герцогом Валентинуа. Король также согласился назначить ему пенсию в двадцать тысяч ливров — огромную сумму по тем временам, — а также содержать для него роту из ста латников. Сделка также включала кардинальскую шапку для премьер-министра короля Жоржа д'Амбуаза, епископа Руанского, который всегда старался не забывать о своих собственных интересах.

ЛЮДОВИК XII. КОРОЛЬ ФРАНЦИИ.

С ранней гравюры.

Смотреть в лицо стр. 122.

Кроме того, папа и король заключили союз, наступательный и оборонительный, Святой Отец согласился помочь королю в завоевании Рено, а Людовик пообещал помочь Александру усмирить мятежных сеньоров в Романье и восстановить целостность Папских владений. Так правители быстро и вольготно играли с человеческими судьбами. Эта грандиозная интрига развивалась в течение первых восьми месяцев 1498 года; и 17 августа на тайной консистории Цезарь попросил особого разрешения, позволяющего ему оставить свои церковные должности и снова стать мирянином, чтобы он мог жениться. После обещания папы, что все должности и бенефиции, которыми пользовался его сын, вернутся к Священной коллегии, кардиналы немедленно согласились на это разрешение. В тот же день Луи де Вильнев, барон Транский, представляющий Людовика XII, прибыл в Рим с целью сопроводить цезаря во Францию.

Уверенный в согласии кардиналов, все было заранее подготовлено к отъезду Цезаре, были выбраны даже те, кто должен был сопровождать его. Его великолепный гардероб, о котором заговорил весь Рим, был подготовлен. Барон Транс привез патенты на новые владения Цезаря, и в сопровождении многочисленной свиты они отправились в Остию 1 октября “с целью отправиться морем во Францию, и, - добавляет Бурхард, - я слышал, что у него была с собой огромная сумма денег и что несколько его лошадей были подкованы серебром”. Новый герцог взял с собой 200 000 золотых дукатов, конфискованных незадолго до этого у Педро де Аранда, епископа Калахорры, который недавно — как нельзя кстати — был осужден по обвинению в ереси — Александром VI. всегда стремился ошипывать своих жертв и совершать свои беззакония строго в соответствии с формами закона. Триста евреев и ростовщиков, признанных виновными в различных преступлениях, были заключены в тюрьму, но их сроки были заменены крупными штрафами, и эти деньги пополнили казну цезаря.

Людовик XII. он пообещал прислать флот из нескольких судов в Остию, чтобы доставить его во Францию, и ожидалось, что это произойдет примерно в конце августа, но оно прибыло только 27 октября, когда новый герцог сел на корабль с сотней пажей, слуг, конюших и вассалов. Помимо лошадей, у него было пятьдесят мулов и повозки для перевозки его личных вещей.

В его свите находились его секретарь Агапито, знаменитый испанский врач Гаспаре Торрелла и его мажордом Ремиро де Лорка, которого он впоследствии обезглавил в Чезене за мошеннические и деспотические действия на посту губернатора этого города.

Потребовалось шесть дней, чтобы доплыть до Марселя, где Цезарь был принят на пристани архиепископом Дижона. Оттуда они отправились в Авиньон, где герцог встретил Джулиано делла Ровере, непримиримого врага своей семьи, который был вынужден из-за своей ссоры с ними жить за границей и который в то время находился при французском дворе, хотя с августа, когда Остия была возвращена кардиналу, они были в несколько лучших отношениях. За месяц до отъезда Цезаре в Марсель папа написал кардиналу Сан-Пьетро ад Винкола, рекомендуя ему Цезаре, и Делла Ровере ответил в самой дружелюбной манере. В одном из своих писем Папе он сказал: “Я не могу удержаться от того, чтобы сказать вам, что герцог Валанский настолько

скромен, разумен и способен и наделен такими прекрасными качествами, как умственными, так и физическими, что все им очарованы. Он пользуется большой популярностью при дворе и у короля. Все любят и почитают его; мне доставляет истинное удовольствие говорить это”.

В хитрости и двуличии Делла Ровере не уступал Борджиа, и он ждал более благоприятной возможности уничтожить своего врага.

Из Авиньона Цезарь отправился в Валанс, столицу своего герцогства, но отказался принять предложенные ему почести до тех пор, пока он не будет официально передан во владение своим государством. Почти сразу же по его прибытии туда явился королевский гонец и от имени короля вручил ему орден Святого Михаила — честь, в то время предназначавшуюся принцам крови и высшей знати королевства, — но Цезарь заявил, что примет его только из рук государя.

Бенуа Майяр, приор аббатства Савиньи, описывает прибытие Цезаря в Лион в ноябре “с большим великолепием в его одежде и атрибутах”. Седьмого числа того же месяца в честь Валентинуа был дан необыкновенный банкет, и отчет о расходах проливает любопытный свет на нравы того времени. Список яств поражает воображение: 28 каплунов, 168 белых куропаток, 24 красных, 192 утки, 420 горлиц, 36 лесных петухов, 144 павлина, 120 фазанов, круглый кусок телятины, четверть говядины, 150 фунтов свиного сала, апельсины, ваниль, 2 *гончара*, 18 пирогов с айвой, 18 английских тарталеток, 18 *бридо-фаво*, 18 тарелок оладий из фарша, 18 тарелок *фуба*, 18 тарелок языков ягненка в заливное, 18 ассорти *изместье*, 18 *паштетов* из каплунов, 18 *паштетов* из жаворонков, 18 пирожных с кремом, миндаль, яйца, розовая вода, сало, немного корицы, засахаренные апельсиновые корки, анни, *пиньоны*, семена кориандра, *мандарины*, сахарные сливы с мускусом, гиппократом, имбирем, мускатным орехом, гвоздикой, сахаром, мальмси, мускат, виноград, сливы, финики, гранаты, & с. - поистине грандиозный пир.

18 декабря Цезарь наконец встретился с королем в Шиноне. Людовик не хотел обращаться с Цезарем как с сыном суверена, но в то же время не хотел навлекать на себя враждебность папы, оскорбляя его; поэтому он придумал хитроумный способ случайно встретиться с Цезарем — под предлогом охоты — примерно в двух лье от городских ворот. Там он тепло приветствовал его, даже обошелся с ним фамильярно, но не сопровождал в город, где его встретил кардинал Руанский и блестящий эскорт, представляющий короля.

Брантом подробно рассказывает о вступлении Цезаря в Шинон. ¹⁹ Сьер де Бурдей говорит, что нашел этот отчет среди своих семейных бумаг, написанный довольно грубыми стихами, и что он переписал его в прозе — *с добавлением ясности и чистого языка*.

Первыми прибыли кардинал Руанский, г-н де Равастен, г-н сенешаль Тулузы и г-н де Клермон, которые вместе со многими придворными сопровождали герцога при въезде до конца моста. Затем было восемьдесят четыре очень красивых мула, нагруженных сундуками и баулами, обтянутыми красной тканью с гербом и гербовой эмблемой упомянутого герцога. Затем шли еще двадцать четыре мула с красно-желтыми попонами - ливреями короля, ибо это были его цвета; затем следовали двенадцать мулов, покрытых полосатым желтым атласом. Затем прибыли десять мулов, покрытых тканью в золотую полоску, сначала один гладкий, а затем один волнистый.

Когда все миновали мост, они направились к замку.

Затем появились шестнадцать великолепных скакунов, покрытых красной и желтой попоной с золотом, каждого вел грум, и на них были турецкие уздечки. За ними последовали восемнадцать пажей, каждый верхом на красивом коне, и шестнадцать из них были одеты в малиновый бархат, а двое других - в гофрированную золотую ткань. Затем следовали шесть лакеев, согласно обычаю того времени, ведя за собой шесть красивых мулов, запряженных седлом и уздечкой и с попонами из малинового бархата, и лакеи были одеты в то же самое.

Затем появились два мула, несущие на спинах сундуки, и все они были покрыты золотой тканью — и люди в толпе говорили, что в них было что-то более изысканное, чем во всех остальных, — богатые камни для его госпожи, а для других - возможно, какие-то быки и изысканные индульгенции из Рима, или, возможно, какие-то святые реликвии, говорили другие. Затем прибыли тридцать джентльменов, одетых в одежду из золота и серебра — но их было недостаточно, сказали придворные; учитывая большое количество тех, кто им предшествовал, их должно было быть по меньшей мере сто или сто двадцать человек, одетых по французской или датской моде.

Затем следовали три музыканта, два маленьких барабана и скрипка, которые в то время были в большом почете, точно так же, как теперь они есть у великих лордов Германии и генералов армий во время марша. Два вышеупомянутых барабанщика были одеты в золотые одежды, а их инструменты были серебряными и были снабжены большими золотыми цепями, и упомянутые музыканты предстали перед названными выше джентльменами и герцогом Валентинуа, играя при этом на своих инструментах.

Затем прозвучали четыре серебряные трубы или клирона, музыканты были богато одеты и играли непрерывно. За ними последовали восемьдесят лакеев, одетых в малиновый бархат и желтый шелк, которые окружили герцога и господина кардинала Руанского, беседовавшего с ним.

Что касается самого герцога, то он восседал на великолепном коне, богато облаченный в мантию из красного атласа и золотой ткани с каймой из драгоценных камней и жемчуга.

На его шляпе было пять или шесть рубинов величиной с фасолину, которые сверкали особенно ярко; на манжетах было огромное количество драгоценных камней, и даже его сапоги были усыпаны золотом и самоцветами.

‘Et un collier, pour en dire le cas,
Qui valoit bien trente mille ducats,’

так гласит рифма.

“Конь, на котором он ехал, был покрыт золотом и драгоценными камнями в изобилии.

Кроме того, у него был красивый маленький мул, на котором он разъезжал по городу; его сбруя, седло, уздечка и перевязь были покрыты розетками из чистого золота толщиной с палец.

Замыкали шествие еще восемьдесят мулов с красными попонами и гербом упомянутого герцога, а также множество фургонов, груженных другими предметами первой необходимости, такими как походные кровати, утварь и т.д.

‘Ainsi entra, pour avoir bruict et nom,
Ledict seigneur au chasteau de Chinon,’

“Король стоял у окна, наблюдая за его прибытием, и нет никаких сомнений, что он и его придворные смеялись над ним и говорили, что это слишком для маленького герцога Валанса”.

Замок Шинон был выбран для резиденции герцога, и там король в сопровождении кардинала Джулиано делла Ровере нанес ему визит. Когда герцог собирался преклонить колени, король удержал его; они обменялись несколькими словами, а затем кардинал Руанский сообщил его величеству, что монсеньор герцог еще не обедал, на что король ответил: “Очень хорошо, тогда пусть его высочество идет обедать” — на этом беседа закончилась; Людовик, очевидно, заскучал и не произвел на него большого впечатления. После обеда король принял Цезаря, и на следующий день они вместе отправились на прогулку. Несколько дней спустя король отправился в Нант, чтобы встретиться с королевой, и была отпразднована свадьба. Щегольство и экстравагантность одежды Цезаря вызвали всеобщее веселье и отвращение, а король и его придворные высмеивали “тщеславную славу и глупую помпезность этого маленького герцога Валентинуа”. Людовик, однако, хотел использовать Цезаря в своих планах, поэтому старался не обидеть его.

Герцог привез королю письмо от Папы Римского, в котором тот писал: “Чтобы ваше Величество могли видеть, насколько велико наше желание угодить вам во всем, мы посылаем вам наше сердце, то есть нашего любимого сына, герцога Валентинуа, и мы умоляем ваше Величество относиться к нему таким образом, чтобы все знали, насколько дорог вам этот Цезарь, которого я вверяю вашей королевской доброте, во всех отношениях”.

К настоящему времени была выполнена лишь одна из статей соглашения между папой и королем. Согласно патенту, датированному 13 августа 1498 года, Чезаре был присвоен титул герцога Валентинуа, и в этом качестве он был принят при французском дворе. Однако переговоры, которые должны были в конечном итоге сделать его наследником короны, провалились. Людовик взялся добиться брака Чезаре и Карлотты Арагонской, дочери неаполитанского короля, но Фредерик воспротивился этому, а сама молодая женщина категорически отказалась дать согласие на этот союз.

Таким образом, блестящее вступление в Шинон потерпело фиаско, о чем Джулиано делла Ровере сообщил папе в письме от 18 января 1499 года, который вскоре после этого пожаловался кардиналу на то, что король выставил его на посмешище, поскольку повсюду было известно, что Чезаре отправился во Францию специально для женитьбы.

Цезарь, однако, проявил проницательность и коварство, которые никогда его не покидали, ибо, когда начали возникать препятствия на пути женитьбы на Карлотте, он притворился, что у него нет разрешения Людовика XII. жениться на Анне Бретонской.

Однако король был проинформирован самим папой о том, что разрешение было предоставлено, следовательно, он приступил к осуществлению своих планов и был получен указ о разводе.

Однако политические интересы короля Франции в Италии были важнее, чем чисто личный вопрос о его браке с вдовой Карла VIII.; следовательно, в его интересах было найти какой-то

способ удовлетворить желания папы, поэтому он предпринял еще одну попытку преодолеть сопротивление Фредерика и его дочери, но тщетно. Вслед за этим Людовик решил заменить свою собственную племянницу, дочь графа де Фуа, но она тоже отказалась.

Цезарь, однако, отнесся к этому вопросу бесцеремонно, заявив, что если неаполитанский король не желает иметь его, потому что он внебрачный сын, то сам Фредерик тоже незаконнорожденный, просто незаконнорожденный сын короля, в то время как он сам — и он гордился этим — был незаконнорожденным сыном папы!

Среди дам, приехавших из разных уголков Франции, чтобы снискать милость изысканного двора королевы, была Шарлотта д'Альбре, сестра Жана д'Альбре, короля Наварры, и дочь Алена, герцога Гиенского. Когда Шарлотта была еще ребенком, ее отдали на попечение Анны Бретонской, и она выросла в красивую молодую женщину, грациозную и умную, и Людовик решил попытаться заключить союз между ней и Цезарем. Ален, отец, не слишком благосклонно отнесся к предполагаемому браку, но политические интересы Дома Наваррских были таковы, что он решил согласиться, при условии, конечно, что ему удастся заключить выгодную сделку — ибо во времена рыцарства прекрасные женщины были чрезвычайно ценными фигурами в большой политической игре. На протяжении всех переговоров отец Шарлотты проявил себя холодным, расчетливым, скупым и подозрительным, но поскольку Людовик чувствовал, что все зависит от того, удастся ли Цезарю найти жену, и поскольку ему самому не терпелось отправиться в Италию, он удовлетворил все требования Алена. Переговоры были долгими, почти бесконечными, но, наконец, брачный контракт был составлен в замке Блуа 10 мая 1499 года в присутствии короля, королевы Анны, кардинала д'Амбуаза, канцлера Франции, архиепископа Санского, доверенных лиц герцога Гиенского и множества других высокопоставленных лиц. По его условиям Ален д'Альбре должен был дать своей дочери приданое в размере 30 000 турнских ливров. Свадьба была отпразднована 12 мая 1499 года, и говорили, что невеста была самой красивой женщиной Франции, в то время как Цезаря описывали как обладателя тонких черт лица и самой элегантной осанки; один писатель сказал, что, как и император Тиберий, он был самым красивым мужчиной своего столетия. Шарлотта д'Альбре, должно быть, знала, что этот брак был чисто политическим. Бурхард записывает, что 23 мая из Франции прибыл курьер с письмом Папе от Цезаря, в котором он сделал жестокое признание в отношении своей жены.

Шарлотта написала папе римскому, выражая сыновнюю преданность и желание приехать в Рим, чтобы познакомиться с ним, и добавила, что очень довольна своим новым супругом.

Дочь Алена была принесена в жертву, и Александр VI. и Людовик XII. должны были пожинать плоды. Среди документов, содержащих переговоры с Аленом д'Альбре, есть некоторые, которые ясно раскрывают их планы.

Договор, заключенный папой и королем, часто публиковался; но обсуждаемый, когда они пытались добиться брака между цезарем и дочерью короля Фредерика, никогда не печатался, пока г—н Ириарте не воспроизвел [20](#) весь документ как пример двуличия, которым тогда были отмечены все политические сделки - и, можно добавить, которое продолжает их характеризовать.

Протокол соглашения между нашим Святейшим Отцом, Папой Александром VI. и Самым Христианским королем:—

“1. Для того, чтобы Папа мог оценить любовь, которую король питает к нему и его близким, упомянутый сеньор обещает Его Святейшеству женить монсеньора де Валенса на старшей дочери дона Фредерика с ее явного согласия, поскольку упомянутая дочь находится с королевой.

“2. Для того, чтобы упомянутый сеньор Валанса мог иметь необходимые средства для содержания своего имущества, король предоставит ему на вечные времена для него и его наследников графство Валанс и Диуа, которое оценивается в двадцать тысяч франков в год; и в случае, если окажется, что оно не стоит названной суммы, король предоставит ему из какого-либо другого источника сумму, достаточную для покрытия указанной суммы, а поскольку братья упомянутого сьера де Валанса герцоги и принцы, король превратит упомянутое графство в герцогство.

“3. Он предоставит упомянутому сеньору де Валенсу сто копий, находящихся на содержании Франции, как во время войны, так и в мирное время, для осуществления его проектов в Италии и других местах. Король увеличит это число двумя или тремя сотнями копий всякий раз, когда ему покажется, что это к лучшему.

“4. Он назначит упомянутому сеньору де Валенсу ежегодную пенсию в размере двадцати тысяч франков на его личные расходы.

“5. В случае, если упомянутый король вернет себе миланское герцогство, он передаст упомянутому сеньору де Валенсу графство Асти для него и своих подданных в подчинение королю в знак лояльности и оммажа.

“Предмет. Он вручит упомянутому сеньору де Валенсу орден Святого Михаила; и для того, чтобы король был доволен доброй волей нашего Святого Отца, Его Святейшество назначит упомянутого сьера де Валенса к себе на службу и прикажет ему жениться на выбранной особе. Чтобы провести дело более тайно и надежно, король к середине августа приведет в порядок шесть судов в порту Съота, епископство Экс, чтобы доставить упомянутого сьера де Валенса и легата, которого папа выберет для выполнения требований короля. Пункт " потому что " ... отсутствие монсеньора де Валенса представляет опасность, король пошлет папе тысячу человек для его охраны во время его отсутствия, за что король будет ежемесячно выплачивать папе четыре тысячи дукатов, которые будут тайно выплачиваться монсеньером Папе. кардинал Сен-Дени, который находится в Риме, и эта помолвка продлится три или четыре месяца.

И в случае, если Святой Отец почувствует, что эта конфедерация и соглашение о вечной дружбе находятся под угрозой со стороны какого-либо принца лиги, король выдаст ему патенты, подписанные его рукой и скрепленные его печатью, в которых он пообещает и поклянется Богу и Деве Марии защищать Его Святейшество как в мирских, так и в духовных делах.

“Пункт. Что касается Неаполитанского королевства, что бы ни предпринял король, упомянутый сеньор обещает ничего не предпринимать и ни на что не принимать решений, кроме как от руки Его Святейшества.

“Предмет. Он распорядится, чтобы наши сеньоры кардиналы ад Винкула и Гурк вернулись в Рим, и папа соглашается обращаться с ними со всем дружелюбием и мягкостью, как со своими добрыми братьями, в чем король заверит их, в то же время призывая их повиноваться и уважать нашего Святого Отца.

“Все это король обещает своим королевским словом поддерживать, соблюдать и исполнять, и во всем, что касается имущества монсеньора де Валенса в отношении указанных графств, то же самое будет ратифицировано и согласовано счетной палатой.

“Что касается других статей, то король передаст епископу Сеттскому и архидьякону Шалэ такие частные письма, какие может пожелать папа и которые будут отправлены вместе с меморандумом и т.д. и т.п.”

Когда в Рим пришла весть о том, что Цезарь получил от короля желанный орден Святого Михаила, в городе было большое празднование, и по приказу папы были зажжены костры перед дворцами кардиналов Орсини и Святого Дионисия, а также перед дворцом Лукреции; вечером 23 мая испанцы предались оргии, которая, по словам Бурхарда, позорила папу и Святой Престол.

Из секретного соглашения ясно, что было принято решение о завоевании Милана и экспедиции против Неаполя. Король Франции, теперь уверенный в Папе и цезаре, подписал с Венецией 15 апреля 1499 года союзный договор, как наступательный, так и оборонительный, который был направлен против всех итальянских князей. Переговоры держались в секрете от Людовико Моро; этот принц, *без крови и без лои*, которого намеревались уничтожить, узнал об этом последним. Ценой, которую венецианцы потребовали за вступление в лигу, были города Кремона и Кьяри. Хотя герцог Савойский был согласен с Людовиком XII. формально он не вступал в альянс.

Людовико Моро был самым ненавистным человеком в Италии: он предал Флоренцию, Венецию и короля Франции одного за другим; не считаясь с другими державами Италии, он обошелся с Карлом VIII. когда французы впервые вторглись на полуостров. Следовательно, когда ему снова угрожала опасность, он оказался без друга или союзника.

Претензии Людовика на Милан основывались не только на том, что он унаследовал права Карла VIII. но также из-за претензий его бабушки, Валентины Висконти, и поскольку он также был полон решимости вернуть Неаполь, он поступил мудро, обеспечив себе прочное место на севере. Перед попыткой завоевания Милана Людовик возобновил договоры Карла VIII. со своими соседями. Герцог Савойский разрешил ему пройти через свою территорию и пообещал войска; в обмен на помощь Венеции Людовик согласился предоставить ей два места, которые она требовала; папе и цезарю уже было заплачено.

LUDOVICO SFORZA.

С гравюры на дереве из “Истории Кремоны” Антонио Кампо.

Смотреть в лицо стр. 136.

Король отправил в Италию свои войска под командованием Луи де Линьи и графа д'Обиньи, но сам отправился туда не сразу.

Людовико Моро подвергся одновременному нападению французов и венецианцев, и поскольку его собственный народ ненавидел его, а его губернаторы оказались лживыми, он потерял один за другим все свои города, был доведен до последней крайности и в конце концов вынужден был бежать в Германию. Когда гасконские лучники вошли в Милан 2 октября 1499 года, они своими стрелами разнесли на куски его статую — работу Леонардо да Винчи.

Цезарь все еще находился во Франции, но готовился приехать в Италию; перед отъездом он выдал своей жене доверенность, позволяющую ей управлять его новыми владениями, герцогством Валентинуа, графством Диуа, а также всеми его сеньориями и собственностью во Французском королевстве и в Дофине.

Валентинуа прожил со своей женой с конца апреля по сентябрь, и в начале 1500 года Шарлотта родила ему дочь, которую при крещении назвали Луизой и которой было суждено никогда не узнать своего отца. Герцогиня Валентинуа больше никогда не видела Цезаря.

Валентино, возможно, вернулся в Италию вместе с королем Франции, поскольку хронист Жан д'Отон записывает, что герцог был среди знатных вельмож, сопровождавших Людовика XII. когда он въехал в Милан в воскресенье, 6 октября 1499 года.²¹ Присутствовали также кардиналы Делия Ровере и Амбуаз, герцоги Савойский и Феррарский, маркиз Мантуанский, послы Генуи, Флоренции, Пизы, Сиены и Болоньи и бесчисленное множество других высокопоставленных лиц. Бальдессаре Кастильоне, сопровождавший маркиза Мантуанского, описывает Валентинуа как *мольтегаланте*. Месяц спустя, когда Людовик XII. намереваясь вернуться во Францию, оставив управление завоеванным герцогством Тривульцио, он приказал двум своим капитанам, Иву д'Аллегре и Байи из Дижона, подчиниться приказам Валентино. У первого был отряд из трехсот копейщиков, у второго - четыре тысячи швейцарцев и гасконцев, в то время как сам Цезарь собрал значительное количество людей.

ГЛАВА V

Первая кампания в Романье—Имола сдается—Катерина Сфорца, тип вираго—Цезарь въезжает в Форли—Смерть кардинала Джованни Борджиа—Возвращение Людовико или Моро в Милан—Цезарь едет в Рим—Его въезд в город—Он становится викариатом Романьи—Делегаты из Имолы и Форли просят папу назначить Цезаря губернатором—Цезарь становится гонфалоньером Церкви—Его клятва—Физическая сила Цезаря—Его внешность.

Решение о кампании в Романье было принято, и Чезаре оказался во главе тщательно дисциплинированных и хорошо оснащенных войск численностью около шестнадцати тысяч человек, которые стояли лагерем в Чезене.

Кардинал Джулиано делла Ровере, чей брат был уверен в Синигалье благодаря обручению своего племянника Франческо с Анджелой Борджиа, бросил своих родственников, Риарио, на произвол судьбы. В письме от 12 октября 1499 года кардинал поблагодарил Папу за

предложенный брак и пообещал позаботиться об интересах Валентино перед королем Франции.

9 ноября армия свернула лагерь, Цезарь повел кавалерию в Пьяченцу, откуда в сопровождении епископа Тульского и одного слуги спокойно прибыл в Рим и оставался в Ватикане с папой до 24-го, когда вернулся к своим войскам и отправился в Имолу. Жена Джироламо Риарио, Катерина Сфорца, получила Имолу в качестве части своего приданого, и, поскольку ее муж умер в 1488 году, она исполняла обязанности регента при своем сыне Оттавиано. О Катерине Сфорца Грегоровиус говорит: “Внучка великого Франческо Сфорца из Милана, внебрачная дочь Галеаццо Марии и сестра Бьянки, жены императора Максимилиана, она была идеалом героических женщин Италии, которые встречались не только в поэмах Бохардо и Ариосто, но и в реальной жизни. Чтобы понять эволюцию таких личностей, в которых красота и культура, мужество и разум, чувственность и жестокость объединились, чтобы создать уникальную организацию, мы должны быть знакомы с условиями, из которых они возникли — опыт Катерины Сфорца сделал ее амазонкой, какой она и была”.

Вскоре после ее замужества за необразованного племянника Сикста IV, Джироламо Риарио, графа Форли, ее отец умер от руки тирана в Милане. Впоследствии ее муж был зарезан, а его обнаженное тело сброшено заговорщиками со стен замка Форли. Катерина, однако, жестоко отомстила за убийство своего мужа и сумела сохранить его поместья для своих детей. Шесть лет спустя ее брат, Джан Галеаццо, умер от яда, введенного Людовико иль Моро. Наконец, ее второй муж, Джакомо Фео из Савоны, был убит заговорщиками в Форли, и героическая Катерина вскочила на коня и с небольшим отрядом преследовала их до самого логова и предала всех мечу, вместе с их женщинами и детьми, — таким образом, она заслужила описание Санудо: “храбрая женщина и самая жестокая мегера”.

Города , взятые штурмом
Сданные города

КАРТА КАМПАНИИ В РОМАНЬЕ. ГОРОДА ПОД ВЛАСТЬЮ ЧЕЗАРЕ БОРДЖИА.

Она правила своими маленькими владениями силой и хитростью; и позже, когда она попала в лапы Цезаря, мало кто жаловался на ее судьбу, а Джанджакомо Тривульцио цинично заметил: "Теперь она попала в руки двух мужчин, которые могут удовлетворить все ее желания".

Она была женщиной героического характера, которую в эпоху Возрождения называли мегерой - термин, выражающий восхищение, а не упрек. Вираго соответствовал человеку, обладавшему тем, что итальянцы называли *virtu*, что не имеет ничего общего с добродетелью, но включает в себя энергию, интеллект, волю, совокупность качеств, которые позволяли человеку успешно справляться со своими противниками, — короче говоря, качеств, наиболее дорогих сердцу итальянца XV века.

Когда папа объявил, что сеньоры Романьи, не уплатившие ежегодную дань Святому Престолу, были лишены своих владений, Катерина Сфорца заявила, что Святой Престол все еще должен ей крупную сумму денег, которая причиталась ее мужу как капитану папской армии; поэтому она объявила, что если они будут упорствовать, она будет сопротивляться, и ее первым шагом было отправить своих младших детей и драгоценности во Флоренцию для безопасности.

Заранее зная, что ее народ из-за своей ненависти к риарио предаст ее, она удалилась в замок Форли и, наполнив его оружием и амуницией, спокойно ожидала врага.

Когда Цезарь был еще на некотором расстоянии от города, в его лагере появились делегаты и предложили сдать ему город без сопротивления. Капитуляция была подписана 26 ноября, и Валентино вошел в город на следующий день.

Замок независимо от города защищал Диониджи ди Нальдо, жену и детей которого Катерина Сфорца удерживала в качестве заложников в крепости Форли. Нальдо продержался некоторое время, но в конце концов был вынужден сдаться, и 13 декабря 1499 года кардинал Джованни Борджиа, легат Романьи и Болоньи, принял присягу на верность Святому Престолу в церкви Святого Доменико в Имоле.

Небольшие поселения в графстве Имола были захвачены без труда, и 15 декабря Валентино двинулся к Форли. Узнав о приближении Цезаря, Катерина, удалившаяся в замок, отправила своего брата Алессандро Сфорца призвать горожан к сопротивлению, заявив, что она сама будет сражаться до последнего. Они, однако, отказались, и она воспользовалась последними минутами, чтобы отправить своего старшего сына во Флоренцию для обеспечения безопасности. Граждане были полны решимости сдаться, и они сообщили об этом и графине, и Валентинуа. Два комиссара, которые так и не вернулись, едва успели передать свое послание, как она направила свою артиллерию на город и частично разрушила ратушу.

Цезарь прибыл к воротам Форли 17 декабря, но отказался войти как победитель, пока ему не будут вручены условия капитуляции. Два дня спустя он вступил в должность без сопротивления, граждане предпочли его своему господину Джироламо Риарио, который обложил их высокими налогами и применял законы самым пристрастным образом.

Замок все еще держался, и Цезарь немедленно начал подготовку к его захвату. В день Рождества Катерина подняла флаг Венеции со львом Святого Марка, чтобы заставить врага поверить, что республика ее союзница, но Цезарь не обманулся.

После попытки пробить брешь Валентино решил попытаться заключить какое-нибудь соглашение и с этой целью предстал перед стенами, где сама графиня разговаривала с ним с крепостного вала; но она отвергла все предложения; герцог предпринял еще две столь же безуспешные попытки и не открывал огонь до 28 декабря.

Графине удалось отразить все его атаки до 12 января 1500 года. Она была повсюду на крепостных валах, подбадривая и направляя своих людей. Когда внешние стены были взяты штурмом, Катерина, прежде чем удалиться в крепость — последнее средство — приказала поджечь все припасы, думая тем самым вынудить врага отступить, но было слишком поздно, потому что Иву д'Аллегру и его французской роте удалось ворваться в башню, и бургиньон, обыскивая залы, обнаружил героическую графиню Форли в окружении отряда ее верных людей. Жажда награды в двадцать тысяч дукатов, которая была предложена за ее поимку живой, он объявил ее своей пленницей.

В тот же вечер графиня покинула крепость с воинскими почестями; она выехала верхом на своем боевом коне вместе с герцогом Валентинуа и Ивом д'Аллегре, которые проводили ее и ее служанок во дворец Нумаи.

Сразу после взятия Форли Цезарь отправил Ива д'Аллегре добиться сдачи оставшихся небольших городов, в то время как сам посвятил себя реорганизации правительства завоеванной территории. Его забота о надлежащем отправлении правосудия и скорейшем восстановлении порядка сразу завоевала ему уважение романольтцев, и из Имолы и Форли были отправлены послы с просьбой к папе назначить Цезаря, который объявил себя всего лишь представителем Святого Престола, их губернатором вместо изгнанного им тирана.

Чезаре подписал свой первый указ: “Чезаре Борджиа Де Франс, герцоге Валентинуа, графе Диуа и Иссудена, папском викарии Имолы и Форли”, и во главе провинции он поставил дона Ремиро де Лорку, испанца, который был его постоянным спутником и с которым мы еще встретимся.

После взятия Имолы кардинал Джованни Борджиа, папский легат в Романье, отправился в Урбино, где скоропостижно скончался 14 января 1500 года. Несмотря на то, что между его отъездом из лагеря Цезаря и его смертью прошло семнадцать дней, ходили слухи, что Валентино, движимый ревностью, отравил его. Санудо был первым, кто приписал смерть кардинала Чезаре, но — как и в случае с убийством герцога Гандийского — нет ни малейших доказательств того, что он имел к этому какое-либо отношение. Кардинал был в Риме и по пути в Урбино заболел лихорадкой, от которой и умер.

Чезаре с готовностью согласился, чтобы все имущество покойного было передано его брату Людовико, который был назначен губернатором Сполето.

Всеобщая ненависть к Борджиа объясняет легкость, с которой распространялись эти слухи, и всеобщее доверие, которое они приобрели.

24 Января было решено отправиться в Пезаро на следующий день; но ночью швейцарцы подняли мятеж, и байи Дижона отправился в замок, где содержалась Катерина Сфорца, и, заявив, что держать женщину в плену противоречит правилам военного дела и что его чувство чести оскорблено, сопровождал ее во дворец, где он жил, и отказался выдать ее Валентино, который намеревался отвезти ее в Рим и передать папе римскому.

Восстание длилось день, и Ив д'Аллегре, спешно вызванный Чезаре, вернулся вечером, и Валентино, теперь уверенный в том, что сможет подавить мятежников с помощью французов и испанцев, обратился к мятежникам и пригрозил им страшным наказанием. В конце концов было

решено, что байи должны выдать графиню, “которая будет оставлена на усмотрение короля Франции”, и было достигнуто соглашение со швейцарскими наемниками.

Вечером 25 января армия отправилась в Чезену, Катерина Сфорца в черном атласном платье с густой вуалью ехала верхом между герцогом Валентинуа и месье д'Аллегре.

26 января в Монтефьоре до Чезаре дошла весть о том, что Людовико иль Моро, бежавший из Милана, узнал о недовольстве народа, находящегося под властью Франции, и, собрав армию из 1300 швейцарцев и бургиньонов, наступал на Комо. Тривульцио, которого оставили командовать Миланом, поспешно послал за Ивом д'Аллегре, чей уход из армии Чезаре на время прекратил операции в Романье, поскольку лишил Валентино его артиллерии и оставил у него всего около пятисот кавалеристов и тысячу пехотинцев.

В Милане французы потерпели поражение так же легко, как и победили, и народ по возвращении мавра проявил тот же энтузиазм, что и при его свержении.

Чезаре оставил небольшие силы для удержания каждого из захваченных им городов в Романье и разместил пятьсот всадников под командованием Эрколе Бентивольо в удобном месте, чтобы прийти на помощь любому гарнизону, которому могла угрожать опасность.

Валентино, взяв с собой графиню Форли, которая снова была поручена ему после отъезда Ива д'Аллегре в Милан, выехал 30 января с пятью сотнями всадников и, проехав через Фано, Урбино и Сполето, прибыл в Рим 26 февраля 1500 года.

Папа, очевидно, хотел сделать въезд герцога Валентинуа— возвращавшегося из своей победоносной кампании в Романье, в Вечный город как можно более внушительным, поскольку он приказал всем церковным сановникам, находившимся в то время в Риме, встретить прославленного цезаря со своей свитой. Несколько кардиналов уже выехали поприветствовать его на некотором расстоянии от города, и теперь ораторы различных властей, аббревиатуры Римской курии и секретари выехали, чтобы поприветствовать его. Герцог въехал в город ближе к вечеру, и возле церкви Святой Марии дель Пополо его встретили церковные сановники.

Сначала шла вереница повозок, груженных сундуками с личными вещами герцога; затем шла тысяча его пехотинцев, швейцарцев и гасконцев; за ними следовал папский эскорт из улан с Андреевским флагом. Чезаре последовал за ним верхом между кардиналом Орсини и кардиналом Фарнезе, которые выехали ему навстречу. Их сопровождала телохранительница из ста человек, одетых в черный бархат. Цезарь был одет в черный бархатный плащ, доходивший ему до колен. Сразу за ним несколько флейтистов несли его оружие, а затем шли два его собственных герольда и один короля Франции. За ними шли герцог Бишелья справа и принц Сквиллаче слева; затем архиепископ Рагузы справа и епископ Трегье слева от оратора короля Франции; затем шли епископ Саморы и оратор Испании, за которыми следовали два посла Наварры, которые вступили в спор с ораторами Неаполя и Англии по вопросу о старшинстве — первый проиграл и выбыл из процессии в результате размолвки. Затем прибыли посланники Венеции, Флоренции и Савойи, за которыми следовала огромная толпа, которая теснилась и толкалась так грубо, что прелаты не смогли занять подходящие им места.

Папа занял свое место в комнате над входом во дворец, и с ним были кардиналы Монреале, Алессандрини и Капуи, а также Чезарини и Фарнезе.

Когда герцог прибыл в Ватикан, папа направился в Палату Папагалли с несколькими кардиналами, и когда двери распахнулись, вошли Цезарь и огромная толпа знати и прелатов. Валентино подошел и, преклонив колени перед Святым Отцом, обратился к нему с краткой речью по-испански, поблагодарив за оказанные ему почести. Папа ответил на том же языке, “которого я не понял”, - говорит Бурхард. После этого герцог поцеловал папе ноги и правую руку, а его Святейшество поцеловал своего сына в губы. Затем те из знати, кто пожелал это сделать, поцеловали ноги понтифика. Санудо говорит, что Святой отец был так вне себя от радости по поводу возвращения своего сына, что смеялся и плакал одновременно и что в тот день он не давал никаких аудиенций.

Церемониймейстер очень подробно описывает убранство замка Святого Анджело, а также театрализованные представления и празднества, и “никогда прежде я не видел такой экстравагантности”, - заключает он. 27 февраля, на следующий день после приезда Валентино, состоялось великолепное представление, представляющее “Триумф Юлия Цезаря”, в котором участвовало одиннадцать автомобилей, последний из которых был с римским императором. Процессия направилась ко дворцу, где была оставлена машина Юлия Цезаря, из чего некоторые авторы сделали вывод, что Валентино взял на себя роль императора. Бурхард говорит, что Цезарь выехал верхом из дворца в квартал Агона, где по своему обычаю проходили празднества горожан. Игры, включавшие в себя забеги лошадей, ослов, быков, буйволов, продолжались до 5 марта, когда Цезарь начал наносить визиты кардиналам. Он отправился без сопровождения кого-либо из церковных сановников, но с ним было несколько его офицеров и военный эскорт из ста человек, одетых в черный бархат. Он проявил свой обычный такт и удивил кардиналов, всегда предоставляя им место по старшинству.

Цезарь привез свою пленницу Катерину Сфорца в Рим, но история о том, что он заставил ее украсить свой триумфальный въезд в Вечный город, несомненно, ложна, потому что, если бы он это сделал, Бурхард, который описывает самые незначительные подробности своего въезда, несомненно, упомянул бы ее, а графиню он не упоминает. Истории о том, как ее вели по улицам Рима с золотыми цепями на запястьях, вероятно, были живописными выдумками врагов Борджиа.

Когда графиню заключили в Бельведер, она предприняла безуспешную попытку сбежать, после чего Александр приказал перевезти ее в замок Святого Ангела, откуда по истечении примерно восемнадцати месяцев она была освобождена благодаря вмешательству некоторых французских джентльменов, особенно Ива д'Аллегре. Его Святейшество разрешил ей поехать во Флоренцию и похвалил ее перед синьорией в письме, которое является шедевром лицемерия. В нем он обращается к нашей “возлюбленной дочери во Христе”; “Мы, — говорит он, - не только проявили милосердие по отношению к этой Катерине, но также, насколько мы могли, с Божьей помощью, с отеческой заботой заботились о ее благополучии” - и многое другое в том же роде.

Во Флоренции Катерина Сфорца вышла замуж за Джованни Медичи и, умерев в 1509 году, оставила сына такого же отважного, как она сама, знаменитого Джованни из Черных Банд, последнего из великих кондотьеров.

15 марта 1500 года Александр подписал буллу, наделяющую Цезаря викариатством Романьи, и семнадцать кардиналов поддержали его действия. Когда его Святейшество созвал консисторию, чтобы найти пути и средства для получения денег на восстановление церковных

владений, которыми владели знатные лорды, отказывавшиеся платить дань и признавать власть Папы, это было сделано с целью возвращения территории Святому Престолу.

Дважды приезжали делегации из Имолы и Форли, чтобы попросить Александра подписать соглашение, заключенное этими городами, о назначении герцога Валентино их губернатором. Если бы папе понадобился предлог для передачи этой территории своему сыну, он не смог бы придумать лучшего. Кардиналы с готовностью уступили уговорам Александра и Цезаря. Чтобы сделать сделку абсолютно законной, Риарио были официально лишены своих владений указом камерленго за то, что в течение ряда лет не платили дань Святому Престолу — тысячу золотых флоринов для Форли, двести для Имолы и два серебряных кубка для Маури.

15 марта 1500 года Цезарь подписал соглашение с гражданами Имолы, по которому он обещал управлять ими справедливо и милосердно; поддерживать их в мире и защищать во время войны; сохранять их общинные права и восстанавливать те, которые были узурпированы графом Джироламо Риарио и его преемниками. На большой печати, которой скреплен документ, изображены булла дома Борджиа и три лазоревые ленты семейства Домовиков, украшенные лилиями Франции. Цезарь подписывается как наместник короля.

29 марта Александр назначил своего сына гонфалоньером и генерал-капитаном церкви в церкви Святого Петра, а сам вручил знаки отличия этой должности — биретту, жезл и гонфалон — Цезарю.

Церемония подробно описана Берчардом. Герцог был одет в камзол из парчового золотистого бархата с крупными жемчужинами вместо пуговиц; на голове у него была алая бархатная шапочка. Биретта при посвящении, по словам церемониймейстера, была высотой в две ладони, оторочена горностаем и украшена четырьмя крупными жемчужинами; сверху был изображен голубь, также сделанный из жемчуга.

Цезарь получил жезл и знамя так же, как до него их получил его несчастный брат, герцог Гандийский. Папа, благословляя знамя, повторил предписанную формулу, а затем, совершив необходимые обряды, Цезарь вышел вперед, снял биретту, преклонил колени перед своим отцом и твердым голосом повторил торжественные слова: —

“Я, цезарь Борджиа Французский, герцог Валентинуа, гонфалоньер и главнокомандующий Святой Римской Церкви, клянусь сейчас и впредь быть верным и послушным Блаженному Петру и вам, моему святейшему Учителю Александру VI, папе Римскому, и вашим законным преемникам. Никогда ни делом, ни словом я не вступлю в какой-либо заговор с целью уничтожить или ранить вас, или заключить вас в тюрьму путем предательства, короче говоря, с целью насильственного захвата вас или ваших преемников каким бы то ни было образом, или причинить вам какое-либо насилие под каким бы то ни было предлогом. Поручения, которые вы или ваши преемники поручаете мне либо непосредственно через курьера, либо письмом, никому не будут разглашены, и никто не получит от меня никаких советов, которые могли бы обернуться во вред вам или вашим преемникам. Я помогу вам и тем, кто придет после вас, сохранить и защитить Папское государство и королевские права Святого Петра от любых врагов; Я буду чтить легата Апостольского престола при его приходе и уходе, и я окажу ему свою помощь, когда он в ней будет нуждаться; Я позабочусь о том, чтобы сохранить, защищать, приумножать и расширять права, почести, привилегии и авторитет Римской Церкви при вас и ваших преемниках; Я не приму участия ни в каких проектах, действиях или договорах, за

которыми может скрываться какой-либо преступный умысел. или предприятие, наносящее ущерб вам или вашим преемникам, или, наконец, Римской церкви; и если я узнаю, что какой-либо подобный проект был организован или осуществляется, я приложу все свои силы, чтобы предотвратить это, и как можно скорее; и я проинформирую вас или ваших упомянутых преемников, или кого-либо, кто может проинформировать вас об этом вместо меня. Да помогут мне Бог и Святые Ангелы!”

Герцог остался стоять на коленях перед папой римским, который вручил ему знамя. После этого золотая роза была принесена папе, который преподнес ее Цезарю, все еще стоявшему на коленях, со следующими словами:

“Примите эту розу из наших рук, из рук того, кто, каким бы недостойным он ни был, занимает место Бога на земле. Он символизирует радость двух Иерусалимов, то есть Церкви торжествующей и Церкви воинствующей, а для верующих во Христа он символизирует восхитительный цветок, который является радостью всех святых и составляет их венец. Поэтому прими это, дорогой сын, ты, кто благороден во все времена и кто наделен столькими добродетелями; прими это, чтобы ты мог еще больше возрасть в добродетели через Христа, нашего Господа, подобно розе, которая расцветает на берегах обильных водами потоков; и пусть Христос, наш Господь, соизволит даровать тебе Свою благодать, и в Своей бесконечной милости да будешь ты благословлен Тем, Кто Три в Одном, во веки веков. Аминь!”

Герцог принял розу, поцеловал руку и ногу папы римского, а Бурхард, проводивший церемонию, возложил на голову Цезаря венок гонфалоньера. На этом лицемерное представление закончилось, и Цезаре с несколькими кардиналами сопровождал папу в Курию, где тот простился со своим отцом.

Первым действием Цезаря на посту губернатора Имолы было назначение Джованни Оливьери, епископа Изернии, своим заместителем 10 апреля 1500 года, а несколько дней спустя он уполномочил его принимать присягу на верность от своих новых подданных вместо него. Все официальные письма Цезаря в это время подписаны Агапитом—Агапито Херардино из Амелии, его первым секретарем, который оставался с ним на протяжении всей его карьеры. Валентино немедленно обратил свое внимание на реорганизацию правительства завоеванной территории и обеспечение отправления правосудия.

Возвращение Людовико Моро в Милан не оказалось серьезным препятствием планам Цезаря, поскольку он был полностью разбит французами под командованием Луи де Ла Тремуаля при Новаре 10 апреля 1500 года и взят в плен во Франции, где умер, будучи освобожденным десять лет спустя — как говорили — от чистой радости.

Бои быков были введены в Италии испанцами во времена Каликста III, и 24 июня 1500 года Цезарь продемонстрировал свою доблесть, убив несколько быков на открытом пространстве за собором Святого Петра. Он вышел на арену, вооруженный только коротким мечом, и убил пятерых быков, последнего одним ударом своего оружия, что вызвало большой энтузиазм в народе и обеспечило ему репутацию человека большой физической силы. Это событие более полно описано Капелло, венецианским послом, чем Берчардом. Оратор добавляет: “Цезарю двадцать семь лет, он красив фигурой, высок и хорошо сложен; он очень царственный и экстравагантный, что очень не нравится папе; если он выживет, то станет одним из великих военачальников Италии”. Его щедрость была такова, что его называли *либералита кесария*, а

его Двор был переполнен солдатами, художниками и литераторами, хотя мы тщетно ищем среди них какое-нибудь великое имя. Литераторы были в основном посредственными рифмоплетами и латинистами, чьи произведения были преданы забвению.

Вряд ли следует предполагать, что двадцатисемилетний итальянский кондотьер, поглощенный действительностью жизни, очарованный мечтой об огромной власти, мог проявлять большой интерес к искусству. Хотя Микеланджело, Гарофало, Браманте и Антонио ди Сангалло в это время находились в Риме, усилия восхвалителей Цезаря найти в этом и других подобных обстоятельствах приумножение славы молодого авантюриста не следует воспринимать слишком серьезно.

У него, несомненно, были отношения с Леонардо да Винчи, поскольку он воспользовался услугами художника в качестве инженера при реконструкции некоторых крепостей и проектировании военных машин. Вазари говорит, что Пьетро ди Козимо, флорентийский художник, умерший в 1521 году, написал много портретов выдающихся личностей Рима, “в том числе портретов Вирджинии Орсини и Роберто Сансеверино, а также герцога Валентино, сына папы Александра VI. Этот портрет, как мне известно, сейчас утрачен, хотя предварительный набросок художника находится у Козимо Бартоли”.²²

ГЛАВА VI

Убийство Альфонсо Неаполитанского, герцога Бишелье—Вторая кампания в Романье—Пезаро сдается—Личная жизнь Цезаря—Пандольфаччо Малатеста сдает Римини—Асторре Манфреди—Храброе сопротивление Фаэнцы—Папа угрожает Болонье—Фаэнца сдается—Цезарь возвращается в Рим—Асторре Манфреди брошен в тюрьму—Джованни Бентивольо—Джулиано и Пьеро Медичи—Соглашение Цезаря с Флоренцией—Инвестиции в Пьомбино—Цезарь возвращается в Рим—Коалиция папы и король Франции за уничтожение Неаполитанского дома—Ив д'Аллегре прибывает в Рим—Беро Стюарт, командующий французской армией, входит в город.

Александр VI. чуть не погиб в результате несчастного случая, произошедшего в Ватикане 27 июня 1500 года, когда обрушился потолок комнаты и он был погребен в мусоре, из которого, однако, в конце концов выбрался, получив лишь несколько царапин. Его спасением, по словам его Святейшества, он был обязан Пресвятой Деве Марии; поэтому торжественная благодарность была вознесена ей 2 июля. Она, однако, не вмешивалась примерно через две недели после чудесного бегства Александра, чтобы предотвратить жестокое убийство второго мужа Лукреции Борджиа, Альфонсо Неаполитанского, герцога Бишелье.

Ранним вечером 15 июля несколько вооруженных людей напали на Альфонсо у входа в собор Святого Петра и ранили его в голову, правую руку и ногу. Негодяи, числом около сорока, сбежали по ступеням церкви, поспешно вскочили на лошадей и скрылись через Пертузские ворота. Таков отчет Берчарда об этом деле.

Неаполитанский оратор добавляет: “И принц побежал к папе и сказал ему, что на него напали и ранили, а мадонна Лукреция, которая была с папой, упала в обморок”. Альфонсо был помещен в комнату в Ватикане, и его жена и сестра Санча, супруга сына папы Джуффре, принца Сквиллаче, полностью заботились о нем, даже сами готовили ему еду, опасаясь отравления, из-за ненависти Валентино к нему. Папа приставил к нему шестнадцать человек охраны, опасаясь, что герцог может убить его. Только однажды, когда папа отправился навестить Альфонсо, Чезаре сопровождал его, и тогда было слышно, как он заметил своему отцу: “То, что не доели за обедом, может быть доели за ужином”. Когда оратор спросил папу об этом деле, его Святейшество рассказал ему, что Валентино сказал: “Я не нападал на Альфонсо, но если бы я это сделал, это было бы только то, чего он заслуживал”; но однажды — 17 августа - Чезаре вошел в комнату раненого, выгнал Лукрецию и Сансию и приказал дону Микеле задушить юношу, и той же ночью тело было похоронено — убийство настолько хладнокровное, что весь Рим пришел в ужас, хотя никто не осмелился упомянуть об этом открыто. В конце концов Валентино признался, что стал причиной смерти Альфонсо, потому что боялся, что герцог убьет его. Таков отчет Капелло. Бурхард добавляет, что врачи и сопровождающие Альфонсо были арестованы и обследованы, но немедленно отпущены на свободу, поскольку не было никаких сомнений в их невиновности.

Альфонсо, принесенный в жертву своим отцом по политическим причинам, женился на Лукреции, и когда планы Александра и Цезаря требовали его устранения, она не смогла спасти его. Друзья часто предупреждали его, что Рим для него опасное место. Чезаре ненавидел Арагонский дом и извлек из брака своей сестры с Альфонсо не больше выгоды, чем из ее прежнего союза с Джованни Сфорца из Пезаро. Валентино, очевидно, задумал для своей сестры другой союз, который, как он надеялся, окажется более выгодным для него самого.

Поскольку у Лукреции и Альфонсо родился сын, брак не мог быть расторгнут так же легко, как первый; поэтому необходимо было героическое отношение. Когда в Милане разразилась война, Альфонсо покинул Рим и вернулся только по настоятельным просьбам своей жены и папы римского, его опасения были несколько развеяны теплыми поздравлениями, которые Чезаре прислал ему по случаю рождения сына.

В депеше от 19 июля венецианский посол говорит: “Точно неизвестно, кто ранил Альфонсо, но говорят, что это был тот же человек, который убил герцога Гандийского!”

Бурхард просто записывает: “Альфонсо был задушен в своей постели примерно в девятнадцатом часу, а вечером, примерно в первом часу ночи, тело было перенесено в базилику Святого Петра в сопровождении Франческо Борджиа, архиепископа Козенцы, и его домочадцев”.

Приводились различные причины, объясняющие ненависть Цезаря к мужу своей сестры. Поговаривали даже, что Цезарь хотел убрать его с дороги, чтобы он сам мог пользоваться ее благосклонностью; однако, хотя этому обвинению и другим, не менее отвратительным, которые были выдвинуты в то время, больше не верят, они показывают, до каких крайностей доходила клевета в те дни и с какой готовностью хронисты и историки, вдохновленные ненавистью, повторяли клевету; но они также показывают, с каким презрением относились к Борджиа.

В Риме существовала неаполитанская партия, и Альфонсо, возможно, был ее членом; его сестра Санча была женой Джуффре, брата Чезаре, и, вероятно, любовницей последнего. Впоследствии

они с Валентино стали злейшими врагами, и она была единственным человеком в Ватикане, который осмеливался в чем-либо противостоять ему.

Весь Рим, прелаты, горожане, Лукреция, Джуффре, сам папа, казалось, боялись Цезаря. О папе говорили, что он одновременно любил и боялся его — *ама эд ха паура*. Валентино, ненавидящий Неаполитанский дом, и особенно Сансию, чья сильная натура и беспринципный характер противоречили его собственным, мог легко заставить себя смириться со смертью ее брата, потому что это также дало бы ему свободу выдать сестру замуж за представителя какой-нибудь влиятельной семьи, которая оказала бы ему большую помощь в его далеко идущих проектах.

Лукреция и Альфонсо, которого современники называли одним из самых красивых мужчин Италии, очевидно, любили друг друга. Она была очень огорчена, когда он бежал из Рима, и умоляла его вернуться. После его смерти Лукреция, совершенно лишенная воли и характера, не имевшая ни одной из черт мегеры, которыми обладала Катерина Сфорца, на время удалилась в Непи.

Говоря о быстром освобождении врачей и слуг Альфонсо, “потому что они были невиновны”, Бурхард добавляет многозначительное замечание, “о чем прекрасно знали те, кого послали их арестовать”.

Нападение на герцога Бишелья, очевидно, было хорошо спланировано, и впоследствии он был задушен прямо в стенах Ватикана. Слуги и врачи были немедленно оправданы. Кто же тогда был ответственен за это убийство?

Все хронисты, историки и послы либо открыто, либо косвенно обвиняют Цезаря в этом преступлении. Согласно стандартам того вероломного и жестокого века, у него было достаточно оснований для убийства — оснований, основанных как на личной ненависти, так и на политических амбициях.

Завоевание Романьи было тесно связано с целями короля Франции в отношении Неаполя, и Альфонсо был препятствием на пути Цезаря. Неаполитанский дом отказал Валентино в женитьбе на одной из своих дочерей, и он женился на французской принцессе; следовательно, логическим продолжением стало уничтожение арагонской семьи.

Когда Альфонсо Бишельский был убит, Лукреции было всего двадцать лет; она была красива и богата, у нее были могущественные родственники и значительные собственные владения; учитывая эти привлекательные стороны, было бы сравнительно легко найти ей другого мужа в одной из знатных семей полуострова, который помог бы Александру и Цезарю в покорении Романьи и в любых других амбициозных проектах, которые они могли бы осуществить.

Альфонсо Бишельский был бесполезен для таких практичных людей, как Валентино и его отец; он был честным, мягким и слабым, а таким людям отводилось еще меньше места в стремительном движении эпохи Возрождения, чем в современной политике и промышленности, и его пришлось убрать.

Александр, возможно, узнал в Цезаре свою кровь и обнаружил в нем то же циничное презрение ко всем законам, человеческим и Божественным, которое испытывал он сам. Если он и испытывал какой-то ужас от поступка своего сына, то это длилось недолго, поскольку Капелло написал в сентябре, через месяц после убийства: “Папа с каждым днем молодеет; его

величайшие печали проходят за ночь; у него самый веселый нрав, и он никогда не предпринимает ничего, кроме того, что обещает обратить себе на пользу; все его мысли направлены к одной цели — сделать из своих детей великих личностей - ко всему остальному он равнодушен”.

Были предприняты попытки возложить ответственность за убийство Альфонсо на Сансеверини, у которых отняли княжество Салерно, чтобы оно могло быть передано принцу; и на Гаэтани, у которого отняли герцогство Сермонета, чтобы оно могло быть передано малолетнему сыну Альфонсо, Родриго. Однако ни одна из этих семей, у которых также должны были быть свои враги, никогда не была обвинена в преступлении их современниками, и если бы Цезарь и Александр когда-либо подозревали кого-либо из них, они, конечно, не отнеслись бы к этому делу с таким безразличием. Единственным, кого обвинили в этом в то время, был герцог Валентино.

Гениальный восхвалитель Борджиа предположил, что удушение в башне Борджиа, о котором, несомненно, сообщили Лукреция или Санча, было вовсе не удушением, а, вероятно, столбнячными конвульсиями из—за инфицированных ран, нанесенных кинжалами - острия обычно закапывают в землю; он, однако, забывает объяснить нападение, когда кинжалы были использованы двумя неделями ранее.

В начале июля папа наложил запрет на Фаэнцу на том основании, что Асторре Манфреди отказался платить дань; таким образом, решение о сокращении Фаэнцы и Римини было принято папой и цезарем. Через своего посла Вильнева Людовик XII. прислал свое согласие на это предприятие, а также обещание помочь, насколько это будет в его силах. Кроме того, венецианский посол заверил Ватикан в нейтралитете своего правительства.

Валентинуа сформировал армию, которую держал в Умбрии, чтобы ее можно было использовать под рукой для уничтожения колонна, которые были союзниками Федерико Неаполитанского, или для операций в Романье.

Согласно заявлению венецианского оратора, король Франции должен был предоставить шестьсот латников и столько же швейцарцев на случай, если потребуются сокрушить Бентивольо из Болоньи, которые могли попытаться помочь своим родственникам в Фаэнце, Римини и Пезаро. По совету короля они отказались от защиты Малатесты и Манфреди.

Когда послы, Капелло и Джорджи, доставили письмо синьории, папа был так обрадован, что, несмотря на свое обещание хранить его в секрете, об этом сразу узнал весь дворец, и в тот же вечер в честь этого события был дан большой банкет.

Когда Валентино был готов отправиться во вторую кампанию по завоеванию Романьи, у него было около десяти тысяч солдат, частично завербованных им самим, а частично Паоло Орсини и Джампаоло Бальони, которые ждали его и его армию в Перудже.

Когда 5 октября стало известно об отъезде Чезаре из Рима, Пандольфо Малатеста отправил жену и детей ко двору своего шурина Джованни Бентивольо в Болонью, а сам укрепился в замке Римини, зная, что больше не может рассчитывать на помощь Венеции.

Чтобы получить средства на вторую кампанию в Романье, Александр учредил двенадцать кардиналов, взимая с каждого из них десятую часть церковных доходов. К этому добавилась

добыча, полученная от Гаэтани и других римских вельмож, а также крупные суммы, взятые займы у крупного банкира Агостино Киджи. Это был один из самых страшных скандалов за все время правления Александра. При этом создании два члена семьи Борджиа были возведены в кардиналы — Франческо Суэцкий и Пьер Луиджи, племянник папы римского. Все кардиналы, кроме последнего, хорошо заплатили за этот сан. Епископ Катании заплатил самую высокую сумму — огромную сумму в 25 000 золотых дукатов; Луи, епископ Акви, и Якобус, архиепископ Ористано, заплатили по 5000 каждый; в то время как Д'Альбре, шурин Цезаря, получил десять тысяч.

Сам Берчард называет сумму, которую должен был заплатить каждый кардинал. Это создание было полностью политическим. Цезарь обнаружил, что ему нужны деньги для своих начинаний, и он приказал Священной коллегии утвердить кандидатуры, а цены установил сам.

26 сентября Капелло написал синьории: “Я понимаю, что были отданы приказы, чтобы герцог Валентинуа, после того как кардиналы были выбраны, мог отправиться в путь через два или три дня, при условии, что астрологи скажут, что момент благоприятен”.

Святой Отец, по соглашению с королем Франции, должен был помочь Людовику в случае, если тот решит предпринять завоевание Неаполя, а король должен был помочь Чезаре, которому он теперь направил значительные силы под командованием Ива д'Аллегри.

Пехотинцы Цезаря были одеты в красно-желтые камзолы с его эмблемами и вооружены короткими пиками, мечами и железными шлемами. Они были хорошо вымуштрованы и намного превосходили прежние войска, которые представляли собой немногим больше, чем плохо вооруженную толпу.

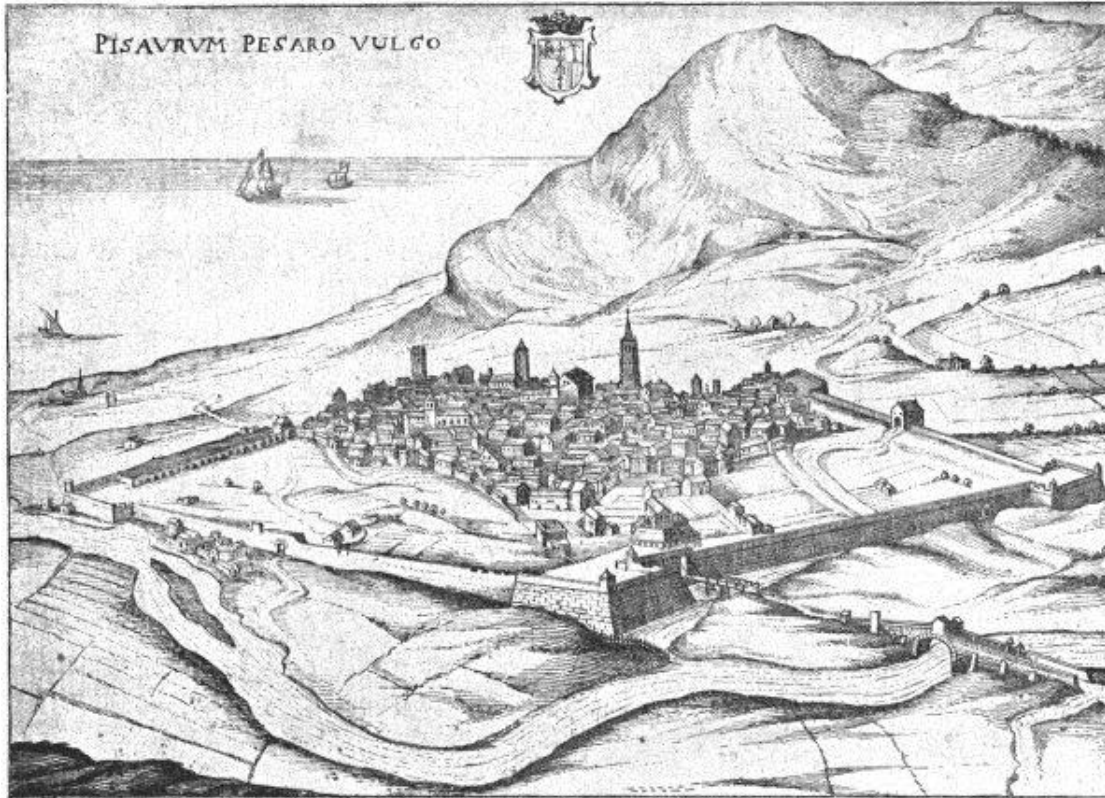
Армия выступила в конце сентября, и вскоре стало известно, что Чезаре намеревался изгнать Джованни Сфорца из Пезаро, а последнего из рода Малатеста - из Римини. Сфорца был военачальником с немалой репутацией, и он решил сопротивляться. Сначала он попытался заручиться помощью брата своей бывшей жены, Франческо Гонзаги, а также императора Максимилиана, с которым он был связан через Бьянку Сфорца.

В начале 1500 года Гонзага попросил Валентино стать опекуном его малолетнего сына, который два года спустя был обручен Шарлоттой д'Альбре с собственной дочерью Цезаря. Джованни Сфорца явно не ценил отношения Валентино с семьей Гонзага, которая, как и все княжеские семьи Италии того времени, всегда была готова вступить в союз с более сильным, и особенно с папством.

Борясь за существование, все они вели отчаянную политическую игру. Двумичие эпохи снова раскрывается тем фактом, что Гонзага действительно послал сто человек на помощь сеньору Пезаро, у которого было всего двести своих людей. Джованни не был совсем уж несправедливым правителем, следовательно, значительная часть его подданных оставалась ему верна. Пока дворяне выступали против него, он мог рассчитывать на поддержку низших классов; средние классы, как обычно, держались в стороне, готовые перейти на сторону победителя.

Большинство мелких сеньоров Романьи были выскочками и авантюристами, и как таковые были тиранами и совершенно безразличны к благополучию своих подданных; будучи политиками, они были совершенно неспособны заглядывать вперед и обеспечивать будущее — их меры

всегда были всего лишь временными мерами для преодоления нынешних трудностей, главным образом личного характера; будучи одновременно невежественными и эгоистичными, они не вполне осознавали свое фактическое положение, которое они были вынуждены удерживать силой; результатом было то, что они сами постоянно становились жертвами предательства своих подданных — если предательство было можно было бы назвать, потому что их народ не проявлял никакой лояльности. Для них смена хозяев означала лишь смену зла, с шансом, что, по крайней мере, на какое-то время их положение улучшится. Когда люди на самом деле не выступали против своих господ, они были безразличны к ним. Это объясняет, почему многие города Романьи не оказали сопротивления и добровольно открыли свои ворота Цезарю.

PESARO.

С ранней гравюры.

Лицом к лицу, стр. 166.

Пезаро быстро сдался Бентивольо, наместнику Чезаре, но прежде чем город сдался, Джованни Сфорца сумел сбежать, и 27 октября сам герцог вошел в город со своим обычным блестящим составом дворян и офицеров, которым, как он знал, он мог поразить вульгарное воображение. Валентино был театрален во всем, что бы он ни делал, и он старательно сохранял атмосферу таинственности во все времена. Находясь в Риме, он держался уединенно, а потом вдруг под каким-нибудь предлогом показывался народу.

Замок Пезаро славился своей крепостью, и у Чезаре были сделаны его зарисовки, которые он отправил своему отцу, который интересовался военными делами.

Пандольфо Колленуччо, оратор Эрколе д'Эсте, прибыл в Пезаро в тот самый день, когда там появился Чезаре, и герцог послал к нему дона Ремиро де Лорку.

Колленуччо, гуманист с большой репутацией среди писателей и юристов того времени, был сослан в 1489 году Джованни Сфорца, чтобы тот мог конфисковать имущество ученого и в то же время избавиться от честного советника. Занимая должности в различных городах Италии, он поступил на службу в Эсте Феррары.

Цезарь послал оратору в подарок зерно, вино, свечи, овцу, несколько каплунов и цыплят, а в письме своему хозяину Пандольфо сказал, что Цезарь был “храбрым и щедрым — и считается, что он позаботится о достойных людях. Он полон решимости отомстить; у него великая душа, жаждущая славы и власти, но он, кажется, больше стремится приобрести новые государства, чем дать тем, которые у него уже есть, хорошее правительство” — утверждение, которое не совсем согласуется с утверждениями других. Пандольфо, однако, не смог добиться государственной должности, следовательно, он обнаружил некоторые недостатки герцога.

Однажды, беседуя с послом, Цезарь заметил: “Я не знаю, что предпримет Фаэнца, но она не создаст нам больших трудностей, чем в других местах, — тем не менее, она может попытаться выстоять”. На что опытный дипломат ответил: “Если она это сделает, это только даст вашей светлости еще одну возможность продемонстрировать свою доблесть и умение занять это место”.

В одном из своих писем герцогу Эрколе д'Эсте Колленуччо дает описание личных привычек Цезаря, что интересно, поскольку подробностей о его личной жизни немного. “Жизнь герцога такова: он ложится спать между восемью и десятью часами вечера. В восемнадцатом часу наступает рассвет; в девятнадцатом восходит солнце, а в двадцатом - уже совсем рассвело. Затем он встает и сразу же садится за стол. После этого он обращает свое внимание на деловые вопросы”.

Пока Чезаре находился в Фано и Пезаро, Асторре Манфреди — единственный тиран в этой части Италии, пользовавшийся доверием и любовью своего народа, — готовился защищаться в Фаэнце.

Помощь пришла к нему с неожиданной стороны, поскольку Джованни Бентивольо, опасаясь, что Валентино нападет на него, если Фаэнца падет, решил помочь молодому тирану. Бентивольо сумел заручиться доброй волей французов и заключил договоры с несколькими своими соседями. Среди прочего, Флоренция пообещала помочь ему, если он поможет ей, когда она нападет на Пизу. В конце октября папа направил Бентивольо письмо, в котором приказывал ему под страхом отлучения от церкви не принимать участия в делах Фаэнцы — единственным результатом этого стало усиление его решимости помочь Манфреди, направив ему дополнительные войска. В то же время Бентивольо усилил собственную оборону.

Когда Валентино покинул Пезаро, он назначил испанца Марко Суэре ответственным за цитадель. Римини был сдан без борьбы его малодушным хозяином Пандольфаччо Малатестой.

Асторре Манфреди, которому было всего восемнадцать, еще в январе 1500 года обнаружил, что Цезарь замышляет что-то на его территории, хотя Валентино заверил его в своей дружбе.

В начале ноября капитан Цезаря Вителлоццо Вителли занял Бризигеллу, которая была ключом к Фаэнце, и все мелкие силы по соседству поспешили перейти на сторону Валентино, будучи уверенными, что он победит. Асторре рассчитывал на Венецию, но вскоре обнаружил, что она вступила в союз с папой, поскольку в октябре имя Цезаря было занесено в ее “золотую книгу”, и Сенат выделил ему дворец для проживания в Венеции, хотя и отказался присвоить ему титул, которого он так жаждал, - капитана армий Республики.

Манфреди был храбр, но он видел, что его дело безнадежно. В отчаянии он предложил своим людям не оказывать сопротивления, чтобы избежать бесполезного кровопролития и уничтожения собственности, но, к их великой чести и к его собственной, они решили поддерживать его до последнего. Тем временем Бентивольо удалось перебросить в Манфреди тысячу пехотинцев.

Фаэнца была взята 10 ноября, и Цезарь предложил осажденным их жизни, если они сдадутся; за обещаниями последовали угрозы, но жители этого места остались непреклонны. Приближалась зима, и Фаэнца была хорошо защищена стенами. Цезарь разбил свой лагерь со стороны Форли и попытался штурмовать стены, но потерпел неудачу. Валентино ожидал, что юный тиран предложит ему решительное сражение, но Манфреди мудро воздержался, и войска Цезаря так пострадали от суровой погоды, что он решил уйти на зимние квартиры. Жители Фаэнцы уничтожили весь лес в окрестностях; войска расположились лагерем в низменном, сыром месте, и враг постоянно преследовал их. Люди Асторре были хорошо накормлены и защищены и могли отдыхать по ночам, в то время как осаждающие никогда не были в безопасности; поэтому Цезарь решил снять осаду и объявил, что вернется, когда наступит более благоприятное время года. Он отступил 3 декабря, но позаботился о том, чтобы обезопасить все дороги, ведущие в Фаэнцу, и обложить город таким образом, чтобы в него нельзя было ввести никаких провиантов. Он провел зиму в Чезене, оставаясь там до апреля 1501 года. Время было проведено во всевозможных захватывающих видах спорта и увеселениях, и когда он уехал, то оставил после себя память о любезном и обходительном лорде и в то же время о способном правителе и суровом судье. Имеющиеся у нас рассказы о его повседневной жизни написаны в основном панегирист-ми, которые наслаждались его щедростью и защитой, следовательно, как свидетельство его действительного характера они стоят немногим больше, чем свирепые атаки врагов Борджиа.

Пока Цезарь находился в Форли, вокруг него толпилось обычное количество алчных художников и литераторов, жаждущих денег или почестей и требующих разрешения посвятить ему свои произведения — по большей части ныне утраченные —. Это раболепие - любопытная черта литературного характера тех и даже более поздних дней, и смехотворно напыщенные посвящения книг различным тиранам и авантюристам, запятнанным всеми преступлениями и неспособным оценить что-либо честное и благородное, вызывают отвращение. Однако художники и поэты, блиставшие в отраженном свете какого-нибудь политического авантюриста, как правило, уходили из жизни вместе с ним, и те из их работ, которые время пощадило, по своей природе служат нам утешением в связи с теми, которые были утрачены. Все эти посвящения и панегирики были вдохновлены надеждой на вознаграждение в той или иной форме, и как свидетельство того, что человек, к которому обращались, обладал какими-либо качествами, достойными восхищения, они не представляют никакой ценности. Имен восхвалителей Цезаря было множество, и в нем они усматривали все добродетели, точно так же, как его политические противники и их подхалимы обнаруживали все пороки. Пока Цезаре

был в Чезене, юный Манфреди, хотя и определенно брошенный Болоньей и Флоренцией, храбро держался.

Александр, зная, что Людовик XII. потребовал бы от него инвеституры для реализации своих замыслов относительно Неаполитанского королевства, пожаловался ему, что его союзник Джованни Бентивольо сорвал планы Цезаре в отношении Фаэнцы, хотя их провал был вызван скорее стойким сопротивлением Манфреди и суровой зимой, чем помощью тирана Болоньи. Его Святейшество даже зашел так далеко, что потребовал владения территорией Бентивольо.

28 января 1501 года папа пригрозил Болонье интердиктом в случае, если жилье и припасы не будут готовы для войск Цезаря в течение шести дней. Король Франции, однако, был более дипломатичен, поскольку отправил письмо из Блуа 30 января 1501 года, в котором “умолял своего великого и доброго друга из Болоньи помочь нашему упомянутому кузену Валентинуа людьми, провизией и артиллерией”.

Бентивольо предоставил жилье, припасы и людей, но категорически отказался позволить войскам Цезаре занять Болонский замок, потому что, по его словам, это слишком сильно поставило бы под угрозу его власть. Александр потребовал овладения крепостью на том основании, что она была необходима для операций Цезаря в Романье, но Бентивольо не обманулся.

Валентино провел первые месяцы 1500 года, организуя управление территориями, граничащими с Адриатикой, но он внимательно следил за Фаэнцей, на которую он снова напал примерно в середине апреля, но ничего не добился. Мастерство и доблесть Манфреди и его последователей вызвали восхищение всей Италии, и Изабелла д'Эсте в письме своему мужу, маркизу Мантуанскому, от 20 апреля написала: “Жители Фаэнцы спасли честь Италии”; а Цезаре, как сообщается, заметил: “Будь под моим командованием армия, подобная защитникам Фаэнцы, я мог бы с уверенностью приступить к завоеванию всего полуострова”.

GIO·II·BENTIVOGLIO SIG·DI BOLOGNA

С ранней гравюры.

Лицом к лицу, стр. 172.

Однако в конце концов Манфреди был вынужден просить о перемирии, чтобы согласовать условия капитуляции, и ночью 21 апреля Цезарь принял его в своей ставке с подчеркнутой вежливостью. Условия капитуляции были составлены от имени Цезаря Баттистой Орфино, и Микелотто Корелла был назначен ответственным за крепость.

Храбром Манфреди должно было быть позволено идти, куда он пожелает; его офицерам также было разрешено уехать; народ и его собственность должны были уважаться; монеты, отчеканенные принцем, должны были оставаться в обращении в государстве; его долги должны были быть оплачены цезарем, и, чтобы дать людям возможность восстановить свое благосостояние, им должны были быть предоставлены определенные льготы в отношении налогов.

Манфреди, обманутый обещаниями Цезаря, вместо того чтобы отправиться к своим друзьям и родственникам в Болонью или Венецию, принял приглашение герцога остаться в его лагере и, вероятно, оставался с Валентино до его прибытия в Ватикан 17 июня 1501 года. Через несколько дней его бросили в тюрьму в замке Святого Анджело.

После падения Фаэнцы Валентино обратил свое внимание на Джованни Бентивольо, потребовав от имени папы римского владения замком Болоньезе. Когда Бентивольо узнал, что Чезаре продвигается с войсками, он отправил послов, которые были немедленно схвачены Вителлоццо, захватившим крепости Сан-Пьетро, Фрумина, Гвельфо и Медицина. Бентивольо, видя, что Цезарь настроен решительно, решил уступить, но в то же время хитро спланировал заручиться его поддержкой как союзника. 30 апреля 1501 года Паоло Орсини заключил договор между Чезаре и Бентивольо, по которому в обмен на сдачу замка Болоньезе первый должен был служить последнему кондотьером в течение трех лет с соответствующим жалованьем во всех начинаниях, за исключением тех, которые могли быть направлены против короля Франции. Цезарь также должен был предоставить определенное количество войск. Джулио, Паоло Орсини и Вителлоццо Вителли подписали договор от имени Чезаре, который остался в Медичи и который в этом документе впервые был назван герцогом Романьи, поскольку его отец только что присвоил ему этот титул. Согласие Цезаря на это соглашение объясняется тем фактом, что король Франции потребовал возвращения своих войск, а папа поручил Валентино прибыть в Рим, не приставая к флорентийцам.

Джулиано и Пьеро Медичи, стремясь вернуть себе город, из которого они были изгнаны, предложили заключить союз с Чезаре. Джулиано присоединился к нему в Болонье, намереваясь оставаться в его штабе, когда он будет продвигаться по Тоскане и спланировать своих приверженцев. Пьеро также прибыл из Рима, чтобы присоединиться к Чезаре, который знал, что их присутствие в его армии и ненависть его военачальников к Флоренции будут представлять угрозу для Республики; поэтому он отказался заключать какое-либо соглашение с Пьеро и по дороге в Бизаньо вынудил Джулиано остановиться в Лойано.

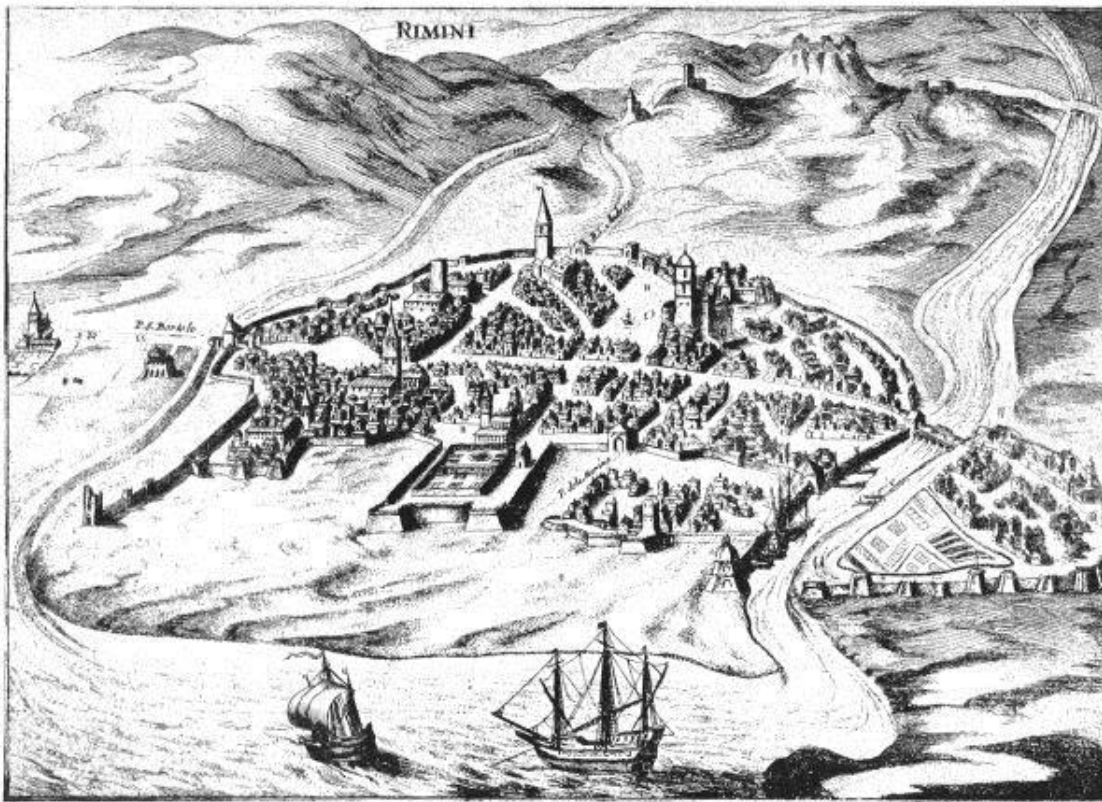
Несмотря на это, синьория Флоренции почувствовала, что у него были какие-то зловещие намерения по отношению к им самим, поэтому они послали Макиавелли наблюдать и изучать передвижения Цезаря.

Валентино попросил разрешения провести свои войска через территорию Флоренции, и просьба с определенными ограничениями, среди которых одно требовало от него избегать укрепленных мест, была удовлетворена. Герцог не стал дожидаться послов, а продолжил свой поход, и когда они все-таки появились, он уже был на территории Флоренции. Они пригрозили подать жалобу, но Валентино упрекнул их за отношение их правительства к нему самому и его начинаниям. Он не хотел объявлять себя врагом Республики, но ему нужно было время, чтобы обдумать ситуацию; поэтому он назначил повторную встречу с посланниками в Барберино ди Муджелло.

Из-за долгой и изнурительной войны с Пизой и внутренних проблем Флоренция была не в том положении, чтобы рисковать вступать в борьбу с герцогом Романьи; поэтому синьория решила удовлетворить его просьбу. Понимая опасность присутствия большого количества вооруженных людей на своей территории, Совет Десяти принял меры к отражению любого внезапного нападения. В конце концов Чезаре заключил союз, как наступательный, так и оборонительный, с Флоренцией, и синьория взяла его на службу в качестве кондотьера, предоставив ему количество войск, соответствующее его рангу, и пообещав соответствующее вознаграждение. Договоренность была рассчитана на три года.

Цезарь согласился продолжить свой поход, как только будет подписана конвенция, но 17 мая он все еще находился в Форно-деи-Кампи и попросил половину артиллерии, принадлежащей Флоренции, для использования против Пьомбино, а также свое жалованье за первый квартал. Синьория ответила, что эти просьбы не были включены в соглашение, и Чезаре не настаивал. Он, однако, отправил Вителлоццо Вителли к пизанцам потребовать их осадные орудия. На марше к Пизе войска Цезаря совершили большой грабеж, разграбляя, сжигая и мародерствуя. Его капитаны, Орсини и Вителли, особенно последний, чей брат был казнен флорентийцами, возможно, были ответственны за это. Папа одобрил начинание Чезаре в отношении Пьомбино, сеньор которого Джакомо д'Аппиано после слабого сопротивления перед городом удалился в крепость, которая была хорошо приспособлена для того, чтобы выдержать осаду. Именно здесь пятьдесят лет назад дед Джакомо храбро защищался от свирепого кондотьера Сигизмондо Малатесты, сына Пандольфо, сеньора Римини.

По его соглашению с Людовиком XII. Цезарь был вынужден присоединиться к французской армии примерно в середине июня. Поэтому он оставил часть своих сил, чтобы осадить Пьомбино, который сдался его лейтенантам после двухмесячной осады, и отправился в Рим, куда прибыл 17 июня 1501 года. Целью его приезда в Рим в это время было присоединиться к французской армии, которая вот-вот должна была выступить на Неаполь. Находясь в городе, он скрывался от посторонних глаз в апостольском дворце, редко показываясь на глаза.

RIMINI.

С ранней гравюры.

Лицом к лицу, стр. 176.

Ничто так не иллюстрирует двуличие эпохи, как эта коалиция главы христианской церкви и короля Франции, направленная на уничтожение Неаполитанского дома. Всего четыре года назад Чезаре в качестве кардинала-легата короновал последнего из арагонских королей Неаполя; Александр трижды пытался выдать замуж одного из своих детей в эту семью и породнился с ней браком своего сына Джуффре с Доньей Санчией и своей дочери Лукреции с Альфонсо, принцем Бишелье, которого убил Чезаре, — а в наш вероломный век самым вероломным из всех был глава христианской церкви.

В 1499 году Людовик XII. заручился согласием папы римского на свое предприятие в отношении Неаполитанского королевства и Миланского герцогства.

Это, как мы видели, была одна из тех аморальных сделок, которые державы и властители все еще заключают за счет более слабых государств, хотя откровенный эгоизм правителя сейчас проявляется в этих сделках в меньшей степени, чем в эпоху Возрождения. Сегодня главы правительств, лишённые автократической власти, не олицетворяют личных амбиций или достижений; они либо просто пережитки средневековья, либо представители каких-то интересов или фракции — какой-то промышленной единицы; поэтому в развитых странах фактический эгоизм правителя не имеет большого значения.

В эпоху Борджиа личность правителя была более важна; расширение его власти — фактически, само его пребывание в должности — зависело от его физической силы, его хитрости, его

способности к лицемерию, его пристрастий, его амбиций, его морали. Ему не мешали никакие конституционные ограничения, и его династия требовала для своего увековечения чего-то большего, чем закон; господство его семьи могло быть обеспечено только силой и обманом. Сегодняшние главы правительств являются всего лишь случайностями рождения или продуктом экономических интересов, их приход к номинальной власти и отказ от этих должностей не оказывают заметного влияния на судьбы государств; они являются продуктом одного класса экономических или социальных факторов точно так же, как деспоты эпохи Возрождения были продуктом другой группы.

Людовик XII. был свирепым эгоистом, как и Александр VI. и Цезарь Борджиа. Он желал развестись с Жанной Французской, чтобы жениться на Анне Бретонской. Суеверие, если и не всеобщее, было тогда повсеместным и не ограничивалось, как сейчас, невежественными и развращенными; рационализм и личная независимость еще не достигли той стадии, когда человечество видит, насколько абсурдно верить свою совесть заботе и руководству другого человека, особенно плохого. Во второй половине пятнадцатого века, когда папы были более развращенными, чем когда-либо прежде или были с тех пор, другие монархи особенно стремились заручиться согласием понтифика на свои собственные эгоистичные начинания и тем более решительно избегали его оружия отлучения, каким бы нелепым оно ни было. Таким образом, Людовик заключил сделку с папой римским, по которой последний должен был санкционировать разрушение Неаполя и Милана и оказать им помощь, а также предоставить королю необходимое разрешение, позволяющее ему расстаться со своей женой. Взамен король сделал сына папы, цезаря, герцогом Валентинуа и добился для него руки французской принцессы; сделка была заключена и формально скреплена печатью, и теперь Людовик пытался заставить папу выполнить свою часть соглашения. Арагонский дом по праву завоевания, которое, как можно заметить, вовсе не является *правом*, правил Южной Италией в течение ста лет, но теперь его дни были сочтены. Чтобы придать своему проекту видимость справедливости, Людовик обосновал свои притязания на Неаполь воображаемыми правами Анжуйского дома.

Цезарь тихо прибыл в Рим вечером 17 июня 1501 года. 19-го прибыл Ив д'Аллегре со своими воинами, которые должны были перейти под командование Валентино. Аква-Траверса была выбрана для французского лагеря, и Бурхард перечисляет припасы, необходимые войскам; им были выделены вино, хлеб, мясо, яйца, сыр, фрукты и даже шестнадцать проституток. Он также сообщает нам, что некоторые флорентийские купцы, которые должны были поселить офицеров, заплатили губернатору города двести дукатов за освобождение от бремени, и что чиновник принял деньги, но, тем не менее, когда прибыли французские офицеры, заставил флорентийцев поселить их.

Беро Стюарт, командующий основными силами французских войск, вступил в Рим 23 июня и был принят всеми кардиналами и папским двором с большими почестями. Он немедленно отправился в папский дворец и был препровожден к папе в Покои Папагалли.

“Сегодня королевские лейтенанты и несколько капитанов французской армии отправились на встречу с папой в его дворец в Риме, где собралось великое множество кардиналов и знати города. Папа римский - испанец и бедный француз, но он скрыл свои истинные чувства и принял французских офицеров с большим радушием и добродушно беседовал с ними. Месье Беро Стюарту, королевскому генерал-лейтенанту, он подарил серого скакуна, сильного и

быстрого, прекрасно сбитого и в богатой попоне. Остаток дня был проведен в спорте и различных развлечениях до вечера, когда кардинал Сансеверино, епископ Майезэ и брат графа Гайаса, развлекал офицеров на официальном банкете, на котором яства были *изысканными*. Банкет был дан в саду кардинала Асканио среди апельсинов, лимонов, гранатов и других редких и почитаемых фруктов и ароматных цветов различных сортов, в то время как певцы и актеры, как трагические, так и комические, демонстрировали свое искусство. Когда банкет закончился, французы вышли и простились со Святым Отцом. Покончив с этим, они вернулись в свой лагерь. Было решено, что армия выступит на следующее утро, чтобы направиться прямо в Неаполь и продолжить начатую работу”.²³

ГЛАВА VII

Экспедиция против Неаполя—Взятие Капуи—Неаполь сдается—Цезарь возвращается в Рим—Оргия в его апартаментах в Ватикане—Папа делит завоеванную территорию в Романье между своей семьей—Переговоры о браке Лукреции Борджиа и Альфонсо д'Эсте—Цезарь принимает посланцев Феррарезе—Свадьба Лукреции—Ее характер—Папа и Цезарь отправляются в Пьомбино—Они посещают Эльбу—Цезарь и Леонардо да Винчи.

Его Святейшество занял свое место у окна в замке Святого Анджело 28 июня 1501 года и “с великой радостью” наблюдал, как армии Франции проходят мимо города и покидают его, направляясь в Неаполь, чтобы уничтожить арагонскую династию. Берчард говорит, что там было около 12 000 пеших и 2000 кавалерийских, 26 повозок и 36 минометов. Жан д'Отон описывает отход французских войск во главе с пехотой и кавалерией, шеренгой длиной в две мили. “Воины в хорошем строю, облаченные в доспехи, с копьями на бедрах, в шлемах, готовые к битве — так они пересекли Рим под звуки труб и кларнетов и грохот огромных швейцарских барабанов”. На низких зубчатых стенах замка Святого Ангела стоял папа римский в окружении епископов, архиепископов и кардиналов. Прославленный герцог Романьи и множество других знатных римлян были с ним, и когда армия проходила мимо, Святой Отец дал ей апостольское благословение; затем войска прошли через городские ворота и двинулись в направлении Неаполитанского королевства, двигаясь быстро и в идеальном порядке”.

Цезарь оставался в Риме до 9 июля 1501 года, когда уехал в Неаполь, но Бурхард добавляет, что, по его мнению, он снова вернулся в город в тот же вечер.

На тайной консистории 25 июня Фредерик Арагонский был объявлен лишенным Неаполитанского королевства и облеченным им королем Франции. 29-я лига между папой римским и Людовиком XII. был торжественно провозглашен в соборе Святого Петра, пропели “*Богиня*”, и его Святейшество повторил молитву Господню и дал свое благословение.

По пути в Неаполь французы разрушили Марино и Кави, в то время как Сан-Джермано открыл свои ворота захватчикам. Фабрицио и Просперо Колонна, которые уступили свои владения папе римскому, были единственными союзниками Фредерика, но на службе у него был знаменитый кондотьер Ринуччо да Марчиано, который вместе с Фабрицио Колонна командовал войсками в

Капуе. При приближении французов Фредерик быстро отступил в Неаполь, где его преследовал Д'Обиньи, в то время как Валентино и Сансеверино энергично осадили Капую. Осада длилась восемь дней, по истечении которых Фабрицио Колонна, видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, попытался организовать встречу для согласования условий капитуляции, но тем временем предатель открыл ворота, и французская армия ворвалась в город.

После того, как стена была разрушена и пролом был проделан достаточно большим, чтобы позволить штурм, королевские лейтенанты приказали трубам и кларнету трубить в атаку, а барабанам бить в воодушевление армии; латникам дали столько вина, сколько они пожелают, - для придания им храбрости, - чтобы доблесть Франции могла смирить гордость Италии, — и мессир Бери Стюарт, генерал—лейтенант короля, обратился к солдатам; по окончании его речи французы воспрянули духом и решили стойко стоять посреди ужасных приключений войны — и там, независимо от того, жили они или умерли, отстаивали справедливость в ссоре своего Короля. И нападение было дано около одиннадцати часов утром 25 июля и было начато пехота, и рукопашный бой завязался, и воздух был наполнен копья и стрелы и сверкали мечи, и дальше был огонь и дым из артиллерии—по улицам города пиками и алебардами столкнулись—грубость была атака, но так отважно встретила, что менее чем за полтора часа более двухсот французов и немцев погибли при взрыве—и мужчины, Дон Фредерик—истины, которые они получили свою долю ударов, и многие были убиты—и десант не имел покоя и дело бы пошло плохо с французским, если их войска не пришли им на помощь—и пролитие человеческой крови каждого человека волнует,—и неаполитанцы, и колонна поддерживала их ссориться в поте лица и крови из их тел,—но французы продолжали атаковать так яростно, что противник не знал, как спасти себя, кроме бегством—поэтому они откатились и французы одержали нарушение—и они несли в город, штурмовой и вступил—и реки крови были пролиты и мужчин бесчисленных убитых—солдаты уничтожали всех, кого только нашли Вооруженных на улицах, или прячутся в домики—уступая никому, в каком бы состоянии—так что по улицам большим потоком бежала кровь. Я не буду описывать стоны и вопли отчаявшихся женщин, которые видели, как убивали их мужей, или плач детей над их зарезанными отцами, или горе стариков, которые видели, как их дома были ограблены, а их город разрушен — но я скажу, что помимо бойни мужчин, многие девушки и женщины подверглись насилию и принуждению, что является кульминацией ужасов войны. Пехотинцам герцога Валентино удалось захватить тридцать самых красивых женщин города, которых пленницами увезли в Рим”.

Хронист Жан д'Отон добавляет, что, спасаясь от бесчестья, многие женщины покончили жизнь самоубийством; что многие солдаты разбогатели награбленным, что с тех пор заставляло их еще больше рваться на войну. Погибло от семи до восьми тысяч человек. Те из мужчин, которые остались, вместе с женщинами и священниками бежали и прятались на колокольнях и башнях церквей, в пещерах и среди скал, но на следующий день за ними охотились и требовали выкуп.

Фабрицио Колонна был схвачен, и его враг, Джанджордано Орсини, щедро предоставил за него выкуп. Ринуччо да Марчиано, раненный в бою, был взят в плен людьми Валентино и умер два дня спустя — Гвиччардини утверждает, что от яда. Джовио говорит, что раны Марчиано были отравлены Вителлоццо в отместку за смерть его брата Паоло, который был осужден фракцией Ринуччо во Флоренции.

FREDERIC II. ИЗ НЕАПОЛЯ.

С рисунка Будана из Национальной библиотеки

Лицом к лицу, стр. 184.

26 июля до папы дошла весть о взятии Капуи Цезарем, согласно *ducem Valentinum*, говорит Бурхард; но важность роли Цезаря в этом, по-видимому, была преувеличена, хотя он был одним из подписавших соглашение между королем Франции и королем Неаполя Фредериком, по

которому последний должен был удалиться на Искью на шесть месяцев, и если он получит помощь в течение этого времени, ему должно быть разрешено денонсировать перемирие и попытаться вернуть себе трон. Ему было разрешено вывезти все свое имущество, за исключением артиллерии и провизии. В случае, если он не сможет заручиться помощью в течение шести месяцев, он согласился покинуть Искью и Салерно, и ему было позволено отправиться туда, куда он пожелает. Примерно через месяц он увидел, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и отплыл во Францию, где был принят Людовиком XII, который подарил ему герцогство Анжуйское и пенсию, соответствующую его рангу. Несчастный король Неаполя умер в изгнании 9 сентября 1504 года. Когда он покидал свое королевство, его сопровождал Санназаро, знаменитый поэт, который был одним из злейших врагов Борджиа и чьи эпиграммы, возможно, больше, чем что-либо другое, увековечили память об их позоре.

Перед возвращением Цезаря в Рим король Франции отправил Эдуарта Буйона в Неаполь, чтобы поблагодарить его за услуги. Инструкции посланнику датированы 8 августа 1501 года. Он должен сказать Валентино, что король был проинформирован о его великих и добрых заслугах при завоевании Неаполя, за которые он благодарит его от всего сердца, и что король также признает доброжелательность герцога к нему, которую он намерен вознаградить, помогая ему в его собственных делах и обращаясь с ним как со своим хорошим другом и родственником.

Король далее просит Валентино вывести все свои войска, за исключением его собственной роты, из Регно и держать их в готовности и хорошем порядке для использования в случае необходимости. Он объясняет, что это необходимо из-за большого скопления людей в Неаполе и трудности обеспечения столь многих. Он также приказывает ему не допускать, чтобы его люди грабили.²⁴

Помощники Цезаря на севере, с которыми он поддерживал связь, пока находился в Неаполе, в некоторой степени продвинули его проекты: Вителлоццо Вителли и Паоло Орсини 3 сентября овладели Пьомбино.

Валентино вернулся в Рим со своими людьми 15 сентября 1501 года.

Бурхард описывает оргию, которая состоялась в апартаментах Цезаря в апостольском дворце вскоре после его возвращения, на которую были приглашены пятьдесят блудниц. После ужина они танцевали обнаженными и участвовали в различных представлениях под наблюдением папы римского, Цезаря и Лукреции. Матараццо также рассказывает о вакханалии, но с небольшими изменениями. Описание этого также включено в письмо Сильвио Савелли, и это повторяет Санудо в своем дневнике.

20 августа папа наложил запрет на Колонна и Савелли и конфисковал их имущество, а вскоре после этого буллой от 17 сентября он разделил их владения и поместья Гаэтани, Савелли, Эстутевилля и баронов Пояно и Мадженца между двумя младенцами Борджиа. Родриго, двухлетний сын Лукреции и убитого Альфонсо, получил Сермонету, Нинфу, Норму, Альбано, Неттуно и Ардеа; в то время как Джованни получил Непи, Палестрину, Палиано, Ригано и другие города. Папа возвел Непи, Сермонету и Палестрину в герцогства, в то время как он даровал Субьяко с его восемнадцатью замками семье Борджиа в бессрочное пользование; буллу подписали все кардиналы, находившиеся тогда в Риме, числом девятнадцать, среди которых были Караффа, Сансеверино, Чезарини, Фарнезе, Палавичини и Медичи, и ни один из них не выступил против этого своевольного ограбления гибеллинских владык Лациума папой в

интересах его собственной семьи - и с помощью фонды и офисы Церкви. Почти все наследие Святого Петра теперь находилось в руках Борджиа, поскольку Чезаре контролировал всю Романью.²⁵

В одной булле папа описывает Джованни Борджиа как сына Цезаря, но во второй он называет его своим собственным “сыном от определенной женщины” — этой женщиной была Джулия Белла. Было бы трудно поверить в возможность такой наглости, если бы не существовало булл, обе из которых датированы 1 сентября 1501 года, подтверждающих это.

Переговоры о браке Лукреции Борджиа и Альфонсо д'Эсте велись уже некоторое время. Стало известно, что он ищет жену, и его Святейшество сразу же понял, какие преимущества даст союз с могущественным домом Феррары. Феррара должна была послужить оплотом против венецианцев, которые, как знал папа, имели виды на Романью. Герцог Феррарский не очень благосклонно относился к браку с Борджиа, и когда Александр предложил заключить союз между его дочерью Лукрецией и сыном герцога Альфонсо, Эрколе холодно воспринял это предложение. Более того, Людовик XII. частично пообещал найти ему французскую принцессу в жены для его сына. Однако Людовик, стремясь угодить папе больше, чем любому другому итальянскому монарху, приказал кардиналу Руанскому сообщить Эрколе, что тот не может рассчитывать на него ни в чем. Лукреция дважды теряла своего мужа при трагических обстоятельствах, и сам Альфонсо не испытывал особой склонности к этому браку, в то время как его сестра Изабелла д'Эсте, жена маркиза Мантуанского, была категорически против союза, к которому было приковано сердце папы. Альфонсо и его отец, однако, не посмели оскорбить папу и цезаря, поэтому они решили заключить как можно более выгодную сделку. Переговоры тянулись почти бесконечно. Сначала Эрколе просто потребовал большое приданое; затем он настоял на освобождении четырех пятых ежегодной дани, причитающейся Церкви, и вдобавок потребовал епископства Феррары для своего сына, кардинала д'Эсте. Приданое должно было составить 200 000 золотых дукатов, обеспеченных залогами на феодалов в Романье, и в конце концов соглашение было достигнуто. На тайной консистории 7 сентября все присутствующие кардиналы согласились на отмену церковной дани с целью продвижения семейных интересов и политических амбиций Александра и Чезаре Борджиа.

ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖИА.

По Тициану.

Лицом к лицу, стр. 183.

Валентино вернулся в Рим примерно в середине сентября, а 23-го он принял посланцев герцога Феррарского, которые нашли его лежащим на кровати, но одетым. 6 октября у них снова была возможность посоветоваться с ним, и они принесли список тех, кто должен был прибыть в Рим, чтобы сопроводить невесту в Феррару. Валентино был особенно любезен; ораторы подробно рассказали о своей беседе, потому что, как они объяснили, это была услуга, обычно оказываемая только кардиналам. Похоже, было трудно добиться аудиенции у Цезаре; когда два дня спустя ораторы Феррарезе снова попытались встретиться с ним, им было отказано; они пожаловались папе, который, казалось, был очень раздосадован, и сказал: “Цезаре превращает ночь в день, а день в ночь; послы Римини находятся в Риме уже более двух месяцев, но так и не добились аудиенции”. Они также сообщили, что Александр был очень недоволен поведением Цезаря и что он заметил, что не уверен, что его Превосходительство сможет удержать завоеванную территорию.

Приготовления к свадьбе были прерваны на несколько дней из-за отсутствия папы и Цезаре, которые в сопровождении нескольких кардиналов и их свиты отправились в Чивита Кастеллана и Непи, чтобы осмотреть изменения, произведенные в цитадели последнего места, и крепость, которую строил в бывшем городе Антонио ди Сангалло.

По словам Бурхарда, на время их отсутствия Лукреция была оставлена регентом в Ватикане, точно так же, как и в прошлый раз, с полномочиями вскрывать письма и вести церковные дела.

Эскорт, который должен был прибыть, чтобы проводить Лукрецию в Феррару, несколько раз задерживался, и они все еще искали его в конце октября; наконец, Эрколе объявил, что из-за неблагоприятного сезона он решил отложить это дело; истинной причиной, однако, был тот факт, что император Максимилиан дал ему понять, что союз с Борджиа, которому он себя посвятил, ему крайне неприятен.

Именно в это время в Риме было получено замечательное “Письмо Сильвио Савелли”; это была небольшая книжка, напечатанная в Германии. Его автор неизвестен, но предполагается, что его написал некий Колонна. Савелли был лишен своего имущества Александром и был изгнанником, живущим при дворе Максимилиана. Грегоровиус отмечает: “Это подлинный документ, раскрывающий состояние Рима при Борджиа; ни одно другое сочинение так хорошо не демонстрирует беззакония этих людей, их коррумпированную политику, как в больших, так и в малых делах, и террор, правивший городом, который был полон их шпионов и головорезов”.

Всеобщее презрение, которому они подвергались, также хорошо отражено в эпиграммах того времени, одна из самых известных из которых следующая:—

“Vendit Alex. claves, altaria, christum,
Emerat ille prius, vendere jure potest.
De vitio in vitium, de flamma crescit in ignem,
Roma sub Hispano deperit Imperio.
Sextus Tarquinius, Sextus Nero, Sextus et Iste.
Semper sub Sextis perdita Roma fuit.”

Александр VI. прочитал письмо Сильвио Савелли, и ему понравилось, поскольку он привык к этим сатирам, но Бурхард замечает, что Цезарь отнесся к ним более серьезно, и приводит случай с ритором Джеронимо Манчини из Неаполя, который, плохо отозвавшись о герцоге, был

схвачен и лишился кончика языка и руки, которые в течение двух дней были выставлены у окна в Курии Святого Креста. Некоторые приписывают авторство знаменитого письма Манчини. 28 января 1502 года венецианец, который, как говорили, отправил в Венецию то, что он написал против папы Римского, был схвачен, и когда его посол отправился заступаться за него в ту ночь, ему сообщили, что несчастный негодяй уже казнен. Костабили, посол Феррарезе, когда он говорил папе о мстительности герцога, его Святейшество сказал: “Герцог хороший, но он не выносит оскорблений; и, - добавил он, - однажды, когда я сказал ему, что он должен последовать моему примеру и позволить им писать все сатиры, какие они пожелают, он рассердился и воскликнул, что научит этих писак хорошим манерам”.

Тем временем Эрколе д'Эсте, не имея оправданий для дальнейшей задержки, отправил эскорт — 7 декабря — в Рим, куда он прибыл 23-го. В кортеже находились кардинал Ипполито и Фернандо д'Эсте, братья жениха, со своей свитой, насчитывающей более пятисот человек. Валентино в сопровождении французского посла монсеньора де Транс отправился встречать принцев. Он нежно обнял кардинала и, возвращаясь в город, ехал слева от Ипполито. У ворот их встретили девятнадцать других кардиналов и их “семьи”. Они были приняты папой римским и его двором в Ватикане, после чего Цезарь проводил принцев в апартаменты своей сестры. Свадебные подарки были великолепны — меньше всего досталось от Флоренции, подаренной тканью из золота и серебра стоимостью в 3000 дукатов. Обручение состоялось 28 декабря, а церковная церемония - 30-го.

Берчард описывает свадьбу со множеством деталей, которые сделали бы честь репортеру из современной светской хроники; платья, драгоценности, подарки, гости, невеста, жених — все на месте; игры для развлечения — все описано.

Был сделан еще один ход в большой политической игре; приходящий в упадок Неаполитанский дом был устранен как фактор в планах Борджиа убийством Альфонсо Арагонского и поддержкой великого Дома Эсте, обеспеченной браком сына Эрколе, будущего герцога Феррарского, с Лукрецией, которая, по-видимому, была пассивным орудием в руках Цезаря и папы в их махинациях. Окончательная историческая оценка ее состояния состоит в том, что она была не вирагой, злобным исчадием ада, какой ее изображают, а бесцветной, бесхарактерной личностью, полностью лишенной воли и полностью находившейся под контролем цезаря и папы римского. У нее не было ни одного из качеств Катерины Сфорца. Она покинула Рим, чтобы отправиться к своему будущему мужу, которого представляло доверенное лицо, и так и не вернулась. Судя по всему, из нее получилась превосходная жена и мать.

Цезарь оставался в Риме до 17 февраля 1502 года, когда он и папа в сопровождении нескольких кардиналов отправились в Пьомбино, куда они прибыли 21-го. 25-го числа они отплыли на Эльбу, чтобы осмотреть две крепости, которые Цезарь велел своим инженерам построить на острове. Когда они возвращались, 1 марта, разразился сильный шторм, из-за которого они не могли покинуть суда в течение пяти дней, и Бурхард отмечает, что папа и кардиналы, находившиеся на корабле капитана, были так напуганы, что заболели. Вернуться в Рим им удалось только 11 марта.

Крепости на острове Эльба, вероятно, были построены Леонардо да Винчи, который покинул Чезену осенью 1501 года, чтобы отправиться в Рим для переговоров с Цезарем, а не Антонио ди Сангалло, который был занят работами в окрестностях Чивита Кастеллана в первые месяцы 1502 года.

В октябре Чезаре объявил о своем намерении напасть на Камерино, но по разным причинам был вынужден отложить это предприятие. У нас мало подробностей о Валентино за те месяцы, которые он провел в Риме, но хронисты оставили подробные записи об административных мерах его помощников в Романье. Мелким штатам было позволено сохранить свои собственные законы и обычаи и, насколько это было возможно, свои собственные особые правительственные системы; но все чиновники были ответственны перед губернатором Романьи доном Ремиро де Лоркой, властным солдафоном, которого все боялись и ненавидели.

ГЛАВА VIII

Третья кампания в Романье—Цезарь отправляется в Сполето—Герцог Урбино бежит во Флоренцию—Валентино овладевает Урбино—Флоренция отправляет к нему послов—Первое впечатление Макиавелли о Цезаре—Король Франции предупреждает Валентино не приставать к Флоренции—Цезарь грабит дворец Урбино—"Амур" Микеланджело—Камерино сдается приспешникам Валентино—Людовик XII. принимает Чезаре и Альфонсо д'Эсте в Милане—Король и Валентино заключают соглашение—Чезаре отправляется в Имолу—Дела в Болонье—Валентино готовится напасть на Джованни Бентивольо из Болоньи.

Чезаре был вынужден дожидаться завершения неаполитанской кампании, прежде чем возобновить свои собственные проекты в Романье, где все еще оставалось несколько независимых лордов — эти немногие знали, что их время скоро придет; среди них были Варано Камеринский и герцог Урбинский Гвидобальдо ди Монтефельтре, которого очень любил его народ.

Чтобы завершить завоевание Романьи, Чезаре решил закрепить за собой Камерино, Урбино и Синигалью. Первые месяцы 1502 года были заняты поездками в Пьомбино, на Эльбу и в города, принадлежащие Колонне, и он был вынужден оставаться в Риме до окончания пасхальных торжеств; поэтому он не мог приступить к осуществлению своих проектов до июня.

Незадолго до его отъезда тело молодого сеньора Фаэнцы, который так героически защищал свои владения, было найдено в Тибре "задушенным и мертвым".

После сдачи Чезаре жизнь Асторре была сохранена, и ему позволили уехать со своими личными вещами, и, как мы видели, поверив слову Валентино, он отправился в Рим, где его почти сразу же бросили в тюрьму.

Его держали в замке Святого Анджело почти год, и под датой 9 июня 1502 года в дневнике Бурхарда есть следующая запись:—

“В этот день из Тибра был извлечен задушенный и мертвый сеньор Фаэнцы — молодой человек лет восемнадцати, такой светловолосый и статный, что среди тысячи едва ли можно было найти равного ему. К его шее был привязан большой камень.

В тот же день река выбросила на берег тела еще нескольких человек, среди них двух молодых людей, одному пятнадцати, другому двадцати пяти лет, оба связанные, а также женщину.

Веттори утверждает, что Манфреди погиб от рук Бьянкино ди Пизы по приказу Цезаря, который в то время находился в Риме. Манфреди находился во власти и владении Борджиа на момент своей смерти; следовательно, тот, кто на самом деле совершил убийство, Александр VI. и ответственность за это нес Цезарь Борджиа.

Убийство сеньора Фаэнцы потрясло всю Италию и укрепило подозрения в том, что Валентино стал причиной убийства своего брата, герцога Гандии, а также своего шурина Альфонсо, принца Бишелье.

Мотивы Цезаря совершенно ясны: он был полон решимости править Романьей. Манфреди был притягательным, храбрым и искусным в военном деле. Его подданные доблестно сражались, чтобы спасти его, и были убиты горем после его ухода. Из всех мелких государей Италии он был почти единственным, кто пользовался любовью своего народа, который оставался верен ему и с нетерпением ждал его возвращения. Кроме того, его могущественным родственникам, Эсте из Феррары и Бентивольо из Болоньи, в любой день может прийти в голову вернуть его к власти. Если бы Манфреди умер, продвижение Цезаря было бы легче и увереннее. Несмотря на умелое руководство Валентино правительством Фаэнцы, ему совершенно не удалось заручиться благосклонностью народа. Фаэнца была наименее уверенной из завоеванных им территорий. Прежде чем атаковать Камерино и Урбино, по словам Цезаря, было разумно исключить Асторре из отчаянной игры, которую вели виртуозы возрождающейся Италии.

Это преднамеренное планирование уничтожения принца или царствующей семьи с единственной целью завладеть их собственностью или властью кажется особенно чудовищным.

Цезарь Борджиа с помощью своего отца Александра VI создавал великую державу в центральной Италии для себя и своей семьи, главой которой он явно считал себя. Политика, партии и династии, хотя и кажутся жизненно важными для народа, на самом деле сейчас не имеют большого значения, и народ восстает только тогда, когда своевольное применение власти приводит к угнетению. На Дальнем Востоке люди совершенно безразличны к смене правителей, следовательно, завоевания в Азии столь же легки, сколь и бесплодны; люди придерживаются ровного направления своего пути, независимо от того, кто их хозяева, за исключением того, что касается их экономического положения — и народ Италии эпохи Возрождения походил на них именно в этом. Мы видели, с какой готовностью города Романьи открывали свои ворота Цезаре Борджиа, и то же явление было отмечено в других частях полуострова. В Неаполе не имело значения, победила ли Франция или Испания. В Милане люди были одинаково равнодушны и к Людовико Моро, и к Людовику XII, а во Флоренции народ изгнал их только после того, как жадность Медичи перешла все границы. С развитием цивилизации партийные линии исчезают; одна партия узурпирует принципы другой и модифицирует их настолько, чтобы они казались соответствующими или идентичными ее собственным доктринам; и точно пропорционально исчезновению партийных линий все более отчетливо проступает единственное устойчивое отношение, существовавшее во все времена, отношение эксплуататора и эксплуатируемых — в конечном счете, вся организация цивилизованного общества сводится к гедонистическому постулату.

Чезаре собрал армию в окрестностях Сполето и отправился туда 12 июня 1502 года. Его силы насчитывали около 10 000 человек — 6000 пехотинцев и 700 латников; кроме того, у него было около 2000 человек, удобно размещенных в Романье. Крупные подразделения войск также находились в резерве около Синигальи, Урбино и Верруччо. Валентино издал приказ, требующий от каждой семьи в Романье предоставить по одному воину. Прибегнув к хитрости, затем он объявил, что намерен атаковать Камерино, и отправился к герцогу Урбино и попросил его артиллерию для своего лейтенанта Вителли; он также попросил его прислать припасы в Губбио, заверив при этом Монтефельтре, что “среди всех принцев Италии нет никого более дорогого мне, чем ты”. Пока он продвигался через Ночеру и Костасиаро, он отправил 2000 человек для захвата Кальи, в которую они вошли 20 июня без сопротивления. Представителю герцога Урбино ничего не оставалось, как предупредить своего господина о наступлении Валентино, “который завтра появится как враг у ворот Урбино”.

Герцог Урбино был настолько уверен, что у Чезаре нет никаких замыслов на его владения, что отправился ненадолго на одну из своих загородных вилл и все еще находился там, когда его представитель в Фоссомброне сообщил ему о продвижении крупных сил со стороны Изола-ди-Фано. Монтефельтр, узнав, что дороги, ведущие к крепости Сан-Лео, которая считалась неприступной, уже находятся во владении Чезаре, решил бежать во Флоренцию. С собой у него было всего несколько слуг и солдат, которых он вскоре уволил и, переодевшись крестьянином, бежал в Мантую, куда прибыл примерно в конце месяца.

Всего через четыре часа после бегства Монтефельтре, который совершенно не мог рассчитывать ни на какую поддержку со стороны своего народа, Чезаре въехал в Урбино, и все местные чиновники немедленно отправились к нему, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

УРБИНО.

С ранней гравюры.

Лицом к лицу, стр. 198.

Как только Валентино обосновался в прекрасном дворце Урбино, он отправил Педро де Овьедо во Флоренцию потребовать встречи с герцогом Урбино, который, как он имел основания полагать, находился в пределах ее границ, и спросить, каковы ее намерения относительно него. На это синьория ответила отправкой посольства в составе епископа Франческо Содерини и секретаря, проницательного Макиавелли, который, однако, после двух бесед с Валентино вернулся, чтобы доложить синьории.

Послы при первой встрече с Цезарем утратили все иллюзии, которые у них могли быть относительно его намерений относительно Флоренции. Валентино жаловался, что флорентийцы проявили по отношению к нему недоверие; но, несмотря на это, он желал заключить союз с Республикой, и именно для этого он просил прислать к нему полномочных представителей; и чтобы убедиться, что не будет нарушения веры, он потребовал смены правительства города и установления нового, на слово которого он мог положиться, “в противном случае, - заметил он двум посланникам, - вы очень скоро поймете, что я не смогу долго терпеть нынешнее положение дел, и если вы не хотите иметь меня для управления городом”. Другом ты будешь считать меня, а врагом - меня”. Послы попытались извинить Республику за нарушение доверия и заверили герцога, что она желает только его дружбы. Что касается смены правительства, они ответили, что в городе лучшее правительство, какое только можно найти; но Цезарь настаивал, и, сожалея, что это было не то, для чего, как они предполагали, они были призваны, и это было не то, чего ожидал город, они удалились. В одной из своих депеш посланники заявили, что Цезарь был *molto solitario e segreto*— очень уединенным и скрытным. Валентино сообщил им, что у него нет желания захватывать чью—либо собственность - что его целью было не сделать себя тираном, а, наоборот, изгнать тиранов.

Макиавелли упомянул о судьбе герцога Урбино, “о смерти которого было объявлено одновременно с болезнью”, на что Цезаре ответил, “что судьба Урбино показала быстроту, с которой он достиг своей цели”.

Цезарь буквально ослепил и обезоружил послов своим напором, хитростью и бесстыдством, и Макиавелли писал: “Этот правитель великолепен, и в военном деле его отвага такова, что величайшие предприятия не представляют для него трудностей; когда он отправляется приобретать славу и расширять свои владения, он не знает ни отдыха, ни усталости, ни опасности; о его прибытии в какое—либо место узнают не раньше, чем он уйдет; он знает, как завоевать любовь своих людей, и у него лучшие войска во всей Италии - и это обстоятельство, наряду с необычайной удачей”. , делает его завоевателем и грозным противником”. В одной из своих депеш Содерини говорит: “Трудно ответить ему, так многочисленны его аргументы, а его речь и остроумие так живы”.

Переговоры, однако, затянулись, и Макиавелли вернулся во Флоренцию, в то время как его коллега остался, чтобы отвлечь внимание Цезаря, чтобы у Республики было время обратиться к Франции. 6 июля прибыл гонец от Людовика XII, который приказал Цезаре не посягать на Флоренцию; его величество также заявил, что будет рассматривать любой акт насилия против Республики как оскорбление для себя. Действия короля были предприняты по просьбе

синьории, которая таким образом хотела показать Валентино, что они пользуются благосклонностью Франции. Тем временем неконтролируемые военачальники Цезаря продолжали свою агрессию, захватив Ангьяри и Борго-Сан-Сеполькро. 9 июля оратор в Урбино сообщил герцогу, что его правительство заключит с ним союз, но потребовал, чтобы он приказал Вителлоццо Вителли уйти с территории Флоренции. На это Цезарь не соглашался до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение, но, чтобы показать свою добрую волю, он предложил приостановить военные действия. Однако флорентийцы, получив информацию о том, что король Франции с 20 000 человек находится на пути в Италию, медлили. Они ответили, что, хотя и были бы рады доставить ему удовольствие, сначала им нужно посоветоваться с его Величеством. Содерини было приказано как можно дольше затягивать переговоры, чтобы дать французским уланам время добраться до поля боя. После продолжительного фехтования посланник простился с Валентино 19 июля.

Похоже, что Чезаре уже добавил к своим многочисленным титулам титул герцога Урбино - "слабого государства", которое он считал незначительным и в прекрасном дворце которого он нашел множество произведений искусства, которые по его приказу перевезли в Чезену, причем не менее ценным из сокровищ была знаменитая библиотека. Среди статуй был "Купидон" Микеланджело, который сам Цезарь несколькими годами ранее, когда еще был кардиналом, подарил Гвидобальдо ди Монтефельтре. Изабелла д'Эсте после занятия Урбино Чезаре выразила желание приобрести это произведение искусства и некую "Венеру", и герцог прислал их ей, хотя, когда она попросила своего брата Ипполито раздобыть их для нее, она объяснила, что "не желает иметь ничего общего с герцогом Романьи". Изабелла предполагала, что "Купидон" антикварный, но Цезарь сообщил ей, что это работа Микеланджело. В письме своему мужу Изабелла сказала: "Я не буду описывать красоту "Венеры", поскольку, я думаю, вы ее видели, но "Купидону" нет равных среди современных произведений".

Не успел Содерини уехать, как Чезаре, переодетый и в сопровождении всего четырех слуг, тоже покинул город, намереваясь тайно отправиться к королю Франции в Милан. Как раз в тот момент, когда он собирался сесть на коня, прибыли посланцы, чтобы поздравить его с падением Камерино, который сдался его лейтенантам 19 июля.

Семья Варано была правителями Камерино, и их глава Джулио Чезаре, мужчина семидесяти лет, бывший кондотьером на жалованье Венеции, был одним из тиранов, которых Валентино выбрал для уничтожения. Папа Александр на том основании, что варано пренебрегли уплатой дани, причитающейся Церкви, во время первых успехов Цезаря объявил их Состояния конфискованными. В начале июня Валентино отправил двух своих капитанов, герцога Гравины и Оливеротто да Фермо, из Рима, чтобы завладеть Камерино. Джулио Чезаре Варано отправил двух своих младших сыновей в Венецию за помощью, а двух старших оставил при себе в Камерино. Там они оказали некоторое сопротивление, но их отношения со своими подданными были похожи на отношения большинства итальянских тиранов со своим народом, следовательно, они нашли лишь вялую поддержку; была даже одна фракция, состоящая из их самых решительных противников, которые стремились открыть ворота лейтенантам Валентино. Джулио Чезаре Варано и двое его сыновей были доставлены в Урбино и брошены в тюрьму. Колонне, которые помогали в защите Камерино, удалось совершить побег. 20 июля Цезарь сообщил своей сестре Лукреции о захвате Камерино в следующем письме: —

“Прославленная и превосходнейшая Леди и наша дорогая сестра. Зная, что при вашей нынешней болезни никакое лекарство не может быть более эффективным и полезнее, чем сообщение хороших новостей, мы сообщаем вам, что только что получили достоверное сообщение о том, что Камерино был принят. Мы просим вас почтить это послание немедленным улучшением вашего здоровья и сообщить нам об этом; ибо, как бы мы ни были огорчены, зная, что вы так больны, ничто, даже это счастливое событие, не может доставить нам никакого удовольствия. Мы умоляем вас сообщить эту настоящую новость прославленному сеньору дону Альфонсо, вашему мужу и нашему нежно любимому шурина, которому я не могу написать сегодня. Урбино, XX июля MDII.

“Цезарь
“Агапито”.

Валентино всегда поддерживал дружеские отношения с Эрколе и Альфонсо д'Эсте, которые никогда не забывали поздравить его с успехами.

Чезаре, очевидно, беспокоился о здоровье своей сестры, поскольку послал известного врача из Чезены Никколо Марсини проконсультироваться со своим собственным врачом Гаспаре Торрелла, который ранее был направлен в Феррару. Несколько дней спустя Чезаре, переодетый и с небольшой свитой, отправился навестить свою сестру; он пробыл с ней всего два часа, а затем в сопровождении своего шурина Альфонсо отправился в Милан на встречу с королем Франции.

Людовик был проинформирован об их приезде, но держал это в секрете от многочисленных свергнутых принцев, которые поспешили к нему. К удивлению всего двора, в который входили герцог Урбинский, сеньор Пезаро, Варано Камеринский и маркиз Мантуанский, предложивший встать во главе лиги с целью лишения Чезаре его владений, король принял вновь прибывших самым сердечным образом. Придворные предполагали, что Людовик возьмется наказать Валентино за угрозу Флоренции, но вместо этого он принял Чезаре и его шурина с высочайшими почестями. Поэтому свергнутые принцы сразу же догадались, что король и Ватикан находятся в полном согласии. Людовик нуждался в поддержке папы в своих планах относительно Неаполя, и Цезарь был достаточно проницателен, чтобы понимать, что его величество не станет серьезно вмешиваться в его собственные проекты.

Примерно в это же время появился Людовик XII. и Валентино заключил официальное соглашение относительно Болоньи, по которому его величество обещал предоставить герцогу триста копий, “чтобы помочь ему завоевать Болонью во имя Церкви и подчинить Орсини, Бальони и Вителли”, в то время как Чезаре обещал быть готовым в течение трех лет помогать королю в любых предприятиях, в которых тот сочтет нужным участвовать.

По возвращении из Милана Чезаре немедленно — 10 сентября — отправился в Имолу, чтобы встретиться с кардиналом Борджиа, епископом Эльне, и доном Ремиро де Лоркой, губернатором Романьи. Леонардо да Винчи только что завершил осмотр крепости Романьоля и замков и составил планы их укрепления; он также разработал проекты некоторых боевых машин. Чезаре оставался в Имоле до 16-го числа, совещаясь со своими помощниками. Тем временем Александр отправил посланника в Болонью с требованием, чтобы Джованни Бентивольо подчинился его власти. В этот момент Клод де Сейссель, посол Людовика XII, вернувшийся во Францию, появился в Болонье, чтобы сообщить о пожеланиях своего хозяина,

который всегда считал себя защитником города. Бентивольо были лояльно поддержаны гражданами, которые отказались позволить сыновьям Джованни, вызванным в Ватикан, отправиться в Рим; и политические партии, разделившие Болонью, отложили свои разногласия перед лицом угрожающей опасности.

Болонцы нашли союзников в собственном лагере Цезаря. Орсини, Бальони и Вителлоццо Вителли отделились от него из-за его обращения с Бентивольо и его попыток заставить Вителли уступить Милан Флоренции. Кондотьеры от имени Чезаре заключили дружеский союз с Бентивольо во время последней кампании; поэтому неудивительно, что они отказались нарушить этот договор и в конце концов выступили против него на стороне Болонского дома.

Теперь Чезаре был изолирован, и его единственной поддержкой была небольшая армия Романьи, которой было недостаточно, чтобы позволить ему атаковать Болонью; тем не менее, рассчитывая на французские копы, которые король обещал ему в Милане, он приготовился к штурму города.

ГЛАВА IX

Заговор капитанов Цезаря—Макиавелли и Валентино—Колебания заговорщиков—Они предлагают вернуться к Цезарю—Они снова мужаются—Достигнуто примирение—Цезарь разделяет заговорщиков—Он вступает в союз с Бентивольо—Повстанцы возвращаются к Цезарю—Паоло Орсини от имени Цезаря овладевает Урбино—Казнь дона Ремиро де Лорки—Цезарь отправляется в Синигалью и встречается со своими командирами—Ловушка в Синигалье—Судьбаповстанцев—Цезарь сообщает итальянские принцы о его поступке—Орсини и их сторонники в Риме схвачены—Дворец кардинала Орсини разграблен—Фермо и Перуджа сдаются Валентино—Он казнит Паоло и Франческо Орсини—Кардинал Орсини умирает в тюрьме—Чезаре требует, чтобы сиенцы изгнали Пандольфо Петруччи—Он опустошает страну вокруг Сиены—Деятельность Орсини в окрестностях Рима—Чезаре возвращается в Рим—Он осаждает Кери—Современные мнения папы и Чезаре—Гонсалво де Кордова в Неаполе—Папа и Цезарь поражены чумой—Смерть Александра VI.—Слухи об отравлении—Цезарь выздоравливает—Он вступает во владение имуществом умершего папы.

Приготовления Цезаря к нападению на Милан послужили сигналом к окончательному разрыву с его военачальниками, которые встретились в Тоди, где они сосредоточили свои войска. Здесь они заключили официальное соглашение отказаться подчиняться любым приказам Цезаря, направленным против их союзника Джованни Бентивольо. Первая встреча состоялась примерно в конце сентября, а вторая состоялась чуть позже в Маджоне, недалеко от Перуджи. Присутствовали Эрмес и Аннибале Бентивольо, кардинал Орсини, герцог Гравина, два других члена семьи Орсини, Гвидо Петруччи (который также представлял Пандольфо Петруччи), а также Джентиле и Джампаоло Бальони. Вителлоццо Вителли, который был болен, сам был доставлен на собрание на носилках. На этой встрече заговорщиков было решено не только

отказаться от нападения на Бентивольо, но и предпринять активные действия против Цезаре, их бывшего командующего.

2 октября известие о заговоре достигло Ватикана. На севере Бентивольо наступал на Имолу; на юге Орсини и Вителли готовились атаковать Урбино. Цезарь находился в Имоле, ожидая прибытия французских копеейщиков, и там узнал о восстании своих лейтенантов. Потеря Орсини была особенно серьезной, и он попытался переманить их на свою сторону у заговорщиков. Тем временем он разослал агентов для вербовки новых войск. Как только стало известно о положении дел, солдаты удачи поспешили к нему со всех сторон; среди первых, кто появился, были Гаспаро Сансеверино, Луиджи делла Мирандола, Галеаццо Палавичини, Рафаэль де Пацци, Раньери делла Сассетта и Франческо де Луна. Романьолы поспешили к нему на помощь, и он отдал их под командование своих самых способных лидеров, Диониджи ди Налдо, Марка Антонио ди Фано, Габриэле да Фаэнца, Гвидо ди Вайни и Джованни Сассателли. Своим испанским военачальникам он доверил командование городами и твердынями, от которых зависела безопасность его нового герцогства.

Тем временем папа использовал свое влияние на Джулио Орсини, который теперь был готов покинуть Вителли, в то время как Пандольфо Петруччи, встревоженный приготовлениями Цезаря к сокрушению своих врагов, отправил гонца в Имолу, чтобы заверить своего бывшего командира в своей лояльности.

Чтобы заручиться поддержкой Флоренции, Цезаре обратился к республике с просьбой прислать к нему посла для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес, и снова посланником был выбран Макиавелли.

Ни один другой человек не мог так хорошо, как он, прочесть коварный ум Валентино; он продемонстрировал величайшую проницательность, и если кто-то и мог сравниться с сыном Александра VI. флорентийский секретарь был. Не только его друзья Адриани, Содерини, Валори, но даже его оппоненты одобрили этот выбор. Макиавелли с готовностью взялся за свое поручение; он был от природы беспокойным человеком и живо интересовался политической жизнью того времени. Он познакомился с Цезарем за несколько месяцев до этого и считал его итальянским идеалом, олицетворением *virtu*, совокупности качеств, наиболее дорогих сердцу итальянца; поэтому неудивительно, что он с радостью воспользовался возможностью изучить Валентино и помериться с ним умом.

Макиавелли, пообещав своей молодой жене Мариэтте ди Людовико Корсини, на которой он женился всего несколько месяцев назад, что вернется через восемь дней, отправился в Имолу. По дороге он встретил Агапито Герардино, секретаря Цезаре, направлявшегося во Флоренцию просить помощи у синьории. Папа также, предвидя опасность, отправил посланника в Республику. Секретарь Цезаря решил вернуться и сопровождать Макиавелли в Имолу, куда они прибыли 7 октября.

Макиавелли объяснил Валентино, что он пришел заверить его в дружбе Республики и сообщить, что она отказалась присоединиться к его врагам. Валентино сердечно принял посланника и поблагодарил его за заверения в дружбе со стороны его правительства. Они долго обсуждали политическую ситуацию, и Цезаре, казалось, очень хотелось заключить какое-нибудь соглашение с Флоренцией об их взаимной поддержке, но Макиавелли не смог добиться от герцога какого-либо определенного предложения. Борджиа, которому тогда было всего

двадцать шесть, показал себя непревзойденным дипломатом и более чем подходил флорентийскому секретарю.

9 октября Макиавелли имел еще одну встречу с Цезарем, который, чтобы подкрепить свои требования о союзе с Флоренцией, предъявил письмо от короля Франции, в котором была обещана помощь в походе против Болоньи. Валентино, казалось, был в приподнятом настроении. “Видите ли, секретарь, это письмо - ответ на мой запрос о разрешении атаковать Болонью”.

Макиавелли не позволил ввести себя в заблуждение проницательностью и красноречием Цезаря, но он тщательно взвесил причины уверенности герцога в успехе его проектов; он оценил свою действительную военную мощь и количество войск, которые он мог собрать, и обнаружил, что Цезарь был далеко не слаб, но также и то, что его враги были намного могущественнее, чем он их представлял.

Проницательность Валентино произвела большое впечатление на флорентийца, но, тем не менее, он смог разгадать его истинную цель. Цезаре смело заявил, что если он добьется примирения с Орсини, то для него будет невозможно заключить какой-либо договор о дружбе с их врагом Флоренцией, и Макиавелли знал, что это правда, поэтому он написал синьории, что было бы неплохо немедленно заключить с герцогом какое-нибудь соглашение.

Первые впечатления Макиавелли о Цезаре были смутными и неопределенными. Герцог был не более проницателен, чем секретарь, но он обладал большим самообладанием, острее разбирался в мотивах и обладал способностью к лицемерию, которой Макиавелли совершенно не хватало. Помимо всего прочего, Цезарь прекрасно владел собой. Поэтому ему удалось скрыть от секретаря большую часть своих истинных целей.

Флорентийская синьория, однако, придала наибольшее значение отчету Макиавелли о его беседах с Цезарем, и Валори написал ему 11 октября, сказав, что его “рассказ был четким, точным и искренним — и на него можно положиться”.

Среди заговорщиков было решено, что Бентивольо должен атаковать Романью, в то время как Орсини и Вителли должны попытаться захватить Урбино. Некоторые лидеры колебались, и план все еще находился в стадии реализации, когда неожиданное событие придало им нового мужества.

Замок Сан-Лео, оплот Урбино, был захвачен сторонниками Монтефельтре в начале октября, и Цезаре сообщили об этом еще до того, как Макиавелли прибыл в Имолу. Валентино не был встревожен этой новостью, и флорентийский посланник говорит, что он выразил сочувствие тем, кто выбрал столь неблагоприятный момент для нападения на него; он легкомысленно отнесся к потере Государства, которое не собирался удерживать; он мог вернуть его в любой момент, когда сочтет нужным. Он даже показал Макиавелли копии приказов, которые он разослал своим лейтенантам, отступать в пределах их линии обороны.

Эти командиры, Уго Монкада, Микелотто де Корелла, Бартоломео Капраника и Джованни де Кордова, отступили, но разрушили деревни, которые лежали у них на пути, предавая их огню и разграблению. Пергола и Фоссомброне были опустошены, а все их обитатели, мужчины, женщины и дети, преданы мечу. Весть об этих преступлениях достигла Имолы 12 октября, и

Цезарь ликующе воскликнул Макиавелли: “Звезды в этом году, похоже, благоприятствуют мятежникам!”

Один за другим города Урбино восстали, но заговорщики все еще колебались. Паоло Орсини объявил, что вернется к Чезаре, если тот откажется от своего намерения напасть на Болонью и направит свои силы против Флоренции; Вителли, поначалу самый активный из заговорщиков, теперь предложил последовать за Валентино, если тот заверит его в своей безопасности. В том, что вся Италия боялась Цезаря и папы римского, нет никаких сомнений.

Герцог притворился, что верит в искренность своих капитанов, и снова расположил их к себе; он даже отправил их на поддержку гарнизонов в Урбино, которые все еще были ему верны. Вителли продвинулся до Кастель-Дуранте, а Бальони были в Кальи. Орсини находились по соседству с крепостью Сан-Лео, держась в стороне как от Чезаре, так и от Монтефельтре, который укрылся в Венеции, где набрал значительное количество войск. 12 октября в Урбино прибыл курьер с известием, что Монтефельтре продвигается на помощь гарнизону. Это означало, что Венеция помогала заговорщикам, которые, следовательно, снова воспрянули духом и сбросили маску. 15-го Орсини, который, по-видимому, был готов вернуться к Чезаре, напал на войска Уго Монкады и взял его в плен. Микелотто был вынужден бежать в Фоссомброне, и через несколько дней герцог Урбино снова вступил в свою столицу.

Если бы заговорщики со своими объединенными силами напали на Чезаре в этот момент, весьма вероятно, что он потерял бы большую часть своих владений; но каждый, казалось, был озабочен только своими собственными интересами, и много времени было потеряно из-за бездействия в Урбино. Наконец повстанцы начали подозревать друг друга. Джампаоло Бальони, зная, что Фано был самым лояльным городом Цезаря, попросил разрешения войти в него в качестве его лейтенанта. Пандольфо Петруччи из Перуджи всегда колебался, потому что боялся, что Борджиа в конце концов перехитрит заговорщиков; и через несколько дней после возвращения герцога Урбино он отправил гонца с предложением от имени всех заключить новый договор, по которому они снова поступят к нему на службу и вернут утраченную территорию.

Людовик XII, неспособный достичь своей цели в отношении Неаполя без помощи Александра VI, объявил тех, кто выступал против планов Святого Отца относительно Романьи, также его врагами. Король быстро обнаружил роль Венеции в возвращении Монтефельтре в Урбино, поэтому он пригрозил Республике своим гневом в случае, если она окажет какую-либо дальнейшую помощь врагам Валентино; это снова укрепило Чезаре.

Получив от Валентино охранную грамоту, Паоло Орсини прибыл в Имолу 20 октября, и, когда условия примирения были согласованы, ему разрешили уехать невредимым несколько дней спустя. Все должны были быть прощены, и Чезаре согласился защищать имущество каждого из своих помощников, а взамен они должны были защищать его и его территорию, а также территорию папы римского и, по крайней мере теоретически, также всех принцев Дома Борджиа. Относительно Болоньи должно было быть заключено специальное соглашение, и кардинал Орсини, Пандольфо Петруччи и сам Валентино были выбраны для согласования условий.

Макиавелли слышал, как доверенное лицо Цезаря, Агапито из Амелии, смеялся над заговорщиками и называл их мятежниками после подписания договора — “ребенок посмеялся бы над таким договором”. В Риме тоже к этому соглашению отнеслись не очень серьезно.

Между отъездом Паоло Орсини из Имолы и его прибытием в Урбино, где он проинформировал Вителли об условиях соглашения, которое он подписал от имени заговорщиков с Валентино, прошло совсем немного времени. Тем временем Вителлий был очень активен; он помогал герцогу Урбино всеми возможными способами; он нападал на лейтенантов Чезаре и даже казнил нескольких его гражданских чиновников. Оливеротто да Фермо, еще один из заговорщиков, был не менее активен, и Бальони не бездействовал. Романья, однако, осталась верна Чезаре.

Вителли отклонил предложение Чезаре и убедил Бальони также присоединиться к нему в поддержке герцога Урбино. Ситуация, однако, была серьезной. Часто можно было услышать, как Цезарь замечал, что он “ест артишок лист за листом”. Отделив Петруччи и Орсини от банды заговорщиков, он попытался привлечь на свою сторону Бентивольо. Наконец, было достигнуто соглашение с сеньором Болоньи, и договор был подписан в Риме его представителем Франческо Парато и камергером папы Микеле Ромолино. Джованни Бентивольо был брошен заговорщиками на произвол судьбы, и когда он заключал договор с Ватиканом, он действовал исключительно в своих собственных интересах, не считаясь ни с кем другим. Договор, целью которого было обеспечить целостность владений двух сторон, был подписан в Ватикане 23 ноября. Король Франции, герцог Феррарский и синьория Флоренции выступили спонсорами этого союза. Болонья согласилась предоставить Валентино сотню латников и двести легких кавалеристов “для одного или двух предприятий, которые планировал герцог”. Кроме того, Болонья наняла Цезаря в качестве кондотьера с годовым жалованьем в 12 000 дукатов. Окончательно договор был подписан 23 ноября и отправлен цезарю для ратификации.

Джустиниан, венецианский посол, в своем донесении от того же числа сообщает, что он слышал, что кардинал Орсини и болонский посланник вступили в ожесточенную перепалку в присутствии папы римского, причем первый обвинил представителя Бентивольо в попытке заключить соглашение с Цезарем и Ватиканом без оглядки на Орсини.

Вителлоццо Вителли, обнаружив, что его покинули, поспешил принять условия, предложенные ему от имени Цезаря Паоло Орсини, который, привезя соглашение, подписанное всеми заговорщиками, прибыл в Имолу 27 ноября, еще до того, как Валентино официально ратифицировал договор между Болоньей и папой римским. Два дня спустя Орсини отправился в Фано, чтобы принять командование войсками и наступать на Урбино. Его сопровождал Антонио дель Монте, специальный уполномоченный Валентино в городе Урбино, с письмами об амнистии для повстанцев, и ему было поручено вступить во владение герцогством от имени своего хозяина.

Его недавние товарищи поклялись вернуть Урбино, и Гвидобальдо ди Монтефельтре счел себя погибшим. Напрасно некоторые из его верноподданных уговаривали его сопротивляться; в Вальбоне женщины предлагали ему свои драгоценности, чтобы получить средства для обеспечения войск и припасов, но он решил бежать. Прежде чем сделать это, он приказал стереть с лица земли крепости Пергола и Кальи. В начале декабря Паоло Орсини въехал во владения Монтефельтре и, остановившись в нескольких милях от Урбино, послал гонца просить о встрече с Гвидобальдо, который страдал от приступа подагры, и его пришлось нести на

носилках к месту встречи. 7 декабря он простился с теми из своих подданных, кто остался верен ему, и два дня спустя Паоло Орсини въехал в Урбино и вступил в должность губернатора владений Монтефельтре, хотя четыре сильнейших замка на территории - Сан-Лео, Маджоло, Монтекукколо и Сан-Марино - все еще удерживались Вителли, который, несмотря на то, что подписал соглашение с Чезаре, все еще, казалось, колебался относительно своего курса.

10 декабря Валентино отбыл в Форли, а оттуда направился в Чезену, где начал готовиться к поездке в Рим через Анкону.

Было решено начать войну с Синигальей, поскольку кардиналу Джулиано делла Ровере не удалось убедить папу и короля в том, что он не помогал Гвидобальдо ди Монтефельтре в последнем восстании. Кардинал приложил все усилия, чтобы спасти поместья своего племянника, но потерпел неудачу.

За день до отъезда Чезаре из Чезены в Пезаро глазам крестьян предстало ужасное зрелище, когда они ранним утром вошли в город с припасами. На площади был брошен окровавленный обезглавленный труп, одетый в богатый костюм; рядом лежала голова, насаженная на пику, в которой жители столицы Романы сразу узнали своего губернатора дона Ремиро де Лорки. Одним из политических принципов Цезаря было: снисхождение к мелким преступникам, суровость к великим. Против губернатора были выдвинуты многочисленные обвинения в должностных преступлениях — в частности, в продаже ради собственной выгоды зерна, которое Валентино импортировал, — и его судили “во имя справедливости и нашей чести и чести тех, кому он причинил вред, и в качестве благотворного примера для всех государственных чиновников, присутствующих и грядущих”, осудили и казнили.

Макиавелли, видевший тело, выставленное на всеобщее обозрение на площади, замечает: “Неясно, что стало причиной его смерти — если только это не было просто удовольствием принца, который показывает, что он знает, как создавать и низлагать людей в соответствии с их заслугами”. Однако ходили слухи, что дон Ремиро состоял в заговоре с врагами Цезаря.

29 числа того же месяца, находясь в Фано, который остался ему верен, Валентино принял делегацию жителей Анконы, которые приехали заверить его в своей лояльности. С ними был гонец из Вителли, принесший известие о взятии Синигальи после слабого сопротивления примерно в конце декабря 1502 года.

Командиры Цезаря, чтобы доказать свою добрую волю, не только предложили свои услуги для его движения против Синигальи, но некоторые из них лично отправились туда. Там были Паоло Орсини и его сын Фабио, Франческо Орсини, герцог Гравина, и Оливеротто да Фермо, а Вителлоццо Вителли и один из его племянников появились 30-го числа. Отсутствовали только Джампаоли Бальони, который, не доверяя Чезаре, прислал ему сообщение из Перуджи о своей болезни; и Джулио Орсини, который находился в Риме под защитой всемогущего главы дома кардинала Орсини.

Трудно понять, как проницательные люди, живущие в эпоху беспрецедентного двуличия, когда рука каждого человека была направлена против ближнего, когда предательство и убийство считались изящными искусствами, а яд и киньяр - вполне подходящими инструментами в политических махинациях, могли угодить в такую ловушку. Характер Цезаря был известен всем им; он был более чем ровней любому из них в хитрости, интеллекте, проницательности, решительности, и, что еще важнее, у него было еще меньше морального чувства; он часто

показывал, что милосердие, сострадание, жалость не были частью его натуры, а эти люди, предав его, сговорились уничтожить его, разорить, отнять у него поместья, которые он считал своими, намеренно отдали себя в его власть! Было бы неудивительно, если бы один или двое были обмануты, но их было семь или восемь; фактически, был только один, Бальони, который не попал в ловушку.

Единственное объяснение состоит в том, что заговорщики были в полной панике; они обнаружили, что их коалиция постепенно ослабляется Валентино - фактически, он “ел артишок лист за листом”, как он сказал, — и что они обречены; возможно, они думали, что, сдавшись и снова поступив к нему на службу, у них появится хотя бы шанс на прощение; со многими людьми так бы и было, но они не смогли понять, что, возможно, было главной чертой характера Цезаря, его полной неумолимости, которая в сочетании с его необычайной способностью притворяться, делала их обреченными. Он самый опасный из итальянских деспотов. Все члены его собственной семьи, не исключая его отца, папу римского, боялись его. Он обладал всеми характеристиками всех других итальянских кондотьеров, но в более развитой форме. Цезарь сразу понял, что настал час мести — все мятежники были вместе.

Заговорщики сообщили герцогу, что территория сдалась им, но что крепость все еще держится, потому что, как сказал надзиратель, он уступит ее только герцогу лично.

30 декабря Цезарь отправил им сообщение из Фано, что на следующий день он будет в Синигалье с артиллерией, чтобы взять крепость штурмом на случай, если она все же откажется сдаваться.

31 декабря армия покинула Фано с доном Микеле и двумя сотнями копейщиков в авангарде, за ними последовал Цезарь с латниками. Когда они достигли моста через Мису прямо перед Синигальей, дон Микеле остановил легкую кавалерию, чтобы пропустить пехоту и войти в город.

Оливеротто да Фермо остался в городе, но Паоло, Франческо Орсини и Вителлоццо Вителли, которые завладели несколькими соседними замками, вышли навстречу Чезаре, который любезно принял их, пожал им руки на “французский манер” и поцеловалих. Согласно Макиавелли, увидев, что Оливеротто с ними нет, Чезаре сделал Микеле знак пойти и найти его, что тот и сделал, и велел ему пойти с ним к Чезаре.

Валентино въехал в Синигалью верхом, ехал между Вителлоццо Вителли и Франческо Орсини, и по прибытии во дворец все четверо собрались попрощаться с ним, но он попросил их пройти с ним, чтобы посоветоваться — или, возможно, пообедать. Они так и сделали, но не успели миновать порталы, как были схвачены охраной Валентино. Отчеты отличаются некоторыми несущественными деталями, но приведенное выше является общепринятым.

В тот вечер, когда Макиавелли добрался до Синигальи, он обнаружил, что улицы заполнены солдатами и в городе царит суматоха. Уже собираясь войти во дворец, он увидел, как оттуда вышел герцог, вооруженный с головы до ног, верхом на своем коне. Цезарь вызвал к себе посла и сообщил ему об аресте Орсини и Вителли. Флорентийский секретарь был ослеплен этим шедевром вероломства, который он назвал *bellissimo inganno* — “прекраснейший образец обмана”.

Когда весть о захвате достигла войск Вителли и Орсини, они сразу осознали опасность и, сплотившись вокруг Фабио Орсини и племянника Вителли, отступили из города. Не встретив

дальнейшего сопротивления, люди Цезаря захватили это место, грабя, разоряя, насилая, пока он сам не вышел из дворца с охраной и не повесил нескольких бунтовщиков на общественной площади.

Цезарь решил отвезти Орсини в Рим, в то время как Оливеротто и Вителли были приговорены к смертной казни после подвоя судебного разбирательства, герцог, очевидно, желал придать своим действиям видимость справедливости. Был отдан приказ казнить их в ту же ночь. Рассказывают, что молодой и гордый Оливеротто пытался заколоть себя, чтобы избежать позора смерти от рук палача. Что касается Вителли, то “в свой последний час он показал себя недостойным своей прошлой жизни, поскольку просил разрешить ему просить прощения у папы Римского — и Оливеротто повернулся к нему спиной”. В десятом часу ночи они были задушены.

Сразу же после казни Цезарь написал всем своим друзьям среди италийских князей, рассказав им, что он сделал; его офицеры составили заговор с целью уничтожить его, и, хотя он простил их, они встретились в Синигалье специально для того, чтобы снова заключить соглашение о его свержении; узнав об этом, он сам отправился туда со своими войсками и схватил предателей, которые были должным образом судимы. Письмо в Венецию завершается замечанием: “Я уверен, что ваша Серенита будет довольна”. Романьольцам он писал: “Весь мир должен быть доволен, и особенно Италия, видя, что их смертью страна избавлена от опасной заразы”, и он призывает их “поблагодарить Бога за то, что он положил конец бедствиям, которым подверглась страна из-за этих заблудших”, которые, как можно заметить, до недавнего времени были одними из его самых способных командиров.

Многие принцы поздравили Чезаре, а Изабелла д'Эсте прислала ему в подарок несколько масок и в своем письме упомянула о “благоприятном прогрессе, которого вы добиваетесь”.

Ночью 2 января 1503 года папе принесли известие о захвате Синигальи, и на следующее утро он отправил гонца к кардиналу Орсини, чтобы сообщить ему, что желает его присутствия.

По словам церемониймейстера, когда кардинал и его свита добрались до апостольского дворца, их лошадей и мулов увели в папские конюшни, а когда Орсини вошел в Покои Папагалли, он оказался в окружении вооруженных людей и, по словам Бурхарда, испугался.

Протонотарий Орсини, Бернардино д'Альвиано, брат кондотьера Бартоломео, Санта-Кроче, сторонник Орсини, и Ринальдо Орсини, архиепископ Флоренции, были арестованы одновременно. Санта-Кроче, однако, пообещав, что явится, когда потребуется, и получив оковы, был отпущен на свободу, но кардинал Орсини был брошен в тюрьму в замке Святого Анджело, а губернатор Рима завладел его дворцом и личной собственностью.

3 января Святой Отец проинформировал синьорию Флоренции о том, что произошло в Синигалье и в Риме, а на следующий день он сообщил Юстиниану, что командиры Цезаря и Ремиро де Лорка, губернатор Романьи, сговорились уничтожить его, и что именно по этой причине Ремиро был казнен в Чезене.

Несколько дней спустя почти вся Священная коллегия отправилась к папе с просьбой освободить их коллегу кардинала Орсини, но Святой отец настаивал на том, что он был сердцем и душой заговора, и отказался подчиниться их желаниям; он также оправдал действия Чезаре и

показал, что считает ужасную месть, которую он обрушил на своих кондотьеров, блестящим ходом гения.

Джустиниан приводит подробности разграбления дворца кардинала Орсини. “Все, даже соломинку, унесли и доставили в Ватикан. Там было найдено огромное количество серебряных сосудов— стоимость которых оценивается более чем в 10 000 дукатов, самые красивые гобелены и другая домашняя мебель — неизвестно, сколько денег, но, как говорят, их было меньше, чем предполагалось вначале. Мать кардинала выволокли из дома только в том, что было у нее на спине, и с несколькими ее служанками. Кардинала отвезли в С. Анджело и все остальные сочли его мертвым”.

В своей депеше от 5 января 1503 года посол сообщает, что папа Александр провел собрание накануне вечером и объяснил кардиналам, почему он заключил кардинала Орсини в тюрьму, а также сообщил им, что все, что он слышал о предательстве прелата по отношению к нему самому и Чезаре, подтвердилось с момента его заключения; что все это и многое другое тоже было правдой. Кардиналы умоляли о пощаде для своего коллеги, на что его Святейшество ответил, что им будет руководить чувство справедливости во всем, что бы он ни делал по отношению к Орсини; что он проследит, чтобы с ним не поступили несправедливо и обошлись совершенно справедливо; затем он заверил их в своей любви и в том, что ценит их рекомендации, — и его слова укрепили всех в их вере в то, что он намеревался казнить Орсини.

В тот же день сын папы Джуффре и Якопо Санта-Кроче, вероятно, в качестве представителя кардинала для проформы, с достаточным отрядом отправились на гору Ротундо и от имени его Святейшества завладели ею и всем другим имуществом Орсини, включая аббатство Фарфа.

На следующий день после убийства Вителли и Оливеротто Чезаре отправился в Перуджу и Сиену, взяв с собой своих пленников Паоло и Франческо Орсини. Перед тем как покинуть Синигалью, Андреа Дориасдал ему цитадель, получив разрешение Цезаря удалаться, куда пожелает.

По пути Валентино овладел столицей Вителли, Читта-ди-Кастелло, которая была покинута жителями. Затем он отправился в Перуджу, где герцог Урбинский и принц Камеринский, племянник Вителли, нашли убежище под защитой Джампаоло Бальони, который объявил о своем намерении сопротивляться. Однако не успел Чезаре добраться до Гуальдо — 5 января, — как герцог Урбино бежал в Питильяно, а Бальони, бросив жену и детей, которые попали в руки людей Чезаре, сбежал и присоединился к Пандольфо Петруччи в Сиене.

Покинув своих вождей, жители Фермо и Перуджи послали гонцов к Валентино, предлагая ему свою верность, которую он принял, и, назначив Винченцо Кальмето и Агапито Джерардино губернаторами этих мест, он отправился в Сиену. Когда он прибыл в Ассизи — 7 января — его встретили посланцы из Сиены, прибывшие спросить его, какие условия он согласит. Его первым требованием было, чтобы они выдали Пандольфо Петруччи, и, не дожидаясь ответа, он двинулся вперед в направлении Кастель-делла-Пьеве. Находясь там, он обнародовал договор, который он заключил с Джованни Бентивольо, который, чтобы доказать свою искренность, немедленно объявил, что готов направить войска, которые он согласился предоставить. В то же время был подписан брачный контракт сестры епископа Эльне, родственницы папы римского и цезаря, с Костанцо Бентивольо — это также было оговорено в договоре.

18 января Цезарь прибыл в Кастель-делла-Пьеве и там приказал задушить Паоло и Франческо Орсини. Он заявил, что намеревался заключить их в тюрьму в Чивита Кастеллана, но, вероятно, обнаружил, что их присутствие мешает его передвижениям, и пришел к выводу, что нет причин откладывать их смерть, на что он и был решен. Папский церемониймейстер спокойно фиксирует факт: “18 января Франческо Орсини, герцог Гравина, Паоло Орсини и шевалье Орсини²⁶ были убиты и задушены Микелотто и Марко Романо по приказу герцога Валентино”.

Когда папу спросили об этом деле, он холодно ответил, сказав, что ничего не знает об этом, поскольку не получал писем от герцога; и чтобы придать своим словам видимость правды, добавил, что герцог участвовал в сиенской экспедиции без его согласия.

VITELLOZZO VITELLI

С ранней гравюры.

Лицом к лицу, стр. 220.

Кардинал Орсини находился в тюрьме со 2 января. Какое-то время его матери, которой тогда было восемьдесят лет, разрешалось приносить ему еду, но в конце концов это было запрещено. Напрасно она и ее сын предлагали большие суммы за его освобождение; она даже послала папе очень ценную жемчужину, которой он восхищался; он принял ее и снова позволил ей

угощать кардинала; “но считалось, что он уже испил чашу, приготовленную для него папой”. Святой Отец продолжал призывать Орсини не унывать и следить за своим здоровьем, и он сообщил кардиналам в консистории, что дал указание своим врачам наилучшим образом заботиться о заключенном. Однако его возраст, перенесенные им унижения и заключение были выше его сил. Примерно в середине февраля прошел слух, что кардинал заболел лихорадкой, и 22 числа того же месяца он скончался. Немедленно распространился слух, что он умер от яда, и, чтобы опровергнуть этот слух, папа приказал отнести труп в церковь на открытых носилках с непокрытым лицом, а также приказал всем Орсини в Риме присутствовать на похоронах. Юстиниан явно верил, что кардинал был отравлен. В этой связи стоит отметить, что, хотя венецианский посол враждебен Борджиа, он не стал бы намеренно искажать то, что считал фактами, в своих депешах своему собственному правительству; он находился в Риме, чтобы наблюдать за Александром и держать Сенат в курсе каждого события. Если бы он ввел в заблуждение свое правительство, его услуги были бы бесполезны, и он был бы немедленно отозван.

Комментарий Бурхарда следующий: “Сегодня, 22 февраля, кардинал Орсини скончался в замке С. Анджело - и да упокоится его душа с миром. Аминь! Его Святейшество поручил моему коллеге Д. Бернардино Гуттиери позаботиться о похоронах покойного — поэтому я не хотел знать ничего больше, чем было необходимо, я не присутствовал — и я не принимал в этом участия”.

Содерини, флорентийский оратор, в письме от 23 февраля пишет: “Кардинал Орсини был похоронен вчера в двадцать четвертом часу в Сан-Сальваторе, церкви Орсини; по приказу папы тело сопровождали его семья и кардиналы дворца. Он лежал непокрытым на золотой скатерти, облаченный в ризу из красного дамасского шелка, расшитую золотыми цветами. На голове была белая митра”.

Тем временем, вопреки папе и цезарю, жители Сиены остались верны Пандольфо Петруччи, и 27 января 1503 года Валентино прислал сообщение из своего лагеря в Пьенце, что дает им двадцать четыре часа на изгнание их вождя. В тот же день папа направил должностным лицам *Балии* Сиены, содержащее аналогичное требование. Оба документа предоставлены Алвизи. Цезарь откладывает в сторону всякую дипломатию и пишет тоном мастера и уверенности:

“Сегодня, 27 числа месяца, в двадцать третий час мы получили письмо от Сиприано, нашего канцлера, написанное вчера в Сиене, из которого мы узнаем, что вы не выполнили условий, содержащихся в договоре, к которому мы присоединились. Если к указанному дню вы не изгнаете Пандольфо из своего города и владений, мы подадим против вас в суд; мы дадим вам понять, что вы не позволите нам себя обмануть. Мы справедливо прониклись таким презрением к вашему поведению, что не можем найти слов, чтобы выразить это в письме; и мы клянемся Богом, что, когда вы получите это письмо, если вы еще не изгнали без дальнейших промедлений упомянутого Пандольфо, мы будем считать каждого из вас таким же, как Пандольфо, и немедленно приступим к полному уничтожению всех ваших подданных, имущества и владений, а также вашего города и вас самих”.

Затем он ругает их за неблагодарность и напоминает им, что со своими собственными войсками, без их помощи и без каких-либо затрат для Республики он готов избавить их страну от коварного тирана. Он подписывает письмо *Цезарю Борджиа из Франции, романскому принцепсу Валентии*.

Сиенцы отказались подчиниться, и Цезарь приступил к выполнению своей угрозы, послав войска опустошать страну. Города Пьенца, Кьюзи, Кастель-делла-Пьеве и Сан-Квирико были разрушены, а жители преданы мечу; та же участь постигла жителей Витербо, Аквапенденте и Монтефьясконо; стариков и женщин пытали и убивали; фруктовые деревья были вырублены, и все, что могло дать убежище беглецам, было уничтожено. Берчард сообщает, что в Сан-Квирико солдаты Цезаря подвесили за руки двух стариков и девять старух и разожгли костры у них под ногами, чтобы пытками заставить их раскрыть, где они спрятали свои ценности; они, однако, не раскрыли место и умерли в мучениях.

Жители Сиены, напуганные жестокостью войск Цезаря, отправили делегацию в *Балию*, чтобы сказать, что неправильно уничтожать всех ради одного. После этого Петруччи решил уехать и уполномочил Совет проводить лечение от его имени, но оставил за собой право удалиться со всеми своими войсками. Цезарь и папа, зная, что город был хорошо снабжен людьми и военным снаряжением и превосходно расположен для того, чтобы выдержать осаду, решили, что разумно не навязывать слишком суровых условий. Сиенцы были храбры и решительны, и их поддерживал Джампаоло Бальони, способный капитан. Более того, Сиена, пользовавшаяся благосклонностью короля Франции, никогда не входила в состав папских владений. Поэтому на время было прекращено начинание против Сиены.

Цезарь и папа, возможно, подумали, что Орсини в Риме и его окрестностях становятся слишком опасными; они и их последователи поклялись отомстить за убийство своих родственников Паоло и Франческо и тюремное заключение кардинала Джамбаттисты Орсини.

Джулио Орсини собрал значительные силы в Питильяно, Фабио и Органтини удерживали Черветри, в то время как Джованни и ряд сторонников семьи укрепились в Кери. Кроме того, Сильвио Савелли присоединился к силам Орсини в Кампанье, и все они были полны решимости сражаться не на жизнь, а на смерть.

Чезаре поспешил в Рим, и папа убедил его немедленно выступить против Орсини; но сын, не менее решительный, чем отец, оказался еще более проницательным и счел за лучшее повременить, для чего с готовностью нашел предлог. Никколо Орсини, граф Питильяно, был кондотьером на жалованье Венеции, и это было одной из причин, по которой Валентино решил повременить. Когда Александр хотел, чтобы он захватил Браччано, Чезаре возразил на том основании, что его сеньор, Джанджордано Орсини, находился на службе у короля Франции в Неаполе и, как и он сам, был членом ордена Святого Михаила, поэтому он не мог воевать против него и этого Людовика XII. воспользовался случаем, чтобы напомнить ему об этом через специального посыльного. Валентино был слишком проницателен, чтобы навлечь на себя неудовольствие короля на данном этапе, и он пришел к выводу, что было бы разумнее обезопасить и навести порядок в Штатах, которые он уже завоевал, чем пытаться расширить свои владения.

Король Франции, несомненно, испытывал опасения по поводу растущего могущества Цезаря. Пиза, непримиримый враг Флоренции, протеже короля, обратилась за помощью к Валентино, и если Перуджа и Сиена попадут в его руки, в центральной Италии установится грозная власть под руководством энергичного, храброго и отважного солдата — того, кто ни перед чем не остановится и кто уже пользуется большим авторитетом.

Людовик XII. поэтому немедленно приступил к формированию коалиции, в которую вошли Сиена, Лукка, Флоренция и Болонья, чтобы обуздать амбиции Цезаря.

Александр был раздосадован тем, что он считал необоснованным вмешательством короля, и обвинил Цезаря в слабости по отношению к Орсини. Герцог, однако, упорствовал в своей решимости оставить Браччано и Питильяно в покое и осадить Кери.

Древний город Кери был знаменит своей крепостью. Замок считался неприступным; он выдерживал многочисленные осады со времен римской империи вплоть до средневековья. Его защищало большое количество войск с умелыми командирами, следовательно, задача Цезаря была трудной.

Герцог отправился в Рим примерно в середине февраля, но покидал дворец только переодетым. Папа был настолько недоволен его отказом возбудить дело против Браччано, что пригрозил отлучить его от церкви и лишить его поместий. Хотя Цезарь, вероятно, не считал эти угрозы очень серьезными, он приготовился отправиться в Черветри, где оставил своих капитанов — Людовико делла Мирандолу, Уго Монкаду и Микелотто де Корелла. Он выехал из Рима 6 апреля в Черветри, но по дороге узнал, что город капитулировал перед графом Мирандолой. Защитники сдались на милость Цезаря, и он проводил Джулио Орсини к папе римскому и ходатайствовал за него так эффективно, что тот был возвращен на свободу.

Джанджордано Орсини отправился в Челле, в Абруцци, и пока он был там, папа предложил передать ему княжество Сквиллаче, если он откажется от всех претензий на свои поместья в Романье. Эти условия были приняты и с помощью французского посла были воплощены в договоре, который был составлен 8 апреля.

Теперь Цезарь стал силой в Италии; солдаты удачи стекались под его знамена; он был самым страшным человеком на всем полуострове; богатство Церкви было в его распоряжении, а за ним стояло влияние папства. Все замки в Патримониуме Петри находились в руках его помощников. Матараццо говорит, что теперь он был первым капитаном в Италии не благодаря великим познаниям в военном искусстве, а благодаря своему предательству и нечестному использованию денег — он свел науку ведения войны просто к совершенному искусству обмана.

Однако у него были большие и преданные поклонники, потому что итальянец шестнадцатого века не усвоил, что успех людей в окружении зла соизмерим с их собственной способностью к беззаконию; что в человеческом соперничестве этическое чувство, более тонкие чувства часто препятствуют великим достижениям. Все, что завоевал Цезарь, он добыл предательством и преступлением.

Политики того времени приписывали его успех главным образом благосклонности папы Римского и короля Франции, в то время как астрологи возлагали ответственность за это на звезды, объявляя его *наследником удачи*. Официальные астрологи, однако, подобно нынешним подхалимам, не были слепы к своим собственным интересам. Кардинал Франческо Содерини говорит, что среди атрибутов величия Цезаря и папы была их способность распознавать свои возможности и максимально использовать их — но этого они не смогли бы сделать, если бы обладали хотя бы намеком на альтруистическое чувство; их успех был просто результатом крайнего, беспощадного эгоизма.

Депеши того дня полны подозрений и слухов относительно целей папы и цезаря; некоторые говорили, что первый сговорился с испанцами, чтобы сохранить Королевство Сицилия для своего сына; другие думали, что он положил глаз на Тоскану. Макиавелли писал: "Цезарь всегда был невысокого мнения о Венеции и еще меньше о Флоренции, и для последней было бы хорошо создать в Италии такое могущественное государство, чтобы ее дружба стала желанной для какого-нибудь другого властелина". Секретарь также говорит, что Цезарь, несомненно, стремился к владычеству над Тосканой, которая, благодаря своему положению, могла бы хорошо послужить другим государствам, которыми он владел, для образования королевства. Алвизи считает, что эти подозрения и слухи были вызваны всеобщим страхом перед Цезарем, и он также предполагает, что разговоры о короне для Валентино, возможно, были вызваны действиями Александра VI. предпринял попытку превратить герцогство Романья в королевство Адриа, что уже было предпринято Климентом VII в 1379 году для принца из Анжуйского дома. Это действие, однако, не расширило бы владения, которыми он уже владел, и даже возможно, что папа действительно намеревался вернуть Церкви всю Кампанью после сокрушения баронов, которые удерживали ее.

Пока военачальники Цезаря были заняты около Кери, папа со своей личной гвардией и несколькими людьми Валентино овладел Паломбарой, Ленцано, Черветри и другими городами, принадлежащими Савелли.

Испанцы в Регно успешно сопротивлялись французам, и влияние Людовика быстро шло на убыль. Однако он по-прежнему активно поддерживал лигу, которую он сформировал против Валентино.

После отъезда Пандольфо Петруччи из Сиены народ забеспокоился; поэтому король заставил его вернуться.

Контроль Валентино над герцогством был далек от надежности; многие крепости Монтефельтре все еще сопротивлялись ему; Латтанцио да Бергамо, запертый в Сан-Лео, чувствовал, что сможет защищаться, пока герцог Урбино не вернется, чтобы сменить его. В то же время продолжающаяся деятельность Орсини и их многочисленных приверженцев привела к тому, что Цезарю было необходимо остаться в Риме или поблизости от Него и отложить, по крайней мере на время, свои планируемые завоевания. В конце концов, условия были таковы, что ему повезло бы, если бы ему удалось сохранить то, что он уже приобрел.

Необычный отчет о событиях в Ватикане, "Дневник Бурхарда", резко обрывается в феврале 1503 года и не возобновляется до следующего августа, но присутствие Цезаря в Риме и его окрестностях подтверждается многочисленными документами и письмами.

Людовик XII, учредив лигу, в которую вошли Флоренция, Сиена, Лукка и Болонья, Пандольфо Петруччи в сопровождении французского отряда вернулся в Сиену 29 марта 1503 года. Однако среди союзников возникли разногласия, которые вселили в Цезаря новую надежду. Владычество папы и его сына Цезаря не простиралось за пределы Патримониума Петри, и даже там оно было ограничено Феррарой и Болоньей. Валентино, воспользовавшись условиями в Регно, вступил в заговор с Испанией, которая видела в нем способного союзника против Франции.

В апреле 1503 года Гонсалво де Кордова начал блестящую кампанию в Апулии; французские командиры Обиньи и Немур неоднократно терпели поражения, и, наконец, 14 мая Гонсалво вошел в Неаполь с остатками французских войск, отступавших к Гаэте.

Людовик XII. послал все войска, которые у него были в Генуе, под командованием маркиза Салуццо, на помощь осажденной армии в Гаэте, а тем временем Гонсалво решил попытаться захватить это место, а также Кастель Нуово, последний оплот французов. Последнее место сдалось, но первое продержалось до прибытия маркиза Салуццо, который вынудил испанцев отступить в Неаполь. Тем временем Просперо Колонна, находившийся на службе Испании, добился неизменного успеха в Калабрии и Абруцци.

Цезарь и папа с тревогой следили за ходом событий на юге; поражение Франции позволило бы им возобновить свои усилия против Сиены и Перуджи, а также против Джанджордано Орсини. Валентино мог принять власть над Сиеной, которую предлагали ему жители, но от которой Людовик из уважения к Флоренции вынудил его отказаться, и, завладев Пизой, он мог напасть на Флоренцию.

Цезарь был вынужден отложить свои собственные проекты в Романье из-за отправки Людовиком войск из Генуи на помощь осажденным в Гаэте. Согласно его соглашению, от него требовалась помощь королю Франции, и он уже отправил нескольких своих капитанов, среди них Фракассо и графа Мирандолы, во французский лагерь, и к середине июля собрал значительные силы около Перуджи.

Слухи о том, что папа и цезарь вступили в заговор с Испанией, продолжались, и тираны, которых они пытались сокрушить, попросили разрешения короля Франции выступить против герцога. Больше всего Гвидобальдо ди Монтефельтре надеялся, что его родственник, маркиз Мантуанский, поможет ему вернуться в Урбино.

Тем временем — 28 июля — на публичной консистории папа объявил об отбытии Цезаря на поле боя. 7 августа венецианский посол написал, что папа сообщил ему, что Цезарь отправится в путь на следующий день; в то же время его Святейшество заявил, приложив руку к сердцу и поклявшись словом наместника Христа, что в его намерения не входило участвовать в каком-либо предприятии против кого-либо, а просто заняться своими собственными делами, и особенно состоянием Урбино, где, по его словам, “жители Сан-Лео постоянно пробуют что-то новое”. Затем, повернувшись к кардиналу Адриано, он сказал: “Приведите сюда завтра этих флорентийских лавочников - я хочу заверить их, что экспедиция герцога направлена не против них или кого—либо другого, если только кто—нибудь не спровоцирует его справедливо”.

В тот 1503 год в Италии стояла невыносимая жара, и в Риме и других местах вспыхнула чума. 1 августа кардинал Борджиа Монреальский заболел, а 9 августа Александр подготовил буллу, назначающую кардинала Эсте бессрочным администратором епархии; булла, однако, так и не была издана, поскольку сам папа и Валентино заболели чумой 12 августа.

На следующий день у Святого отца открылось кровотечение, и ему, казалось, стало несколько лучше, так как он подозвал к своей постели нескольких кардиналов и заинтересовался тем, что они играют в карты. 14-го лихорадка вернулась, а 16-го - снова. Двери дворца были закрыты, и врачу и сопровождающим не разрешалось покидать его Святейшество. Затем они вспомнили об одной святой женщине, которая жила замурованной в камере в Ватикане, и попросили ее помолиться за Святого Отца, но она сказала, что надежды нет. 18 августа папа исповедался

епископу Карниолы, а затем, сидя на кровати, принял Причастие. В тот же вечер епископ совершил соборования, и в присутствии датария и нескольких дворцовых чиновников чудовище, одиннадцать лет занимавшее трон Святого Петра, скончалось.

После смерти Александра ходили всевозможные слухи, в том числе, конечно, один о том, что он был отравлен. Однако практически несомненно, что он просто умер от термической лихорадки. Заметки Берчарда чрезвычайно ясны и сжаты.

В своем донесении от 11 августа Юстиниан говорит, что “папа не вошел в часовню на праздновании годовщины своего восшествия на папский престол в своем обычном жизнерадостном настроении”, что посол, вероятно, ошибочно, объясняет беспокойством, вызванным политической ситуацией. 13-го он подробно рассказывает о болезни папы и Валентино и ссылается на обед, устроенный кардиналом Адриано ди Корнето примерно за неделю до этого, и заявляет, что все гости заболели, что, конечно, усилило подозрение на отравление; первым заболел сам хозяин. Юстиниан пытался проследить за ходом лихорадки у папы и цезаря, но те, кто был допущен во дворец, сохраняли большую секретность. Венецианский посол ясно понимал, что означала для Италии смерть одного из них или обоих, и старался держать свое правительство в курсе событий.

18 августа в девятнадцатом часу посол снова написал своему правительству, сообщив, что только что прибыл гонец от епископа Карниолы, который постоянно находился при его Святейшестве, с просьбой прислать своего секретаря в Ватикан, что он и сделал; после чего епископ сообщил ему, что папа находится в преддверии распада и не сможет пережить эту ночь. Он добавляет, что, пока его курьер ожидал депеши, к нему пришел гонец с сообщением, что член папской семьи отправился к смотрителю замка Святого Ангела и приказал ему взять всех своих людей под ружье, зарядить артиллерию и привести крепость в состояние обороны.

В двадцать третьем часу оратор снова написал в сенат, сообщив, что папский врач Сципион сообщил ему, что его Святейшество не переживет этой ночи. Врач — *омо eccellенте нелл арте соа* — заявил, что болезнь папы, по его мнению, началась с апоплексического удара. Он также сказал, что герцогу ничего не угрожает, что у него нет лихорадки и он может встать с постели в любое время, когда пожелает. Ради собственной безопасности Валентино готовился в ту ночь переехать в замок Святого Ангела, куда уже были отправлены двое детей - Джованни, младший сын папы, и Родриго, сын Лукреции. Рано утром войскам Цезаря был отдан приказ как можно быстрее выдвигаться в Рим, и они весь день вливались в город. Они собрались в Борго, и по городу были разосланы барабанщики, чтобы призвать гвардию к оружию; дворец был полностью окружен войсками, пешими и конными.

В первом часу ночи дон Альваротто ди Альваротис, член семьи кардинала Санта-Прасседе, сообщил Юстиниану, что, пока он был у кардинала, пришел камергер герцога дон Ромолино и сообщил им, что его Святейшество только что скончался. Посол также был проинформирован о смерти кардинала Трани. В то же утро, по словам гонца, Цезарь отправил курьера к Просперо Колонне, чтобы попросить его поддержки и предложить вернуть ему его владения.

Грегоровиус склоняется к теории яда, но Берчард не фиксирует подобных подозрений. Труп был “чудовищно раздутым и обесцвеченно—черным, зрелище было ужасное, и многие подозревали отравление”, - писал Бельтрандо Костабили своему хозяину Эрколе Феррарскому. “Никогда с момента зарождения христианства не было видно такой ужасной вещи. Это было самое

звериное, чудовищное и ужасное тело, без формы или лица человека”. Рассказывали удивительные истории; пока он лежал больной, Александр даже видел, как дьявол в образе обезьяны вошел в его комнату, чтобы унести его душу.

Основания полагать, что папа Римский был отравлен, настолько незначительны, что ими можно пренебречь. Из заявлений Бурхарда и Юстиниана, которые враждебно относились к Борджиа, ясно, что Александр VI. умер от терцианской лихорадки, или чумы, которая в тот год унесла жизни огромного количества людей в Италии. Папа римский был плотным мужчиной, значительно преклонных лет, и внешний вид трупа, даже если бы он был таким отвратительным, как его описывали, не обязательно указывал бы на то, что он умер от яда.

Бельтрандо Костабили, оратор из Феррарезе, завершил письмо от 14 августа замечанием: “Нет ничего странного в том, что папа и цезарь больны, потому что почти все выдающиеся люди в Риме больны — и особенно в Ватикане из-за плохого воздуха”. Истории об отравлении начали распространяться, как только стало известно о скорости разложения тела.

Рассказу Гвиччардини следовали все более поздние авторы вплоть до наших дней, и он был одним из злейших врагов Борджиа. Согласно его заявлению, перед отъездом Цезаря на поле боя он и папа римский были приглашены отобедать с кардиналом Адриано ди Корнето. Также присутствовали Ромолино, приближенный Валентино, и два других кардинала. Один из Борджиа, желая завладеть имуществом своего хозяина, решил отравить его, но слуги перепутали бокалы и подали Александру и Цезарю отравленные кубки. Этот отчет был основан на письме, написанном Питером Мучеником Ангиарским из Сеговии 10 ноября 1503 года, то есть примерно через три месяца после смерти папы римского. Ни один из послов в Риме, внимательно следивших за событиями в Ватикане, в то время даже не намекал на яд.

Факты, вкратце изложенные, были следующими: обед состоялся 5 августа; 10 августа Цезарь и папа заболели; 12-го у последнего была лихорадка; 16-го у него обильно пошла кровь, и его болезнь стала серьезной; 17-го ему дали какое-то чрезвычайно сильное лекарство, которое не принесло ему облегчения; 18-го, чувствуя приближение конца, он исповедался епископу Карниолы, который причащал. Позже у его постели была отслужена месса в присутствии пяти кардиналов. Папа был чрезвычайно слаб и заявил, что чувствует близость смерти. Епископ Карниолы совершил Соборования, и через несколько часов Святой Отец скончался — через тринадцать дней после ужина в саду кардинала Корнето, что исключает мысль об отравлении.

Джустиниан не упоминает о яде. Бельтрандо Костабили, посол Феррарезе, который час за часом следил за ходом болезни папы римского, также не предполагает этого. Александр VI. вероятно, это была всего лишь одна из многих жертв чумы в Риме в 1503 году.

Слух об отравлении распространился по городу и нашел много верующих, которые, ненавидя Борджиа и полагая, что они убили многих с помощью яда, были только рады заключить, что они стали жертвами заговора, который они подготовили для другого. В то же время болезнь Цезаря еще больше укрепила это убеждение, как и ужасное состояние тела папы. Только после похорон Костабили упоминает о подозрении на отравление.

Валентино, будучи молодым и энергичным, выздоровел, несмотря на героическое обращение, которому он, согласно сообщениям того времени, подвергся. Говорили, что его врач, Гаспар Торрелла, завернул его в теплые внутренности выпотрошенного мула; по другой версии, его поместили в огромную амфору, наполненную льдом.

Какие бы средства ни были использованы для спасения его жизни, его внешность сильно изменилась. Прежде считавшийся одним из самых красивых мужчин Италии — не исключая короля Неаполя Фердинанда, — теперь его называли совершенно отвратительным, и следы жестокого обращения, которому он подвергся, сохранялись до самой его смерти.

Послы, в обязанности которых входило публично льстить, часто отзывались о Цезаре как о “блондине и красавце” — “как император Тиберий, красивейший мужчина своего времени”; но Павел Иовий говорит, что “его лицо было обезображено красными пятнами и прыщами; его глаза, очень глубоко посаженные, смотрели жестоко и ядовито и, казалось, метали языки пламени”.

Когда папа скончался, герцог, который все еще был болен, послал Микелотто с несколькими людьми запереть все двери дворца, а когда кардинал Казанова заколебался отдавать ключи, один из головорезов выхватил шпагу и пригрозил перерезать ему горло и выбросить из окна, после чего кардинал в ужасе отдал ключи. Затем они завладели всеми деньгами, которые смогли достать, — около 100 000 дукатов. Позже ворвались дворцовые слуги и присвоили все, что осталось. Герцог не приближался к папе во время его болезни, и его Святейшество ни разу не упомянул ни его, ни Лукрецию. Церемониймейстер подробно описывает похороны; он также приводит опись имущества покойного папы, то есть того, что ускользнуло от приспешников Цезаря и слуг.

В самый день похорон Сильвио Савелли вернулся и вступил во владение своим домом и тюрьмой Сабель, из которой все заключенные были немедленно освобождены.

ГЛАВА X

Враги Борджиа вторгаются в Рим—Опасения Священной коллегии—Орсини и Колонна—Кардиналы и Валентино—Чезаре заключает соглашение с Францией—Кардинал д'Амбуаз—Интриги перед конклавом—Чезаре покидает Рим—Возвращение Джулиано делла Ровере—Конклав—Избрание Франческо Пикколомини на папский престол—Новый папа поддерживает Чезаре—Падение благосостояния Валентино—Смерть Пия III.—Махинации, готовящиеся к избранию его преемника.

Рим был охвачен смятением; враги дома Борджиа и испанской партии начали стекаться в город. Первыми появились Орсини; Фабио, Никколо и Джанджордано со своими последователями немедленно приготовились вступить во владение своими поместьями в Романье. Просперо Колонна подвел свою армию к самым воротам города. Вителли наступали на Читта-ди-Кастелла, Джампаоло Бальони атаковал Перуджу; Урбино, Камерино, Кальи и Пьомбино были готовы к восстанию; владения Чезаре должны были рухнуть в один день. Валентино не терял мужества; он был решительным, дерзким; он — так он позже сказал Макиавелли — был готов ко всему, даже к смерти папы римского — ко всему, кроме одного непредвиденного обстоятельства, и им была его собственная болезнь.

Улицы были запружены войсками; испанские кардиналы, чиновники, слуги, прихлебатели, шпионы, информаторы, хулиганы были охвачены паникой; они забаррикадировали свои двери и вооружились. Опасались, что французы воспользуются случаем и наступят на город, а на юге, недалеко отсюда, находилась армия короля Испании. Священная коллегия, чьей обязанностью было избрать преемника Александра, не располагала военной силой, и они побоялись обратиться к Цезарю, который со своими хорошо дисциплинированными войсками и способными командирами все еще был сильнейшей силой в городе.

Орсини и Колонна, стоявшие теперь у самых ворот Рима, были готовы вцепиться Валентино в горло. Кардиналы Санта-Кроче, Чезарини и Медичи отправились к смотрителю замка Святого Ангела Франческо де Роккамура, испанцу, чтобы заручиться его поддержкой, и, хотя он был одним из приближенных Александра, к его великой чести и несмотря на попытки Чезаре привлечь его на свою сторону, он остался верен Священной коллегии как представитель папской власти. Он навел свою пушку на улицы, ведущие к замку, и его люди закричали: “Коллегио, коллегио! Chiesa, Chiesa!” В тот же день испанская толпа сожгла дворцы Орсини на Монте-Джордано.

21 августа кардиналы в количестве семнадцати человек снова встретились в Минерве, и был подробно обсужден вопрос о заключении какого-либо соглашения с Валентино. Герцог заявил о верности Священной коллегии, и Пандольфо, нотариусу, было поручено переговорить с секретарем Цезаря, Агапито из Амелии.

22 августа через своего секретаря Чезаре поклялся в повиновении кардиналам, которые утвердили его в должности главнокомандующего Церковью. Кардиналы предупредили и Колонну, и Орсини держаться подальше от Рима, но, пренебрегая их приказами, Просперо Колонна вошел в город с небольшим отрядом кавалерии. На следующий день Людовико и Фабио Орсини также появились со своими последователями. Преисполненные решимости отомстить за убийство своих родственников и разграбление их поместий, они искали Чезаре и, не найдя его, обрушили свою месть на кастильцев в целом. Валентино и испанские кардиналы остались в Ватикане, и за его пределами весь город был в смятении. Банды головорезов носились повсюду с криками “Колонна! Orsini! Борджиа!”

Политическая проницательность Цезаря пришла ему на помощь, и он попытался отделить Колонна, которому он причинил наименьший вред, от Орсини. Эти великие соперничающие семьи объединились из-за обид, которые они претерпели от рук Борджиа. Чезаре предложил восстановить собственность Колонны, и это предложение Просперо незамедлительно принял, в то же время пообещав взамен поддержать герцога. Это соглашение на какое-то время спасло Чезаре жизнь, и считалось, что на предстоящем конклаве может быть избран папа, благосклонный к Борджиа. Орсини были напуганы и, уступив требованиям кардиналов, ушли из города ночью 24 августа.

PROSPERO COLONNA

С ранней гравюры.

Лицом к лицу, стр. 244.

Тем временем итальянские кардиналы настаивали на том, чтобы Цезарь тоже покинул Рим. Священная коллегия собрала около двух тысяч солдат и передала город под защиту послов императора Испании, Франции и Венеции, которые 25 августа отправились к Валентино, которого они нашли в Ватикане распростертым на кровати, но полностью одетым и окруженным испанскими кардиналами, и попросили его покинуть дворец. Он отказался это сделать, сказав, что болен и нигде больше не будет в безопасности. Вслед за этим они предложили ему замок Святого Анджело в качестве жилья. Чезаре попросил разрешения для своих войск также занять крепость. Он все еще был герцогом Романьи, и под его командованием было более девяти тысяч человек. У него также были большие суммы денег на депозите у Алессандро Спаноччи,

следовательно, к нему относились как к правящему принцу. И испанский, и французский послы знали, что его помощь будет ценной в войне в Неаполе, и Просперо Колонна пытался убедить его поступить на службу к Гонсалво де Кордове. В то же время Франция пыталась обезопасить его.

Наконец, к крайнему разочарованию Колонны и испанских кардиналов, он решил связать свою судьбу с последней властью, поскольку 1 сентября при посредничестве Граммона, французского посла, он заключил соглашение, по которому он должен был поставить свои войска на службу Франции в Регно и быть готовым в любое время прийти на помощь королю, а также использовать все свое влияние на испанских кардиналов, чтобы добиться избрания кардинала Руанского на папский престол.

Как только Жорж д'Амбуаз, кардинал Руанский, узнал о смерти Александра VI, он в большой спешке отправился в Рим, чувствуя уверенность, что его могут избрать преемником Борджиа. Папство было мечтой его жизни, и он пользовался горячей поддержкой короля, который извлек бы большую выгоду из избрания своего министра. На самом деле Людовик думал, что если Амбуаз, его близкий друг, его подданный, его премьер-министр, станет папой, он легко сможет стать хозяином всей Италии. Амбуаз, стоявший с французской армией под самыми стенами Рима, быстро завоевал много сторонников в Священной коллегии.

По соглашению с Францией Цезарю была гарантирована защита короля как в отношении его личности, так и в отношении его собственности. В тот же день — 1 сентября — Валентино заключил соглашение со Священной коллегией, один из пунктов которого требовал от него покинуть Рим в течение трех дней. Просперо Колонна также был вынужден уехать, и послы Максимилиана и Людовика XII гарантировали, что, пока папский престол свободен, Чезаре, Колонна и испанские войска не приблизятся к Риму ближе чем на десять миль; ораторы Венеции и Франции сделали то же самое в отношении французской армии и Орсини.

Юстиниан говорит, что было решено, что Просперо Колонна уйдет 2 сентября, а Цезарь со всей своей артиллерией - на следующий день. Колонна действительно отбыл в назначенный день, а Чезаре немного позже отступил со всеми своими войсками, конницей, пехотой и артиллерией. Сам герцог был настолько болен, что его пришлось нести на носилках. Венецианский оратор добавляет: “Теперь, когда Цезарь ушел, считается, что выборы пройдут тихо и без каких-либо беспорядков, поскольку все уважают Священную коллегию”. Тем не менее, чувствовалось некоторое беспокойство из-за того, что французы могли вызвать беспорядки, потому что Одоардо Буглиотто, камердинер короля, прибыл с большой суммой денег, полный решимости сделать кардинала Руанского папой. Монсеньор де Транс сказал Юстиниану, что ни Асканио Сфорца, ни кто-либо другой из кардиналов, находящихся в то время во Франции, не будут присутствовать на конклаве, “тем не менее, вчера вечером был распространен отчет, а сегодня утром он был подтвержден, что Амбуаз, Сфорца, Сан-Мало и Арагона²⁷ уже в пути, и, - добавляет он, - если это правда, будет много интриг, поскольку эти люди мятежны и бесстыдны и своей проницательностью и махинациями вызывают много беспорядков, и пусть Бог в своей милости присматривай за христианским миром”.

В тот же день — 2 сентября — Джустиниан информирует свое правительство: “Стало известно, что Валентино без ведома кого-либо заключил соглашение с Францией”.

Просперо Колонна был очень огорчен последней выходкой Цезаря и, покидая Рим, взял с собой принцессу Сквиллаче, “которая послужит ему некоторым утешением”, в то время как принц отправился герцогом. Принцесса уехала добровольно, надеясь вернуть свои поместья в Регно — в любом случае между ней и ее мужем мало любви, поскольку они совершенно непохожи.” Из-за проблем и раздоров, которые она посеяла в семье, принцесса Санча была заключена Александром VI в тюрьму. в замке Святого Анджело.

Берчард подробно описывает отъезд Валентино. В то самое утро, когда было подписано соглашение, он заплатил своим войскам и отправил тринадцать тяжелых фургонов, груженных военной техникой, вперед через Трастевере. У него было три большие бомбарды, две средние и восемь маленьких. Затем он отправил свою охрану к мосту Мильвиус, чтобы там его ждали. Для его багажа потребовалось более сотни фургонов. Они покинули Ватикан через ворота Виридария и направились к Монте-Марио, герцога несли на носилках двенадцать алебардщиков. За ним вели великолепного коня с попонами из черного бархата, на которых были вышиты его герб и герцогская корона.

Послы Испании и Франции сопровождали его до городских ворот. Цезарь отправился в Непи, город, принадлежавший его семье, цитадель которого все еще была ему верна. Грегоровиус говорит, что его сопровождали его мать Ваноцца и брат Джуффре.

Валентино по-прежнему был силой, с которой приходилось считаться, и он, несомненно, надеялся добиться избрания папы, который был бы дружелюбен к нему и семье Борджиа, поскольку знал, что может рассчитывать на голоса одиннадцати испанских кардиналов.

Похороны Александра начались 4 сентября и в соответствии с папским обычаем продолжались девять дней. Кардиналы, однако, вскоре потеряли интерес к церемониям и стремились вступить в конклав. Один за другим вернулись кардиналы, которые по разным причинам жили за границей. Весь Рим с нетерпением ожидал события, которое для Цезаря было самым важным за всю его карьеру — не исключая избрания его собственного отца на папский престол, — поскольку от исхода зависело не только его будущее, но и сама его жизнь.

Французская армия под командованием монсеньора де Ла Тремуаля и маркиза Мантуанского вошла в Романью, где им было приказано оставаться до тех пор, пока не будет избран преемник Александра.

Джулиано делла Ровере после десятилетнего отсутствия во Франции вернулся в Италию 3 сентября; кардинал Колонна, который пять лет скрывался на Сицилии, появился несколько дней спустя; 9-го римляне с триумфом приняли Риарио, а на следующий день Асканио Сфорца, Жорж д'Амбуаз и кардинал д'Арагона въехали в страну. Амбуаз добился освобождения Сфорцы из тюрьмы и привез его с собой из Франции, рассчитывая заручиться его голосованием. Кардинал Руанский также был уверен, что в нужный момент Чезаре отдаст за него голоса испанских кардиналов, и он верил, что близкое присутствие французских войск повлияет на Священную коллегия в его пользу, потому что они сразу увидят, что папство значительно укрепитя, заручившись поддержкой армий Франции. Он, однако, не замедлил обнаружить, что Асканио Сфорца был любимцем римлян; более того, Священная коллегия незамедлительно потребовала от Амбуаза не допускать ни одного французского войска в город.

Когда Джустиниан по прибытии в Рим навестил Джулиано делла Ровере, кардинал заметил ему: “Я здесь в своих собственных интересах, а не в чьих-либо еще; я здесь не для того, чтобы

голосовать за кардинала Руанского, если не увижу, что даже без моего голоса он может быть избран, что, на мой взгляд, невозможно”. Он добавил, что он хороший итальянец и что его нельзя заставить стать папой, если только это не пойдет на благо христианской религии, мира и благоденствия Италии; он также выразил большую привязанность к Венеции и пообещал учитывать ее интересы.

16 сентября 1503 года тридцать восемь кардиналов приняли участие в конклаве, который проходил в ватикане. Сначала они составили соглашение, которое должно было быть представлено любой власти, которая гарантировала бы их права; они также пообещали исправить злоупотребления, которые были почти повсеместными в церковных делах, и согласились созвать собор с этой целью в течение двух лет; они также пообещали продолжить войну против турок. Острота ситуации, в которую они оказались, прервала обсуждение. Итальянцы и испанцы объединились против Амбуаза и договорились избрать папу, который не мог долго прожить, и 22 сентября при повторном рассмотрении они выбрали Франческо Пикколомини, кардинала Сиены, верховным главой Церкви. Он принял имя Пий III.

Пикколомини был кардиналом-дьяконом сорок три года; он был человеком честным, преклонных лет и страдал подагрой, жить ему оставалось недолго. Джулиано делла Ровере, видя, что его собственное избрание невозможно, добился возвышения Пикколомини. Французская политика потерпела явный провал, и Пий III быстро вынудил маркиза Мантуанского вывести свои войска из Романьи.

Коллегия была разделена на три почти равные фракции — французскую, испанскую и итальянскую, соответствующими кандидатами которых были Жорж д'Амбуаз, Бернардино Карвахаль и Джулиано делла Ровере. Чезаре по очевидным причинам поддержал французского кандидата и преуспел в срыве планов Делла Ровере; последний, однако, немедленно разглядел истинное положение вещей и с помощью Оливьеро Караффы, кардинала Неаполитанского, и Джироламо Бассо делла Ровере, кардинала Реканати, добился назначения его высокопреосвященства Сиенского на папское кресло, тем самым дав себе время усовершенствовать свои собственные планы по получению великой награды после кончины Пия III, которая, несомненно, вскоре должна была состояться.

Pius III. родился в Сиене в 1439 году, следовательно, на момент его восшествия на папский престол ему было шестьдесят четыре года. Кардиналы, добившиеся его избрания в надежде, что он долго не проживет, не были разочарованы, поскольку он умер через двадцать семь дней после того, как надел тиару, — так быстро, что немедленно распространился обычный слух об отравлении. Сначала ходили слухи, что в этом преступлении виновен Пандольфо Петруччи, тиран Сиены, а позже враги Юлия II вообразили, что во внезапной смерти они обнаружили руку кардинала Сан-Пьетро-ад-Винколы. Хотя Пандольфо совершил много зверств, крайне маловероятно, что в данном случае было совершено какое-либо преступление. Что касается Делла Ровере, то он знал, что новый папа долго не проживет, и поэтому у него не было необходимости сокращать свои дни; фактически, он добился своего избрания с явной целью выиграть время для осуществления своих собственных планов по обеспечению трона Святого Петра.

Чезаре также принимал активное участие в избрании Пикколомини, который в случае своего возвышения пообещал утвердить его в должности главнокомандующего церковью и викария Романьи. Сразу же после его восшествия на папский престол новый папа начал одаривать

Валентино знаками своего благоволения. Бонафедо, епископ Кьюзи, представитель Цезаря на конклаве, был назначен губернатором Рима в тот самый день, когда был провозглашен новый понтифик.

23 сентября папа даровал Юстиниану аудиенцию, во время которой венецианский посол вступился за баронов Романьоль, которые вернулись в свои поместья. Его Святейшество ответил: “Что касается Чезены, я полностью согласен с вашей Прославленной синьорией, но что касается других сеньоров, Бог наказал их за их грехи с помощью *инструментатри*сто, и я хочу напомнить Сенату, что все беды Италии возникли в Романье”. Затем он сказал, улыбаясь: “Возможно, Бог восстановит этих лордов после того, как они совершат покаяние”. Несомненно, понтифик заключил какое-то соглашение с Чезареем, поскольку тот без колебаний поддержал права герцога в Романье. Он даже зашел так далеко, что отправил легата в Перуджу, чтобы разогнать лигу, которую враги Валентино создали против него, а также разослал уполномоченных по Романье, чтобы призвать народ быть верным ему.

Таким образом, пользуясь благосклонностью нового папы, Цезарь вернулся в Рим со значительной свитой 3 октября. Его сопровождали кардиналы Амбуаз, Сансеверино и Д'Альбре.

Папа, однако, не слишком активно поддерживал Цезаря. На самом деле, когда он призывал романьолей к повиновению, он заметил, что больше не будет оказывать герцогу никакой помощи — он хотел быть не воинственным папой, а миролюбивым, принести мир и умиротворение в христианский мир. Что касается Валентино, папа посоветовал Республике ничего не предпринимать, потому что с ним скоро все будет кончено — его болезнь была наказанием от Бога. 29-го посол пишет: “Валентино отправил гонцов из Непи в Рим, чтобы попросить помощи у папы Римского, но пока единственный результат - это несколько справок”.

У Чезаре осталось всего 200 человек; Уго Монкада с цветком своих войск покинул его, и 2000 человек, находившихся под командованием Ромолино, тоже ушли. Алессандро Спаноччи, казначей герцога, пытался отправить свои деньги на хранение во Флоренцию, Милан, Болонью и Феррару — от 14 000 до 20 000 дукатов. Говорили, что флорентийцы предложили Валентино свободный проезд по их территории на случай, если он пожелает отправиться в Романью.

На следующий день папа кратко пригрозил отлучением от церкви любому, кто откажется вернуть деньги или другое имущество, вывезенное из апостольского дворца во время болезни папы Александра VI. — Очевидно, это было направлено против Цезаря и его агентов.

Ничто не ускользает от Джустиниана. “Герцог все еще в Непи, у него плохое здоровье, и его почти все бросили. Папа сказал ему справедливые слова, но Цезарь недоверчив”. 1 октября Бартоломео д'Альвиано попросил венецианского оратора заручиться для него разрешением Сената напасть на Цезаря в Непи; он также сообщил послу, что Катерина Сфорца хотела присоединиться к этому предприятию и пообещала ему крупную сумму денег, но он отказался дать свое согласие, потому что взамен был бы обязан помочь ей вернуть ее собственные поместья, что оскорбило бы Венецию. 2 октября оратор пишет, что герцог Урбинский отправил курьера в Рим с письмом, в котором сообщал, что пытался, но безуспешно, убедить жителей Фано, находившихся во владении войск Валентино, вернуться на Святой Престол - и просил разрешения принудить их к этому. Кардинал Сан-Пьетро ад Винкола сопровождал гонца и объяснил все его Святейшеству, который ответил, что не может открыто выступать против Чезаре, но что он желает, чтобы герцог Урбинский сделал все, что в его силах, — что это не

вызовет его неудовольствия; это показывает, что папа был готов, чтобы они поступали так, как считают нужным в отношении этого герцога Валенси, при условии, что это, по-видимому, исходит не от него. Папа решил, что Валентино должен вернуться в Рим, и он распорядился предоставить в его распоряжение дворец кардинала Феррарского рядом с собором Святого Петра. Его Святейшество заявил, что не мог заставить себя прибегнуть к крайним мерам по отношению к герцогу — что он решил сжалиться над ним — однако “главная причина, по которой папа был так снисходителен, заключается в том, что он слышал, что герцог был очень болен и неспособен сражаться, и, будучи по натуре очень решительным и алчным, он надеется в случае смерти герцога, не применяя силу, завладеть деньгами и другими ценностями, которые он вывез из Рима, хотя я думаю — и это мнение многих — что в этом он будет разочарован, потому что большая часть ценностей, которые он вывез из Рима, были украдены”. были доставлены в замок Форли, а деньги рассованы по разным местам. Причина, по которой герцог попросил разрешения вернуться в Рим, заключается в том, что он боится Альвиано, который всячески пытается наложить на него свои лапы ”.

Валентино вступил в Рим 3 октября со всем своим войском, около 150 латников, 500 пехотинцев и несколькими подразделениями легкой кавалерии. Упоминание Берчарда о возвращении Цезаря еще более лаконично.

Герцог поселился во дворце кардинала Сан-Клементе, и многие высшие церковные сановники немедленно нанесли ему визит. “Он все еще болен, ” добавляет Юстиниан, “ и считается, что он умрет”. Два дня спустя оратор пишет, возможно, с некоторым сожалением: “Валентино не так болен, как предполагалось; он говорит высокомерно и хвастается, что вскоре восстановит все свои владения. Сегодня кардинал Руанский посетил его и сумел получить от него 30 000 — некоторые говорят, 50 000 — дукатов. Хотя папа Римский не очень благосклонно настроен к нему, Валентино, как говорят, чтобы заручиться его поддержкой, одолжил ему крупную сумму денег на расходы по коронации. Здесь полагают, что папа будет считать эти деньги своими и сохранит их вместе с другими ценностями, собранными после публикации постановления об отлучении от церкви, а также с 24 000 дукатов, найденных на депозите в банке на имя *дучетти*” — маленьких герцогов, дона Джованни и дона Родриго.

Кардиналы Сан-Пьетро ад Винкола и Сан-Джорджо пожаловались папе на присутствие Цезаря в городе, и посол сообщает о своем разговоре с его Святейшеством, в котором последний сказал: “Я не святой и не ангел, а человек, который не воображает, что знает все. Меня обманули. Я думал, герцог попросит назначить его главнокомандующим Церкви, и тогда я должен был сказать ему, что у меня нет денег на солдат ”. По Риму ходили слухи, что город Пезаро был захвачен именем Цезаря при помощи Флоренции, и герцог стал еще более высокомерным и угрожающим. Французы и кардинал Вольтерры строили козни, чтобы заставить его поступить на службу Флоренции.

Папа был коронован в соборе Святого Петра 8 октября, но это событие по сравнению с действиями Валентино, по мнению Юстиниана, не имело большого значения; флорентийцы вели с ним переговоры, и он был занят набором солдат для использования в Романье. Агент герцога Урбино сообщил венецианскому оратору, что Содерини, кардинал Вольтерры, спросил его, каким образом Венецианская республика помогла Валентино, и что он также пытался убедить его в этом, как и Александра VI. поскольку он был мертв, не было больше никаких причин оказывать Цезаре какую-либо защиту; на что Джустиниан ответил, что для Урбино было

бы ошибкой поддерживать усилия Венеции, которая пыталась завладеть Романьей, поскольку в этом случае Валентино, Франция и другие державы предпримут шаги против него, и герцог Урбино потеряет свои владения в третий раз; “тогда я посоветовал ему заключить договор с Флоренцией и французами”. Урбино, однако, был более склонен к Венеции. В тот самый день, когда Пий III. после коронации он издал буллу о назначении цезаря Гонфалоньера Церкви.

Валентино почувствовал, что его звезда снова взошла. Из Романьи поступали благоприятные сообщения, и примерно в конце сентября жители Чезены отправили посла, которого Чезаре любезно принял и поблагодарил за верность своего народа. Сразу же после побед при Карпинето и Мартиране он разослал романьолам письма, призывая их сопротивляться до тех пор, пока он не поправится настолько, чтобы прийти им на помощь. Состояния, которые он приобрел совсем недавно, были несколько сомнительными, но большинство из них оставались ему верны. Его злейший враг Джулио Орсини заключил с ним мир, и папа разрешил ему начать новую кампанию, чтобы наказать Пандольфо Малатесту за его попытку захватить Римини и Сфорцу за его движение против Пезаро, а также наказать герцога Урбино за попытки вернуть свою собственность.

Алвизи публикует краткое послание папы римского от 13 октября, в котором он просит флорентийцев позволить Чезаре, “которого он нежно, по-отечески любит за его редкие и высшие добродетели”, провести свою армию через их территорию.

Трудно судить, насколько искренен был папа, но несомненно, что вся Италия, за исключением Романьи, боялась и ненавидела Чезаре и радовалась его падению; многие боялись, что он может восстать снова; каждый стремился предать его; Феррара, несмотря на брак Лукреции Борджиа с Альфонсо д'Эсте, ненавидела его — дочь покойного папы не имела большого значения в итальянской политике. Бароны Романьоля заключили с ним договор, но не собирались его соблюдать. Бартоломео д'Альвиано и Бальони собирали армию, чтобы сокрушить его, и совместно с Орсини пытались завладеть его личностью; вскоре после его возвращения в Рим его враги заключили торжественное соглашение преследовать его до смерти. Даже представитель Испании в Неаполе Гонсалво де Кордова подписал соглашение.

Аннибале Бентивольо прибыл в Рим в начале октября якобы для того, чтобы отдать дань уважения папе римскому, но на самом деле для того, чтобы понаблюдать за передвижениями Цезаря. Святой Отец сказал Бентивольо, что он добросовестно составил протоколы в пользу Цезаря, но что отныне он ничего не будет делать для него - но в то же время он был осторожен, добавив, что не сделает ничего, что могло бы навредить ему. Недовольный этим, Бентивольо попросил кардинала делла Ровере получить разрешение папы римского напасть на Цезаря. Кардинал пообещал приложить к этому все усилия, и Риарио также согласился использовать свое влияние для достижения этой цели.

Тем временем силы Валентино быстро истощались; из 6000 пехотинцев и 600 латников, которые были у него на момент смерти отца, у него не осталось и половины. Тучи быстро сгущались; даже флорентийцы, которые притворялись его друзьями, относились к нему более чем подозрительно. Гонсалво де Кордова издал эдикт, запрещающий испанским военачальникам служить по приказу Чезаре и приказывающий им немедленно явиться к нему, чтобы остановить Людовика XII, который наступал на Неаполь; 14 октября эдикт от имени Кастилии был торжественно провозглашен в Риме перед дворцом Валентино и в двух других местах. Небольшие группы людей под командованием лейтенантов Альвиано, Бальони и Орсини

постоянно перебрасывались в Рим. Папа провел совещание с послами различных держав и попросил их положить конец операциям Альвиано в Романье; они дипломатично отказались это сделать.

Дворец Цезаря был окружен; сбежать ему было невозможно. В случае, если он попытается бежать через Остию, Моттино, бывший капитан галер Александра, был готов наброситься на него, и Джустиниан говорит: “Этот Альвиано похож на бешеную собаку, решившую вцепиться ему в горло”.

Валентино, однако, подкупил охрану у ворот Виридарии, и Берчард записывает, что он сбежал со всеми своими людьми 15 октября, но некоторые из его людей немедленно дезертировали и вернулись в Рим. Когда Орсини услышал о его бегстве, он поспешно покинул город через другие ворота, и Чезаре, обнаружив, что путь ему отрезан, вернулся в Рим, где его приняли в Ватикан. Все, кроме семидесяти его воинов, бросили его, и они вместе с несколькими пехотинцами охраняли дворец.

На том основании, что он был обычным преступником, Орсини подал протест папе против предоставления ему какой-либо защиты.

Рим был на грани гражданской войны; Орсини сожгли ворота Торрионе, и Фабио Орсини и Ренцо ди Кери получили приказ атаковать Борго, который укрепил Цезарь. Теперь, когда ворота Торрионе были разрушены, попасть в Ватикан было легко. Валентино был приперт к стене, когда кардиналы Борджиа, Салерно, Соренто и Арборея провели его по подземному ходу к "Кроту Адриана", где, по крайней мере, на какое-то время он был в безопасности. С ним были его внебрачные дети и маленькие герцоги Непи и Сермонета. Его дворец в Борго был разграблен. 16 октября Юстиниан кратко записывает: “Герцог отступил в замок S. Анджело с четырьмя или пятью слугами; его люди рассеяны; Орсини окружили замок; они пытаются убедить испанского посла предпринять шаги, чтобы помешать ему уехать”.

В то же время испанские кардиналы пытались убедить надзирателя разрешить Валентино сбежать, переодевшись монахом. Но Орсини были бдительны и приняли все меры предосторожности, чтобы предотвратить это. Чезаре покинул весь его народ; то небольшое имущество, которое ему удалось спасти, теперь исчезло; капитан гвардии, племянник папы римского, завладел большей его частью, и даже великолепный Бартоломео д'Альвиано получил двух прекрасных скакунов; все было разбросано, и Валентино находился в тяжелом положении.

Орсини, оказавшись сбитыми с толку, возбудили гражданский иск против своего врага за захват поместий баронов и потребовали, чтобы его держали в замке Сент-Анджело до вынесения решения.

В какой-то степени Чезаре все еще пользовался благосклонностью папы, и у него возникла идея сбежать ночью и присоединиться к Микелотто в замке Сориана, где, как он полагал, тот мог бы собрать армию и вернуть Романью. У него, однако, не было шанса осуществить этот план, поскольку единственный оставшийся друг — если его вообще можно было назвать другом — папа Пий III скончался ночью 18 октября 1503 года, тем самым быстро оправдав надежды многих кардиналов. Пикколомини правил всего двадцать семь дней. 27 сентября он перенес болезненную операцию, и венецианский посол изо дня в день следил за его болезнью так же внимательно, как и за болезнью своего предшественника. 16 октября он заявляет, что были опасения за жизнь понтифика; на следующий день ему стало хуже, и ночью его братья

перевезли его ценности из Ватикана в безопасное место. Орсини, преисполненные решимости добиться избрания папы по своему выбору после смерти Пия, остались в Риме.

При Александре VI. когда Пий III умер, на стенах дворца были найдены самые непристойные эпитафии, но когда он скончался, были обнаружены многочисленные хвалебные эпиграммы. Анджело Колуччи провел поразительное сравнение короткого, но респектабельного правления Пикколомини и бесстыдного понтификата его предшественника.

Смерть Пия стала большим ударом для Цезаря, который какое-то время пользовался его поддержкой. Однако даже сейчас мужество не покинуло его полностью. Макиавелли, прибывший в Рим 26 октября, написал синьории, что герцог больше, чем когда-либо, надеется совершить великие дела — при условии, что будет избран дружественный папа. Говорили, что Цезаре, окончательно отчаявшись в какой-либо другой помощи, заключил нечто вроде соглашения с кардиналом Сан-Джорджо.

Священная коллегия, серьезно рассмотрев требования Орсини о том, чтобы Цезаре содержался под стражей до избрания нового папы, решила, что у них нет на это полномочий. Во время встречи кардинал Руанский защищал Цезаря, надеясь тем самым заручиться поддержкой испанских прелатов, которые все еще были преданы Валентино и сами были влиятельны и сплочены. Кардиналы решили, что герцог волен уходить и приходить, когда считает нужным. Однако вероятность того, что он уедет, была невелика, поскольку там он был в большей безопасности, чем где-либо еще; более того, когда будет избран новый папа, он окажется в наилучшем возможном положении, чтобы заручиться его благосклонностью при посредничестве кардиналов, которые, возможно, останутся верными ему. Насколько влиятельным все еще был Цезарь, показывает замечание оратора о том, что все те, кто стремился к понтификату, были готовы пообещать ему все, что он попросит, чтобы заручиться голосами испанских кардиналов, и “одно можно сказать наверняка”, добавляет он: “никто не будет папой, кто не согласится со всеми требованиями Валентино”.

Испанские прелаты, казалось, отдавали предпочтение проницательному кардиналу Сан-Пьетро-ад-Винкола, но Санта-Прасседе и Александрино также были сильными кандидатами.

Бурхард сообщает, что кардинал Сан-Пьетро-ад-Винкола прибыл в апостольский дворец 29 октября вместе с Валентино и его испанскими кардиналами и заключил с ними соглашение, по которому он обещал, когда станет папой, назначить Цезаря главнокомандующим Церкви, а также защитить его интересы и вернуть ему его владения; герцог, со своей стороны, должен был помочь Делла Ровере на конклаве, и все испанские кардиналы пообещали отдать за него свои голоса. Вечером 30 октября, когда похороны покойного папы были закончены, кардиналы договорились между собой, что кардинал Сан-Пьетро-ад-Винкола должен стать его преемником. В тот же день Макиавелли сообщил своей синьории, что Джулиано делла Ровере заручился обещанием получить большинство голосов Священной коллегии “средствами, приспособленными для этой цели”.

Юстиниан повторяет различные слухи, распространяющиеся относительно знаменательного события - избрания нового папы. В самый день смерти понтифик написал: “Есть три сильных кандидата — Неаполь, Сан-Пьетро-ад-Винкола и Сан-Джорджо; испанцы склоняются ко второму, потому что он сможет наилучшим образом удовлетворить их требования. Кардинал Неаполя может получить несколько голосов, но его подозревают в том, что он француз. Возраст

Сан-Джорджо говорит против него, следовательно, Делла Ровере - самый сильный кандидат. Сфорца, Колонна и Руан сейчас не упоминаются”.

На следующий день после кончины папы все кардиналы были “поглощены своими махинациями, некоторые без особого уважения к Богу и достоинству своего сана. Сделки заключаются открыто; условия исчисляются уже не сотнями, а тысячами и десятками тысяч — к неизмеримому позору нашей религии и оскорблению Бога; теперь нет разницы между папством и султанатом — все достанется тому, кто больше заплатит”.

22 октября Орсини пожаловались в Священную коллегия на обращение с ними, и Алессандрини и Медичи были отправлены посовещаться с ними и Цезарем. Орсини, чувствуя, что с ними жестоко поступили, и в то же время не желая выступать против Святого Престола и Священной коллегии, пообещали, что, если герцог покинет Италию и отправится во Францию или какое-либо другое место, они обеспечат ему безопасный проезд; с другой стороны, если он пожелает остаться в Италии, в провинции Гезия, они потребовали, чтобы от него потребовали гарантии его явки к будущему папе для ответа на выдвинутые против него обвинения; они также согласились дать залоги за явку и защиту иска, который он угрожал возбудить против них. “Неизвестно, что ответил Цезарь на эти предложения; многие думают, что он решит отправиться во Францию, но некоторые говорят, что он останется здесь”. На следующий день оратор услышал, что Валентино решил покинуть Италию и что он попросил восемь или десять дней на приготовления; он также потребовал, чтобы Орсини покинули Рим и выдали ему охранную грамоту, как они и договаривались. Ясно, что он попросил это время, чтобы убедить Священную коллегия вынудить Орсини покинуть Рим, а также разрешить ему продолжать свои махинации в связи с выборами.

Похороны покойного папы продолжались, но привлекли мало внимания, поскольку всепоглощающей темой были предстоящие выборы его преемника, в то время как предвыборная кампания продолжалась, а скандал разрастался.

Кардинал Колонна перешел на сторону испанской фракции, и это снова усложнило ситуацию. 27 числа того же месяца венецианский посол написал, что все еще неясно, кому достанется главный приз. Кардиналы Неаполя и Сан-Пьетро-ад-Винкола теперь были ведущими кандидатами; упоминался также Асканио Сфорца. Посол добавляет, что, хотя “желания короля Франции имеют некоторый вес, желания герцога важнее всего остального — и да сохранит нас Бог от появления папы, который из-за обязательств перед Валентино может привести к потрясениям во всей Италии и даже во всем христианском мире”.

В Рим поступили сообщения о том, что Антонио Орделаффи захватил Форли, а Сфорца вернул себе Пезаро; в то же время Пандольфо Петруччи вошел в Римини, взял крепость и обратил людей Чезаре в бегство; возобновление этой деятельности было напрямую связано со смертью папы и отступлением Чезаре в замок Святого Ангела.

Герцог был сильно обескуражен этим известием и отправил гонца к венецианскому послу просить помощи у Сената. К этому времени Альвиано и Орсини, повинувшись воле кардиналов, покинули Рим почти со всеми своими войсками.

Похороны папы завершились 29-го числа. Джампаоло Бальони все еще находился в Риме под защитой кардинала Руанского, который заявил, что желает его присутствия для собственной безопасности. Однако Священная коллегия, чтобы сделать это ненужным, привлекла около

пятисот пехотинцев для охраны конклава. Цезаре все еще находился в замке Святого Ангела и ежедневно принимал визиты кардиналов Борджиа, Лориса, Ромолино и Веры для консультаций относительно будущего папы.

Хотя Валентино получил охранную грамоту, он не сделал ни малейшего движения, чтобы уехать; на самом деле, у него не было намерения уезжать до избрания нового папы. Утром 30-го стало известно, что Делла Ровере достиг соглашения с испанскими кардиналами и Руаном, и его избрание было обеспечено. Ставки, по словам Джустиниана, достигли 82 процентов. на Делла Ровере было 6 процентов. на поле — точно неизвестно, как делались ставки в те дни.

ГЛАВА XI

Избрание Джулиано делла Ровере—Юлий II. и Цезарь Борджиа—Цезарь покидает Рим—Макиавелли и Цезарь—Арест Цезаря—Победа Гонсалво де Кордовы при Гарильяно—Цезарь отправляется в Неаполь—Гонсалво хватает Валентино и отправляет его в Испанию—Цезарь заключен в замок Шиншилла—Жанна ла Фоль и Филипп ле Бо—Цезаря переводят в замок Медина—дель-Кампо-Его побег.

В последний день октября кардиналы вступили в конклав, и 1 ноября 1503 года Джулиано делла Ровере, кардинал Сан-Пьетро-ад-Винкола, был избран папой римским на первом заседании. Таким образом, племянник Сикста IV после девятнадцати лет ожидания, устремлений, интриг, лет изгнания, раздоров, надежд и страхов осуществил честолюбивый замысел своей жизни.

В пятнадцатом часу распахнулось окно, подняли крест и объявили, что высокопреосвященный кардинал Сан-Пьетро-ад-Винкола избран верховным главой Христианской церкви. Новый папа был рад принять имя Юлий II.

Джустиниан считает, что Венеция выиграет от избрания Делла Ровере, который слыл человеком слова. Ему было шестьдесят лет, и у него не было племянников, для которых нужно было бы подыскивать места. Поэтому Цезарь был уверен в благосклонности нового понтифика.

Почти сразу после избрания Делла Ровере помещения над залом аудиенций были по приказу папы предоставлены в распоряжение Валентино, и там он поселился.

Венецианский оратор слышал, что новый папа направил в Романью записки того же содержания, что и записки Пия III. это было сделано в интересах Валентино, и он пошел к понтифику и спросил, соответствует ли отчет действительности, на что его Святейшество ответил: “Посол, ни на минуту не думайте, что я не выполню ничего из того, что я вам обещал; Я даю вам слово, что я не писал таких справок и не собираюсь этого делать”, и добавил: “даже если бы я написал их, вы знаете, я бы в то же время предпринял шаги, чтобы они не причинили никакого вреда” — то есть он дал бы понять тем, кому они были отправлены, что их не следует соблюдать”. —современная политика лишь незначительно продвинулась в двучии. “Это правда, что Агапито попросил меня написать их, но я ничего не буду делать. Посол, вам нет необходимости напоминать мне, что мы не должны отдавать предпочтение герцогу в делах

Романьи, потому что это наша должность, эта территория принадлежит нам, *посредничать немедленно*; поэтому, кто бы ни занимал ее, он занимает ее как викарий или феодал Церкви ”.

Коронация папы была назначена на 19 ноября, и уже 3-му Юстиниану сообщили, что Юлий написал Гвидобальдо ди Монтефельтре, герцогу Урбино, с просьбой присутствовать на церемонии. Это специальное приглашение показывает, что новый папа был на стороне врагов Цезаря. Хотя кардинал Сан-Джорджо опасался, что, если Гвидобальдо отлучится из своего штата, это даст Чезаре шанс нанести ему вред, вряд ли можно предположить, что папа пригласил герцога Урбино в Рим просто для того, чтобы дать Валентино возможность уничтожить его или напасть на его столицу.

Трудно понять, как Чезаре, сам в прошлом мастер двуличия и хитрости, мог полагаться на данные ему Делла Ровере обещания обеспечить его возведение на папский престол. Каковы были точно условия сделки, неизвестно; кардинал преследовал только одну цель — обеспечить свое собственное избрание; и, будучи избранным, он без колебаний нарушил бы заключенное соглашение. Это правда, что он выполнил некоторые условия, назначив Валентино генеральным капитаном Церкви и гарантировав ему номинальное владение Романьей, но в самый день своего избрания он начал помогать и поощрять врагов герцога.

Александр VI. призвал Священную коллегия никогда не назначать Джулиано делла Ровере папой, и он был прав, считая его непримиримым врагом своего Дома. Сам Цезарь почти сразу обнаружил, что совершил ошибку, и был настороже. 12 ноября папа римский официально вступил во владение замком Святого Анджело, назначив им епископа Синигальи.

На следующий день папа, Амбуаз, Содерини, кардинал Феррары, испанские кардиналы и Цезарь провели совет по поводу отъезда Валентино, и было решено, что он должен немедленно отправиться в Феррару, а его войска - в Имолу, которую все еще удерживали его помощники. Герцог, однако, казался подозрительным и нерешительным — возможно, из—за своего рода ступора, в который его повергли перенесенные неудачи, - поскольку он не был ни привычен к несчастьям, ни способен их переносить.

Джустиниан пишет 6 ноября: “Герцог все еще находится во дворце, но у него неважная репутация; он приложил все усилия, чтобы добиться аудиенции у его Святейшества, но потерпел неудачу. Он очень покорный и неоднократно просил меня приехать и посоветоваться с ним относительно его дел, но я отказывался по разным причинам, среди которых был тот факт, что он совершенно игнорировал Республику в дни своего процветания ”. Цезарь продолжал набирать войска, но с какой целью, неясно.

Кардинал Козенцы сказал оратору, что его Святейшество рассматривает возможность союза между одной из своих внучатых племянниц и маленьким герцогом Камерино. Также сообщалось, что папа намеревался подарить Цезарю крепкий замок Чивита Кастеллана для своей резиденции, но это заявление не подтвердилось.

Было даже условлено, что, когда в консистории будет внесено предложение передать должность гонфалоньера Церкви Валентино, это должно быть сделано просто для проформы, чтобы удовлетворить его. Примерно в середине ноября стало известно, что Чезена желает освободиться от власти цезаря и вернуться к власти Церкви. Коронация папы Римского была отложена на неделю “по совету астрологов, которые заявили, что в этот день звезды будут более благоприятны для его Святейшества”.

“Папа крайне сурово настроен по отношению к герцогу и, как говорят, приказал Пандольфо Петруччи обращаться с ним как с врагом; его Святейшество желает уничтожения Цезаря, но не хочет, чтобы было видно, что он имеет к этому какое-либо отношение”.

Юлий II. у него возникла идея вернуть себе крепости в Романье, и вскоре он обнаружил, что Цезарь на самом деле рассчитывал сохранить их. Борджиа, каким бы проницательным он ни был, не мог сравниться с Делла Ровере в хитрости; папа перехитрил его на каждом шагу, и он без колебаний сказал Юстиниану, что “герцогу никогда не достанется ни одной башни из моих крепостей. Все, чем я обязан ему, — это спасти его жизнь и защитить его собственность - ходатайствуя за него перед флорентийцами, я на самом деле спасал Романью для Церкви”. Папа сказал оратору, что, как только он завладеет замками, он отошлет Цезаря прочь. Очевидно, его Святейшество не хотел, чтобы его заставляли применять силу для овладения цитаделями; он пытался обманом заставить Цезаря отказаться от них, и тогда тот отверг бы его.

Оратор признается, что мнение папы “неоднозначно” для него — *я амбигуа*— но он быстро обнаружил, что хочет сокрушить герцога, и это мнение было подтверждено многими из тех, кто пользовался доверием папы; некоторые, однако, утверждали, что он был хорошо расположен к Валентино.

19 ноября произошло событие, которого все с нетерпением ожидали, — отъезд Цезаря из Рима. Он отправился в Остию, где его встретил Моттино с двумя галерами, чтобы доставить в Тоскану. Ходили различные слухи относительно места, где он намеревался высадиться; венецианскому оратору сказали, что его пунктом назначения был Виареджо, город, принадлежащий герцогу Феррарскому. С ним было около 160 лошадей.

Валентино сильно изменился, когда Макиавелли увидел его в Риме, и и он, и Юстиниан считали Цезаря потерянным; последний видел его “испуганным”, в то время как Макиавелли писал: “Герцог позволяет увлечь себя своему самоуверенному уму”; он также сказал, что Валентино был “переменчивым, нерешительным и подозрительным”.

Измученный своими неудачами, он сначала подумывал о поездке в Романью. Но когда он сел на корабль, то решил отправиться либо в Ливорно, либо в Геную, а оттуда в Феррару. Макиавелли, который заверил его, что Флоренция предоставит ему охранную грамоту, сказал, что, если синьория подведет его, “Цезарь заключит соглашение с венецианцами и дьяволом, отправится в Пизу и направит все деньги, силы и союзников, которые у него остались, на нанесение ущерба Республике”.

18-го, в тот самый день, когда Чезаре покинул Дворец, Юлий II отправил в Романью записки, в которых сообщал, что не одобряет дарование Александром VI викариата Валентино, и призывал народ поднять знамя Церкви, во владении которой, по его замыслу, Романья должна остаться. Несколько дней спустя он сказал кардиналу Содерини, что, по его мнению, было бы разумнее передать крепости Романьи под командование Чезаре, поскольку это было бы лучше для него, чем для венецианцев. Содерини отправился в Остию и сделал Цезарю определенные предложения, которые были отклонены. 24 ноября папа приказал Моттино удерживать Валентино, и в то же время он договорился с Содерини воспрепятствовать продвижению Микелотто, который двинулся вперед с кавалерией герцога. В тот же день он назначил епископа Рагузы Джованни Сакки губернатором Романьи и Болоньи и приказал ему вступить во владение провинцией от имени Церкви, а также снова призвал города поднять папский штандарт.

Общее мнение в Риме было таково, что Юлий II. он только ждал более благоприятной возможности нанести Цезарю последний удар, и радость, испытанная при его отъезде, была почти всеобщей. Агапито и Ромолино, два его ближайших друга, люди, чьи имена были связаны с некоторыми из его самых чудовищных преступлений, отказались сопровождать его и остались в Риме.

Папа также поручил Содерини потребовать сдачи цитадели Форли, и отказ Цезаря подчиниться стал причиной того, что его Святейшество схватил его и держал в плену.

Макиавелли сообщил своему правительству о слухах, которые поползли по Риму, когда стало известно об аресте Цезаря; поговаривали даже, что его Святейшество приказал сбросить его в Тибр, и он добавляет: “Если это еще не было сделано, то, по моему мнению, это будет сделано в ближайшее время; мы видим, что папа начал очень честно выплачивать свои долги; его перо и чернила — все, что необходимо, - тем не менее, хвала ему на устах у всех людей!”

Ночью 27 ноября папская гвардия отправилась в Остию, чтобы арестовать Цезаря, но им не пришлось далеко идти, поскольку, обыскав случайно попавшиеся лодки, они обнаружили его на маленьком суденышке на Тибре, примерно в двух милях от Рима.

Войска, на которые он сел в Остии, оказавшись без головы, покинули галеры и вернулись в Рим, в то время как джентльмены из его свиты вернулись в свои поместья.

Сначала папа приказал доставить Цезаря в Мальяно, местечко примерно в семи милях от Рима, где его тщательно охраняли, но обращались с ним не слишком сурово. Юлий, несомненно, хотел, насколько это было возможно, избежать применения силы по отношению к Цезарю и обеспечить свои собственные цели мирным путем, если это было возможно. Возможно, он опасался, что, если он слишком открыто раскроет свою истинную цель, помощники Валентино сдадут замки, которые они все еще удерживали, какой-нибудь другой силе, поскольку некоторые из них бросали на них тоскующие взгляды. Позже папа распорядился вернуть Валентино в Рим и поселил его в Ватикане.

Юстиниан информирует свое правительство от 28 ноября, что понтифик, чтобы оправдать себя за арест Цезаре, особенно в глазах испанских кардиналов, созвал собрание, на котором присутствовали пятнадцать кардиналов, которым он объяснил, что, поскольку Венеция действовала в Романье не против Церкви или Святого Престола, а только против Валентино, а также для сдерживания флорентийцев, которые, по-видимому, имели замыслы на ту же территорию, он решил устранить причину, чтобы у Республики не было предлога идти дальше. Поэтому он дал герцогу понять, что тот должен передать территорию, находящуюся в настоящее время в его владении, в руки папы и должен выдать гербы крепостей; но из опасения, что он не выдаст подлинных гербов, его Святейшеству показалось целесообразным доставить герцога в Рим и держать в безопасном месте до тех пор, пока их правильность не будет проверена. После этого герцог мог отправляться куда угодно. Все, казалось, были удовлетворены. 29-го Валентино был доставлен обратно в Рим и поселен в покоях кардинала Салерно. “Папа говорит, что, когда он овладеет цитаделями, он позволит ему уйти, но Бог знает, что с ним будет”, — добавляет оратор.

1 декабря в Рим пришло известие, что Микелотто был схвачен, а все его люди убиты или рассеяны Джампаоло Бальони где-то между Перуджей и Флоренцией. Это был сокрушительный

удар по Цезарю, у которого теперь оставалось мало надежды — его “больше не считали особо важным”.

В это время кардинал Руанский готовился покинуть Рим и направиться ко двору императора во Флоренции, и Чезаре пожелал отправиться вместе с ним, но кардинал на это не согласился. Перед выступлением Амбуаза папа приказал Валентино послать одного из своих офицеров, Педро де Овьедо, в сопровождении прелата, чтобы добиться сдачи мест, которые его сторонники все еще удерживали в Романье, но прежде чем дать согласие, Чезаре попросил Амбуаза дать ему письменную гарантию, что папа сдержит обещания, данные ему перед конклавом. Амбуаз, однако, отказался это сделать, и после ухода кардинала герцог, обнаружив, что у него отняли последнюю поддержку, согласился с требованиями папы. Однако комендант Чезаре, думая или делая вид, что думает, что имело место предательство, схватил несчастного Овьедо и немедленно повесил его на зубчатой стене как предателя своего государя.

Когда папа узнал об этом, он был вне себя — фактически, как выразился Карло да Монкальери, он был “безумен как дьявол” — *alterato come il diavolo* — и пригрозил пожизненно заключить Цезаря в тюрьму. Полагая, что он нашел какой-то способ сказать коменданту, чтобы тот проигнорировал отданный им приказ, папа приказал заточить Валентино в башне Борджиа. Тем не менее, он продолжал вести с ним переговоры и снова позволил ему отправиться в Остию, на этот раз к испанскому кардиналу Карвахалу, при том понимании, что ему будет предоставлена свобода, когда его офицеры сдадут крепости в Романье.

Джустиниан описывает повешение Овьедо 20 декабря и перевод Цезаря в башню Борджиа и добавляет: “Напуганные недавними событиями, кардинал Соренто и кардинал Борджиа покинули город — возможно, чтобы отправиться в лагерь испанцев. Многие считают, что их бегство было связано с делами Валентино или потому, что они молча согласились на отравление кардинала Сант-Анджело”. Когда кардиналы Франческо Ромолино и Франческо Борджиа бежали в Неаполь вместе с маленькими герцогами, чтобы попросить защиты у Гонсалво Кордовского, Ваноцца и им подобные Борджиа пытались спасти свою добычу. Большая часть этого была перехвачена и изъята, когда они пытались отправить его из города в безопасное место. Некоторые повозки, отправленные из Рима в Феррару от имени кардинала д'Эсте, были остановлены флорентийцами, в то время как другие из Чезены были захвачены Джованни Бентивольо.

Цезарь был почти разорен, когда произошло событие, которое немедленно восстановило ослабевающее влияние испанских кардиналов на папу римского, который симпатизировал Франции, и это была победа Гонсалво де Кордовы при Гарильяно 31 декабря, которая окончательно закрепила за регно испанскую корону.

На некоторое время Валентино был частично забыт, но он все еще находился в Ватикане 15 января 1504 года и планировал отправиться в Феррару, хотя Альфонсо д'Эсте ни в коем случае не стремился принимать его. Вопрос о том, что же с ним делать, вызывал недоумение. В конце концов было решено отправить его в Чивитавеккью под опеку кардинала Санта-Кроче, и папа сказал венецианскому оратору, что он хотел бы предпринять еще одну попытку достичь соглашения, чтобы тот мог оправдать себя в глазах мира за шаги, которые он будет вынужден предпринять против Валентино, если последний не выполнит данные ему обещания.

18 января при посредничестве дона Диего де Мендосы, испанского посла, было условлено, что Чезаре передаст ему гербы всех еще оставшихся замков, а сам он отправится в Остию под охраной кардинала Санта-Кроче, а затем, когда крепости будут сданы, ему будет разрешено отбыть во Францию. Выполнение соглашения было несколько отложено из-за недавних событий в Форли и Имоле, но 14 февраля 1504 года герцог отправился в Остию, и, прощаясь с ним, его Святейшество “обласкал его и пообещал ему свою поддержку”.

Папа страдал от подагры, которая, по-видимому, в то время была по сути папской болезнью, и большую часть дня оставался в постели. Валентино в сопровождении нескольких своих людей и Франческо дель Рио, папского казначея, той же ночью отправился в Остию. По словам Юстиниана, находясь там, он был под пристальной охраной и, следовательно, сильно раздражен.

Уполномоченные, которым были предоставлены новые подписи, тем временем снова отправились в Романью, но им не удалось овладеть крепостями, поскольку надзиратели Чезены и Бертиноро, не доверяя обещаниям папы, отправили гонцов в Рим, чтобы сообщить ему, что они сдадут крепости, если он освободит герцога, но в случае, если он не захочет освободить Валентино, “они не смогут с честью уступить замки”, услышав это, его Святейшество пришел в ярость и закричал на них: “Вы не можете сдать замки с честью”. хочу выставить это напоказ. Прочь! Если ты не отдашь их мирно, я заставлю тебя. Ты хотел отдать их венецианцам, но они их не приняли!” И он выгнал посыльных из комнаты.

Моттино, который должен был доставить Чезаре во Францию на одной из своих галер, получил указание Святого Отца не покидать порт даже после того, как крепости были сданы представителям папы, пока он не получит на это особого приказа.

Однако кардинал Санта-Кроче, когда гонцы принесли известие о том, что Чезена и Бертиноро сданы, не стал дожидаться четких приказов папы освободить своего пленника, а отпустил его 26 февраля, получив от него письменное обещание никогда не участвовать ни в какой войне против Святого Отца или кого-либо из его родственников.

Чезаре и двое его людей сели на коней и, следуя вдоль побережья, поехали в Неаполь, где присоединились к Гонсалво де Кордова, у которого кардиналы Борджиа и Ромолино ранее добились охранной грамоты для герцога. В Неаполе его ждали несколько членов семьи, среди них его брат Джуффре и невестка Санча.

Примерно в середине апреля Юстиниан проинформировал свое правительство, что дела Валентино, по мнению папы, улажены и дальнейших трудностей ожидать не приходится.

20 апреля папа получил письмо от Моттино, в котором сообщалось, что Цезарь покинул Остию и направляется в Неаполь. Его Святейшество был очень встревожен этим известием и немедленно послал гонца за французским послом. Кардинал Салерно сообщил венецианскому оратору, что кардинал Санта-Кроче, опасаясь, что папа, даже после того, как крепости были сданы, под каким-нибудь предлогом откажет Валентино в свободе, немедленно освободил его. Папа был сильно раздосадован действиями Санта-Кроче и обвинил его в нарушении веры. Оратор добавляет: “Многие довольны уходом Цезаря, но другие сильно недовольны. Мнения расходятся относительно того, что сделает Валентино; некоторые думают, что он доставит папе неприятности.” Его Святейшество, очевидно, не предполагал, что Валентино уйдет.

В письме кардиналу Салернскому, полученном в Риме 3 мая, Чезаре сообщил, что у него еще не было возможности поговорить с испанским командующим; он также попросил кардинала выделить ему средства, что прелат незамедлительно и сделал.

Когда Бальдассаре ди Сципионе прибыл в Рим из Неаполя, он сообщил, что Гонсалво принял Чезаре самым сердечным образом и посетил его, как это сделали все остальные испанские офицеры. Рим был полон слухов о приходе Цезаря по милости испанцев на помощь пизанцам.

Когда римские бароны из испанской армии в Гарильяно узнали о смерти Пьеро де Медичи, они начали проявлять живой интерес к делам Тосканы и решили направить туда войска; в то время как флорентийцы, обеспокоенные военными приготовлениями в Сиене, послали помощь сеньору Пьомбино, который чувствовал, что его народ настроен против него. Бартоломео д'Альвиано должен был возглавить войска, которые должны были быть отправлены в Тоскану, но Гонсалво предпочел Чезаре друзей, на которых он все еще мог рассчитывать в Пьомбино и Пизе. В начале мая полным ходом шла активная подготовка. В Риме Бальдассаре ди Сципионе публично заявил, что его господин «скоро вернется и даст своим врагам повод подумать о нем». Пизанцы отправили посла к Цезарю, и он отправил к ним Раньери делла Сассетту со значительными силами. Джулио дельи Альберини ждал в гавани Неаполя, чтобы перевезти пушки и другие боевые машины; все было готово, и основная часть войск должна была выступить через несколько дней, когда в ночь на 26 мая, когда Валентино возвращался с совещания с испанскими капитанами, он был арестован кастеляном Нуньо Кампейо.

Папа направил специального посланника к Гонсалво де Кордова, чтобы убедить его никоим образом не помогать Валентино; и нет никаких сомнений в том, что именно по наущению Святого Отца герцога в конце концов снова схватили. В ту самую ночь, когда Валентино был арестован, папа, полагая, что казначей герцога Алессандро ди Францо, который в то время находился в Риме и имел при себе около 300 000 дукатов, которые он собирался вывезти в Неаполь, может попытаться уехать, выставил стражу у всех ворот города и никому не позволял покидать их. Весь следующий день ворота оставались закрытыми под наблюдением папских войск. Ночью губернатор Рима расставил патрули по городу, и все подозреваемые были арестованы и допрошены. Даже дом мадонны Ваноццы, матери Цезаря, был тщательно обыскан.

29 мая Джустиниан утверждает, что в сопровождении кардинала Гримани он отправился в замок Святого Ангела, чтобы встретиться с папой, который сообщил им, что епископ Червии показал ему письма от Великого Капитана, в которых говорилось, что Валентино, имея в виду определенные предприятия, которые были бы вредны для Италии, по его приказу был заключен в замок, а также просил проинформировать об этом его Святейшество.

CONSALVO DI CORDOVA

ГОНСАЛВО ДЕ КОРДОВА.

С ранней гравюры.

Лицом к лицу, стр. 280.

Мнения относительно ответственности за арест Цезаре разошлись; одни утверждали, что причиной этого стал папа римский, другие - испанский монарх, третьи - что Гонсалво ду Кордова пошел на этот шаг по собственной инициативе. Некоторые даже приписывали этот роман королеве Испании и донье Марии Энрикес, вдове Джованни, герцога Гандийского. Папа не пытался скрыть своего удовольствия по поводу ареста и продемонстрировал очевидные

доказательства своей благосклонности испанскому послу, заверив его в своей преданности своему суверену — “было решено, - добавляет оратор, - побудить его принять участие в смерти упомянутого Валентино!”

Его брат, принц Сквиллаче, также был арестован примерно в то же время, но почти сразу же выпущен на свободу. Посланцы Цезаря также были схвачены, когда они случайно оказались в пределах досягаемости решительного Юлия.

Микелотто, который был тесно заключен в Торре-ди-Нона в ожидании суда, был подвергнут тщательному допросу в связи со смертью многочисленных лиц, главными из которых были герцог Гандия; Джулио Чезаре Варано, сеньор Камерино, и двое его сыновей, Пьеро и Венанцио, которые были схвачены, когда Камерино сдался, а позже были задушены по приказу Валентино; сеньор Фаэнцы Асторре Манфреди и его незаконнорожденный брат Джованни Евангелиста; герцог Бишелья, второй муж Лукреции Борджиа; Бернардино Гаэтани да Сермонета, убитый по приказу Цезаря в 1500 году, примерно в то же время, когда Александр стал причиной смерти в замке Святого Ангела Джакомо Гаэтани, главы Дома, захватившего их поместья и передавшего их своей дочери Лукреции; и епископа Кальи, который был повешен на площади за храброе сопротивление приспешникам Валентино в 1503 году.

Арест Цезаря так обрадовал его Святейшество, что он назвал его *un’opera divina*, хотя это было сделано им самим.

20 августа Гонсалво перевез Цезаря морем в Испанию, и благодаря изощренной жестокости его тюремщиком в поездке был его злейший враг Просперо Колонна.

Валентино больше никогда не суждено было увидеть полуостров, и не будет преувеличением сказать, что вся Италия вздохнула с облегчением, когда стало известно, что он пленник на борту галеры, направляющейся в Испанию.

Верный Бальдассаре ди Сципионе, вдохновленный любовью к своему заключенному господину, бросил вызов, адресованный “любому испанцу, который осмелился бы утверждать, что герцог Валентино не был взят в плен в Неаполе в нарушение правил безопасности короля Фердинанда и королевы Изабеллы, а также из-за их крайнего неверия и всего этого из—за их вечного позора” - и вызов был брошен в общественных местах по всему христианскому миру, и ни один испанец не осмелился ответить.

Долгое время Романья страдала из-за отсутствия сильной управляющей руки; страна разорялась соперничающими группировками, города опустели, и многие сожалели о свержении Валентино.

С отъездом Цезаря в Испанию его влияние на дела Италии стало ничтожно малым. Фактически, с того времени семья Борджиа была незаметна в истории полуострова.

Примерно в это же время в Ватикане произошло событие, которое было должным образом зафиксировано Бурхардом, — обручение Никколо делла Ровере и Донны Лауры, внебрачной дочери Александра VI от Джулии Фарнезе. Грегоровиус отмечает, что согласие Юлия II. на союз его племянника с внебрачной дочерью его врага является одним из самых экстраординарных фактов в личной истории этого папы. Это выглядит как залог примирения с Борджиа. Хотя эти люди были его противниками, Юлий ненавидел их, но его враждебность не была основана на

каких-либо моральных соображениях. Он никогда не испытывал никакого презрения к Александру или Цезарю, напротив, подобно Макиавелли, он восхищался их силой и способностями. Они были его врагами, потому что пытались сокрушить его и расстроить его амбиции, и он отомстил.

10 июля папа сообщил венецианскому оратору, что Гонсалво предложил помочь Цезаре людьми и пушками в его предприятии против сеньора Пьомбино из—за оппозиции последнего испанцам, но, неудовлетворенный этим, Валентино попытался расстроить планы Великого Полководца и занялся своими обычными интригами — это и стало причиной его ареста — и “Бог так распорядился из-за его проступков - побуждая других делать то, чего мы не хотели делать”.

Десять дней спустя его Святейшество сообщил венецианскому послу, что Цезарь был отправлен в Испанию под тщательной охраной и с одним слугой. Он добавил, что некоторые кардиналы убеждали его написать письмо его Католическому Величеству от имени Цезаре и что он пообещал это сделать, но он опасался, что даже если он просто порекомендует защиту жизни и личности Цезаре, его письмо будет неправильно истолковано, и король окажет ему большую милость, чем он намеревался, и может даже попытаться вернуть ему часть, если не все, его поместий, что было бы опасно для него самого; поэтому он отменил приказ написать отчет, и “я заверил его Святейшество, что он был самым благоразумным и осмотрительным — и с этими словами я откланялся”.

Цезарь добрался до Валентии примерно в конце сентября, а оттуда его немедленно перевели в Шиншиллу, которая находится примерно в двух лье от города Альбасете в одноименной провинции.

Мало что известно о его пребывании здесь, но документ, хранящийся сейчас в архивах По, показывает, что он все еще был там 4 мая 1505 года, через восемь месяцев после своего прибытия в Испанию.

Всеми покинутый, Цезарь попытался получить приданое в 100 000 ливров, обещанное Людовиком XII. по случаю его женитьбы на Шарлотте д'Альбре.

В октябре из Испании пришли письма, описывающие суровость, с которой Валентино содержался в заключении. Поговаривали даже, что по наущению доньи Марии Энрикес его должны были судить там за убийство ее мужа, герцога Гандийского, и за убийство его шурина Альфонсо Бишельского с намерением предать его смерти за совершенные преступления. В начале 1505 года до Италии дошла весть о том, что шурина Валентино, Жан д'Альбре, король Наварры, пытается добиться его освобождения. Кардиналы, которые все еще были верны ему, верили, что д'Альбре добьется успеха, поскольку самый решительный враг Цезаря, королева Испании, умерла.

Записано, что, находясь в заключении в замке Шиншилла, Цезарь пытался убить надзирателя Габриэля Гусмана. Однажды Валентино, которого поселили в высокой башне, попросил об интервью с доном Габриэлем, и пока они были заняты разговором, герцог внезапно схватил своего тюремщика и попытался вышвырнуть его из окна. Однако губернатору, который по силе был более чем равен Цезарю, удалось повалить его на пол; после чего герцог со свойственной ему наглостью рассмеялся и объяснил, что он слышал, что надзиратель был человеком колоссальной силы, и он хотел проверить это на себе, и обнаружил, что рассказы не были преувеличением.

Этот любопытный эпизод, несомненно, стал причиной переселения Цезаря в более безопасную крепость Медина-дель-Кампо в северной части Испании, которая была одновременно и цитаделью, и дворцом и использовалась как королевская резиденция.

Примерно в это же время Лукреция Борджиа начала прилагать все усилия, чтобы добиться свободы своего брата, — усилия, которые были восприняты как доказательство ее привязанности и преданности ему. Рекезенца, мажордом Чезаре, ходатайствовал о его освобождении перед королем Испании, который сообщил ему, что, хотя он не несет ответственности за арест Валентино, он, по заявлению Гонсалво, будет держать его в заключении, но что, если выдвинутые против него обвинения окажутся ложными, он согласится с пожеланиями кардиналов.

События сговорились помочь заключенному. Изабелла Католичка, предвидя, что к ее дочери Жанне ла Фоль, жене Филиппа ле Бо, никогда не вернется рассудок, решила сделать своего мужа Фердинанда регентом Кастилии после ее смерти. Фердинанд был окружен врагами, и в Неаполитанском королевстве подозревали даже в лояльности Гонсалво де Кордовы. Людовик XII, несмотря на свое поражение при Гарильяно, все еще сохранял свое право на регентство, в то время как император Максимилиан, чей сын Филипп ле Бо, муж Жанны ла Фоль, был отстранен от регентства по воле Изабеллы, почувствовав себя оскорбленным, решил потребовать прав своего сына. В этот момент Фердинанд сделал предложение Людовику XII, чтобы они прекратили борьбу за Неаполь и чтобы в качестве доказательства доброй воли французский король даровал ему руку своей племянницы Жермены де Фуа, которой тогда было восемнадцать лет, в то время как королю Испании было пятьдесят четыре. В качестве приданого она должна была принести своему мужу половину Неаполитанского королевства, которое было даровано королю Франции по Гранадскому мирному договору. Кроме того, Людовик должен был помочь Фердинанду вернуть Наварру, которая после его смерти должна была быть возвращена короне Франции, для Гастона де Фуа, брата обрученной и племянника Людовика XII. Союзный договор был подписан в Блуа 12 октября 1505 года, а бракосочетание состоялось 18 марта 1506 года в Дуэньясе.

В то же время кортесы подтвердили за Фердинандом владение Кастилией, игнорируя тот факт, что Изабелла завещала ему это только при условии, что он не женится снова. Некоторые из самых влиятельных придворных отказались дать свое согласие и заявили, что поддерживают Жанну и ее мужа, Филиппа ле Бо. Они избрали графа Бенаvente своим лидером. Остальные встали на сторону Фердинанда, и под предводительством дона Фабрике де Толедо, герцога Альвы, вспыхнула гражданская война. Сначала партия короля добилась успеха, после чего в конфликт вступил император Максимилиан, а его сын, Филипп ле Бо, поспешил из Фландрии и потребовал регентства.

Помощь, которую граф Бенаvente позже оказал Чезаре, и отношения последнего с послами Максимилиана показывают, что в тюрьме герцог был на стороне Филиппа, который, как только прибыл в Испанию, обосновался в Медина-дель-Кампо.

В октябре 1505 года Фердинанд, который уже отозвал Гонсалво де Кордова из Неаполя и решил заменить его своим собственным сыном Альфонсо Арагонским, архиепископом Сарагосы, решил, из-за неуверенного отношения своего лейтенанта, сам отправиться в Неаполь. Десять дней, запрошенных Гонсалво для приведения в порядок оборонительных сооружений и приведения в порядок своих дел, истекли, и подозрения короля усилились. Именно тогда ему

пришла в голову идея использовать Цезаря, чтобы сокрушить Гонсалво. После этого он отправил дону Педро де Айалу к Филиппу ле Бо в Медина-дель-Кампо потребовать своего пленника, сказав, что намерен заточить его взамен Эджерики до тех пор, пока тот не будет готов отправиться в Неаполь, когда он возьмет его с собой, чтобы командовать своими войсками.

Судьба, очевидно, собиралась подарить Чезаре изысканную месть; ему предстояло возглавить испанскую армию против человека, который обманул его и предал в руки католического монарха. У Филиппа ле Бо, однако, были свои планы относительно Цезаря, и в то время как Фердинанд желал воспользоваться его услугами против Гонсалво и Юлия II, сын Максимилиана задумал использовать его против самого католического суверена на случай, если тот будет настаивать на регентстве. Из этих обстоятельств ясно, что способности и энергия Цезаря как военачальника были общепризнаны.

Чтобы придать большую убедительность своему отказу выдать Цезаря, Филипп ле Бо заявил, что сначала ему придется передать дело в Совет Кастилии, чтобы определить, был ли герцог пленником короля или королевы Жанны. Задерживая его в Неаполе, Гонсалво, несомненно, действовал в интересах королевства, регентом которого Филипп был при своей жене, законной наследнице. Более того, герцога придется держать в заключении до тех пор, пока не будет принято решение по иску, возбужденному герцогиней Гандийской. Фердинанд не отказался от борьбы, когда ему сообщили о решении Совета, но попросил дону Бернардино де Карденаса, губернатора провинции Гренада, на попечение которого он передал Цезаря, выдать своего пленника. Карденас был склонен повиноваться, но попросил разрешения у регента, который категорически отказался допустить, чтобы Цезаря выдали. Затем губернатор объяснил королю, что даже если он освободит Валентино, Филипп немедленно схватит его снова, поскольку у него нет достаточных сил, чтобы противостоять регенту.

Фердинанд отплыл в Неаполь 4 сентября 1506 года в сопровождении своей молодой королевы и имея при себе цвет своей армии. Примерно месяц спустя, 5 октября, его зять Филипп, регент Кастилии, скоропостижно скончался. Регенту было тогда всего двадцать восемь лет, и он был настолько силен и активен, что считалось, что его отравили. У его вдовы все еще оставалось достаточно здравого смысла, чтобы просить своего отца вернуться в Испанию, и к ее мольбам добавились те из его подданных, которые опасались, что королевство может стать добычей противоборствующих группировок. Фердинанд, однако, добивался значительных успехов в Неаполе и стремился завершить свою работу; поэтому он отказался приехать, и Жанна исполняла обязанности регента во время его отсутствия.

Смерть Филиппа поставила опекуна Чезаре, дону Бернардино де Карденаса, в особое положение; он прямо ослушался приказов Фердинанда и теперь, чтобы спастись от королевского гнева, предложил Луису Ферреру, послу католического монарха, прислать к нему Чезаре, чтобы его перевели в Арагон. Феррер, осведомленный о махинациях, которые вели Филипп ле Бо и Максимилиан с Цезарем в тюрьме, немедленно принял предложение от имени своего государя, но попросил Карденаса оставить его пленником до тех пор, пока он не выяснит желания Фердинанда относительно него. Испанский монарх, однако, все еще находился в Неаполе, и Чезаре, проинформированному доном Бернардино о том, что он сделал, и не желавшему довериться ему, удалось совершить побег 25 октября 1506 года. Он прибыл ко двору своего шурина Жана д'Альбре 3 декабря 1506 года внезапно - "подобно дьяволу", как говорит хронист Море.

Известие о его побеге вызвало ужас в Италии; Юлий II никогда не мог успокоиться, пока Валентино был на свободе; венецианцы боялись его, и король Франции немедленно предпринял шаги, чтобы защититься от его махинаций. Однако к друзьям Цезаря в Романье немедленно вернулась надежда.

Замок Медина-дель-Кампо был самым большим в Испании, и побег из его мрачных стен считался невозможным. Возведенный примерно в середине пятнадцатого века, в 1460 году он попал в руки Фонсеки, архиепископа Севильского, который после своей смерти оставил его двоюродному брату. В 1473 году он был захвачен первым герцогом Алвы.

Граф Бенавенте, несомненно, помог Цезаре бежать. Валентино наняли капеллана, и этот человек, вероятно, был тем, кто выступал в качестве его агента в отношениях с внешним миром, а также тем человеком, который снабдил Валентино веревкой, с помощью которой тот спустился с башни. Один из слуг первым попробовал веревку; она оказалась слишком короткой, и несчастный упал в ров, сломав несколько костей; его оставили там, где он упал, а позже схватили, судили и казнили. Цезарь почти добрался до конца веревки, когда после того, как была поднята тревога, ее перерезали, и он тоже упал в ров. Он был ранен, и его пришлось отнести к лошади, которую держали в ожидании его сообщники. Пришпорив своих животных, они не останавливались, пока не достигли маленького городка Позальдес; оттуда они направились в Виллалон, резиденцию графа Бенавенте. Теперь Цезаре был в безопасности. Он сбежал из тюрьмы 25 октября и только пять недель спустя добрался до двора своего шурина в Памплоне; почти все это время ему потребовалось, чтобы оправиться от ран и восстановить силы; но у него также было время возобновить свои махинации с послами императора Максимилиана.

Протоколы расследования, последовавшего за его побегом, сохранились в архивах Симанкаса и чрезвычайно объемны. Приказ о его задержании, который был отдан от имени королевы Жанны, гласит следующее: “Шестнадцатое декабря 1506 года. Поручение и орден даны королевой [титулы] вам, Кристовал Васкес де Акунья, нашим алькальдам и всем тем, кому будет показано это королевское письмо. Вам сообщается, что герцог Валентинуа, будучи заключенным по моему приказу в замке Медина-дель-Кампо, упомянутый герцог сбежал, и я сообщаю вам, что мне сообщили, что он отправился в город Сантандер; что там были два человека верхом на лошадях и что они оставили своих лошадей в городе Кастрес у сына Педро Гонсалеса Кальдерона. Оттуда они отправились в Сантандер, где, как говорят, герцог был задержан алькальдом упомянутого города, но последний отпустил его, получив от него подарки; оказавшись на свободе, он стал искать кого-нибудь, кто доставил бы его в целости и сохранности в Кастро-Урдиалес, чтобы оттуда сесть на корабль. Я требую, чтобы герцога искали со всем возможным усердием; чтобы было проведено тщательное расследование относительно лиц, оставивших указанных лошадей в городе Кастре; куда они направились и где сейчас находятся; действительно ли упомянутый алькальд держал герцога в руках и кто эти лица. Если эти лица поднялись на борт, из какого порта, на каком судне и в пункт их назначения. Одним словом, я хочу, чтобы вы сообщали нам обо всем, что имеет отношение к делу; и вы схватите упомянутого герцога, где бы вы его ни нашли, будь то в церкви или монастыре, или в любом другом месте, каким бы привилегированным оно ни было, и даже за пределами вашей юрисдикции, и что, сделав это, вы будете держать его в поле своего зрения под усиленной охраной, пока не получите дальнейших приказов. С этой целью я посылаю вам упомянутое письмо и предписываю вам начать тщательное расследование, где бы и среди каких бы лиц они

ни были, которые могут предоставить вам какую-либо информацию по этому делу; и чтобы вы раздобыли всю информацию, касающуюся упомянутого герцога, и чтобы они предоставили вам средства для его задержания, и чтобы сумма, которую вы обещаете им за мой счет для этой цели, была выплачена им согласованным способом. И если кто-нибудь из них скроет его, дайте им понять, что они подвергаются смертельному риску и что все их имущество будет конфисковано. И если вы узнаете, что лица, оставившие своих лошадей в упомянутом городе Кастр, были неизвестны, они, тем не менее, должны быть задержаны до тех пор, пока не будет установлено, что они делали, почему и куда направлялись.

“Для выполнения моих инструкций я даю вам абсолютную власть со всеми необходимыми ордерами и полномочиями; и если кто-либо каким-либо образом помешает вам, он будет наказан штрафом в размере десяти тысяч мараведи, который будет внесен в мою казну.

“Дано в нашем городе Бургосе 14 декабря 1506 года. — Подписано Жанной”.

* * * * *

Покинув Виллалон, Цезарь направился в Памплону, но вместо того, чтобы отправиться туда напрямую, он направился на север, к побережью Атлантического океана, вероятно, с целью сбить преследователей со следа. В Сантандере он сел на лодку. У него было два проводника, Мартин де ла Борда из Лос Пассажейс, недалеко от Сан-Себастьяна, и Мигель де ла Торре. Все трое были верхом на лошадях, предоставленных графом Бенаvente. Путешественники сошли за торговцев зерном; они заявили, что прибыли из Медина-дель-Кампо, где им причитались определенные денежные средства, которые они поместили в банк, и что сейчас они направлялись в Сантандер, где ожидали судно, груженное пшеницей из Франции. В Сантандере они узнали, что судно остановилось в Бернико, и, чтобы не пострадать от снижения цен, им пришлось немедленно отправиться обратно в этот порт; так они объяснили свою спешку.

Когда 29 ноября они достигли окраин Кастра, лошади Цезаря и Мартина де ла Борда не могли идти дальше, и путешественники вошли в город пешком. В Кастре они остановились на постоялом дворе некоего Руиса Гуттиереса. Здесь Валентино нашел судовладельца, с которым договорился, что его доставят морем в порт, ближайший к границе Наварры. Свидетели, допрошенные через двадцать один день после этих событий, даже назвали блюда, которые путешественники ели на обед— “три цыпленка и большой кусок мяса”. Едва они уселись за стол, как было объявлено о прибытии лейтенанта коррехидора, которому сообщили о прибытии таинственных незнакомцев, которые, едва войдя в город, поспешили к Франческо Гонсалесу де Сантьяго, судовладельцу, и предложили ему непомерную цену за то, чтобы он доставил их морем в Кастро-Урдиалес.

Чиновника сопровождали нотариус и альгуазиль, они допросили трех путешественников, которые рассказали правдоподобную историю, и им разрешили идти своей дорогой.

Мария Гонсалес де Пертильон, одна из служанок гостиницы, показала, что один из путешественников говорил мало; что он был закутан в свой плащ; что это был мужчина среднего роста, несколько грузноватый, с широко открытыми ноздрями, большими глазами и что его рука — несомненно, поврежденная — была перевязана куском полотна.

Из-за высокого уровня моря путешественники не смогли отплыть до восхода солнца, но в конце концов достигли Кастро-Урдиалеса, где, не имея возможности раздобыть лошадей, были вынуждены пробыть два дня. Наконец они раздобыли несколько мулов и продолжили свой путь, и где-то между 1 и 3 декабря достигли Памплоны. Расследование раскрыло каждый шаг, предпринятый Цезарем и его спутниками с момента их отъезда из Кастра до прибытия ко двору Наварры.

Валентино, сообщая своим друзьям в Италии о своем побеге, заявил, что прибыл в Памплону 3 декабря 1506 года.

Когда Совет Кастилии получил приказ королевы начать расследование, Цезаре был в полной безопасности; фактически, он пробыл при дворе своего шурина почти две недели. Однако два его проводника, Мартин де ла Борда и Мигель де ла Торре, были задержаны. Вероятно, именно известие о прибытии Цезаря в Памплону послужило причиной начала расследования, хотя, конечно, о его побеге стало известно сразу. На всем протяжении его пути находили свидетелей, и велико было изумление, когда стало известно, что таинственный путешественник был государственным заключенным, за поимку которого была предложена награда в десять тысяч золотых дукатов, и самым странным из всего этого был тот факт, что коррехидор Сантандера действительно держал Цезаре в руках, допрашивал его и, наконец, освободил. Он, очевидно, незамедлительно сообщил об обстоятельствах, но когда ему сообщили, кем были незнакомцы, достойный чиновник пришел в смятение и немедленно написал королеве следующее откровенное письмо: —

“Могущественнейшая госпожа, дон Педро де Мендоса, ваш коррехидор четырех городов на морском побережье, целует руку вашего Величества, поскольку королевским рескриптом ей сообщается, что она требует от меня объяснений, каким образом один из алькальдов, находящихся под моей юрисдикцией, мог задержать, а затем освободить герцога Валентино.... Вашему величеству уже известно все, что связано с арестом упомянутого герцога, из моего предыдущего отчета и из расследования, проведенного коррехидором города Бильбоа и графства Бискайя по этому вопросу. Я не посылаю никакой дополнительной информации, передав все подробности, сообщенные заслуживающими доверия свидетелями относительно лиц, которые проводили герцога к месту посадки. Ваше величество может быть уверено, что, если бы в то время герцог был в моей власти, я или кто-либо из моих алькальдов знали о его побеге, даже если бы он мог передать нам несметные богатства, мне бы никогда не пришло в голову сделать что-либо, противоречащее верной службе вашему Величеству, и меньше всего освободить герцога, зная или даже подозревая, что именно он был у меня в руках. В то время, когда он был в моей власти, я не знал, что он сбежал — короче говоря, я даже не помнил, что такой человек существовал.

“Дон Педро де Мендоса”.

ГЛАВА XII

Цезарь прибывает ко двору своего шурина, короля Наварры—Опасность Д'Альбре-Фракции Аграмона и Бомона—Бомон удерживает Виану—Между Д'Альбре и Бомоном объявлена война—Цезарь назначен командующим войсками короля Наварры—Виана—Летописец Море—Цезарь убит—Тело похоронено в Санта—Мария—де—Виана—Его эпитафия—Вынос тела и разрушение гробницы—Весть о смерти Цезаря достигает Италии—Шурин прибывает ко двору своего шурина, короля Наварры. Настроения на полуострове — Жена Цезаря, Шарлотта д'Альбре, и их потомки — Его незаконнорожденные дети — Смерть матери Цезаря Ваногцы де Катаней -Заклучение.

В конце декабря 1506 года секретарь Цезаря Дон Федерико прибыл в Италию с письмами от своего господина, извещавшими о его побеге. Из этих писем, датированных 7 декабря 1506 года, одно было адресовано маркизу Мантуанскому, а другое - кардиналу Эсте. Первый, по политическим причинам, всегда был дружелюбен к Валентино; более того, его жена Изабелла была сестрой Альфонсо д'Эсте, шурина Чезаре. На печати на письмах изображены лилии Франции и герб Борджиа с надписью “Цезарь Борджиа де Франс, герцог Романьи”.

По прибытии в Италию дон Федерико немедленно отправился в Феррару, где появился 28 декабря, чтобы сообщить Лукреции радостную весть. Через две недели после отъезда из Феррары Федерико был арестован в Болонье по приказу Юлия II., и Лукреция написала маркизу Мантуанскому, который состоял на службе у папы и который только что нанес сокрушительное поражение Бентивольо и присоединил его владения к Государствам Церкви, сообщив ему, что гонец прибыл всего лишь для того, чтобы сообщить ей новости о ее брате, а не для того, чтобы предпринимать что-либо, противоречащее интересам или желаниям папы.

Возникло подозрение, что Федерико послали пощупать пульс страны и выяснить, по-прежнему ли Романьолы верны Валентино.

Если Цезарь в тюрьме был источником беспокойства для Святого Отца, то насколько больше следовало опасаться его сейчас, когда он на свободе в Наварре, под защитой императора Максимилиана, и, вероятно, в любой момент появится в Италии, соберет вокруг себя своих сторонников, которых у него все еще было много, и попытается вернуть Романью, где его правление предпочитали правлению папы! Поэтому частью мудрости было пресечь его планы в зародыше; в результате дон Федерико был схвачен.

Наваррский двор обнищал и не мог оказать большой помощи Чезаре, большая часть состояния которого состояла из вкладов у банкиров Генуи; однако эти средства были вложены его Святейшеством. Теперь Чезаре вспомнил, что он французский принц, герцог Валентинуа, и имеет право на доходы герцогства в дополнение к доходам графства Диуа, не говоря уже о доходах от соляных складов Иссудена, которые были предоставлены ему по официальному контракту во время его женитьбы на Шарлотте д'Альбре. Кроме того, там было приданое в 100 000 ливров, обещанное Людовиком XII. и гарантированный королевскими казначеями, из которых он не получил ни су, хотя они должны были быть выплачены в ноябре 1500 года.

Поэтому Цезарь отправил своего мажордома Рекезенца во Францию, чтобы предъявить свои претензии Людовику XII и попросить разрешения приехать, занять его место при дворе и служить его Величеству.

В январе 1507 года французский король был в Бургосе, и там Рекезенц представился лично. Людовик не только отказался удовлетворить какие-либо требования Цезаря, но и 18 февраля патентными письмами официально объявил герцога лишенным доходов и господства в Иссудене. Из этого документа ясно, что Людовик хотел наказать Цезаря за угрозы Флоренции, которые он расценивал как предательство; за его нападение на Пизу, находившуюся под защитой Франции; а также за его попытки изгнать союзника короля Джованни Бентивольо из Болоньи.

Чезаре был теперь тридцать один год, и его единственным желанием было отомстить своим врагам, Юлию II, который лишил его поместий; королю Испании, который предательски заключил его в тюрьму; и Людовику XII, который отнял у него все привилегии и даже лишил наследства по браку. Людовик использовал Борджиа для захвата Милана и Неаполя, и он получил Бретань благодаря распоряжению отца Цезаря, разрешившему его брак с Анной.

Когда Чезаре нашел убежище при Наваррском дворе, его шурин Жан д'Альбре находился в тяжелом положении. С одной стороны, ему угрожал Фердинанд, католик, который всегда считал Наварру своей добычей, а с другой - ему угрожали раздоры двух фракций, одну из которых возглавлял граф Аграмон, другую - Луис де Бомон, граф Лерин. Людовик XII. он делал все возможное, чтобы разжечь раздор, и в этот момент шурин д'Альбре, Чезаре, предложил королю обратиться за помощью к императору Максимилиану и предложить ему свободный проезд через Наварру в Кастилию и Арагон. Это предложение сразу же понравилось Жану д'Альбре. Чезаре, конечно, ожидал, что его назначат командующим войсками Наварры, и он сразу же приступил к приведению замков и цитаделей королевства в состояние для обороны и привлечению таких сил, которые Наварра могла бы снарядить и содержать.

Первое, что должен был сделать Жан д'Альбре, - это положить конец раздорам среди своих подданных. Луис де Бомон тогда владел замком Виана, и он отказался сдать его по требованию короля. Его восстание было давним. Луис унаследовал привязанность своего отца к Кастилии, и в 1495 году он заключил соглашение с католиком Фердинандом, по которому отказался от своих поместий в Наварре и получил в обмен на них эквивалентные владения в Кастилии. Таким образом, он стал вассалом испанского монарха, и в то же время последний закрепился в королевстве Наварра. Конвенция была должным образом ратифицирована, но из-за трудностей, возникших при регулировании обмена имуществом, вскоре она была отменена.

Дон Хуан де Рибера, генерал-капитан католического монарха, взял на себя управление владениями, до сих пор находившимися во владении Бомона, чей отъезд из Наварры принес мир в королевство. Жан д'Альбре, конечно, был возмущен оккупацией части его территории представителем короля Испании. Поэтому он отправился в Севилью, чтобы попытаться достичь взаимопонимания с Фердинандом; это ему удалось, и конвенция включала помилование мятежного графа, которому также была восстановлена должность констебля и смотрителя замка Виана, в то время как дон Хуан де Рибера, генерал-капитан Кастилии, вернул ему все поместья, которые он передал их католическим величествам. Луис де Бомон был, однако, беспокойной душой; на его могиле в монастыре Веруэла есть надпись: *En un cuerpo tan pequeno nunca se vi tanta fuerza*— Никогда прежде в таком маленьком теле не было такой силы.

С 1505 года он считал себя полноправным владельцем замков, которые он просто держал для своего суверена, и, забыв о великодушии Д'Альбре, отказался подчиняться ему, а также продолжал вторгаться во владения своих соседей и присваивать их земли. Он пытался создать

силу, способную противостоять наваррскому трону, и зарекомендовал себя как завоеватель в замке Виана. Пока Жан д'Альбре и Цезарь приводили опорные пункты страны в боевое состояние, король послал офицера в Бомон, чтобы потребовать сдачи этого места. Луис приказал схватить посланника, выпороть его плетьюми и заточить в замок Ларрага. Разгневанный, когда ему сообщили об этом, и помня, как он простил графа, король трижды посылал к нему и приказывал ему явиться; за невыполнение этого он обвинил его в *оскорблении величества*, объявил все его имущество конфискованным, его титулы, почести и должности утраченными, а его самого приговорил к смерти.

При поддержке дон-Алонсо Карилли де Перальты, графа Сан-Себастьяна, который также был на стороне Кастилии, Луис приготовился выйти на поле.

Между королем и его мятежным вассалом была объявлена война, и Цезаре, назначенный генерал-капитаном королевских войск, 11 февраля 1507 года отправился осаждать Ларрагу, защиту которой Бомон доверил Ожье де Верастеги. Цезарь атаковал с большой решимостью, но город храбро сопротивлялся. Доверив своим лейтенантам перекрыть все средства связи, Валентино решил пойти и атаковать Бомона в его лагере близ Мендавии, рядом с небольшим городком Виана, по дороге в Логроньо.

В Виане, недалеко от границы Кастилии, д'Альбре находился в отличной позиции для получения подкреплений от графа Бенаvente, герцога Нахеры и сторонников Максимилиана, которые стремились начать борьбу, которая открыла бы Кастилию для сына Филиппа ле Бо.

Силы Цезаря состояли из тысячи кавалеристов, более двухсот копейщиков, эскорта из тридцати латников и пятисот пехотинцев, с несколькими осадными орудиями и несколькими полевыми орудиями. Он намеревался окружить Виану, а затем разыскать графа, который доверил защиту города своему сыну Луису, а сам занял позицию близ Мендавии.

Виана, плохо снабженная провизией, когда войска Наварры появились под ее стенами, была не в состоянии выдержать длительную осаду. Граф Лерин, зная об этом, решил восстановить это место; предприятие было трудным и должно было быть выполнено, если вообще было выполнено, ночью, поскольку наваррцы полностью окружили город. Этому плану способствовала ужасающая буря, разразившаяся ночью 11 марта, когда Бомон выступил из Мендавии с двумя сотнями копейщиков и шестьюстами пехотинцами, некоторые из которых были вооружены мушкетонами, чтобы прикрыть линию своего конвоя, состоявшего из шестидесяти лошадей, груженных мукой. Воспользовавшись темнотой, он с небольшим отрядом подошел к самым стенам замка Виана, спрятав большую часть своих людей в ущелье недалеко от города, чтобы их можно было быстро подтянуть в случае необходимости. Все было в его пользу — темнота, буря, ослабленная бдительность осаждающих, и ему удалось провести свой конвой в крепость через потайные ворота. Окрыленный своей удачей, Бомонт дважды повторил операцию, причем с таким же успехом. Он мог бы вернуться в свой лагерь незамеченным, но решил воспользоваться представившейся возможностью и произвести разведку и, по возможности, нанести врагу некоторый урон.

Когда он руководил своим отрядом, они были обнаружены значительным отрядом солдат, спускавшихся по дороге, ведущей в Логроньо, которые, как они думали, были подкреплением, присланным герцогом Наджерой. При виде людей Бомона поднялся крик. В кварталах осаждающих, окружающих замок, была поднята тревога. Мгновенно все пришло в

замешательство. Цезарь поспешно облачился в доспехи, вскочил на коня и, не дожидаясь никаких приказов, выскочил за ворота и помчался по Соланской дороге.

“Когда я был мальчиком, ” говорит хронист Море, - я слышал, как восьмидесятилетние старики, которые слышали это от современников, видевших его, говорили, что как раз в тот момент, когда он пронесся через ворота, чертыхаясь, его лошадь споткнулась и упала”. Полагая, что его люди преследуют его по пятам, Борджиа пришпорил коня прямо к мятежникам и, подойдя к арьергарду, собственноручно убил троих врагов; не обращая внимания на то, что он был один, он пришпорил коня, проклиная мятежников. Внезапно он был обнаружен Бомоном, который приказал нескольким своим людям выступить ему навстречу.

Среди тех, кто сделал это, были Луис Гарсия де Агредо и Педро де Алло, которым удалось затащить его в глубокое ущелье, где его последователи, находившиеся далеко позади, не могли его увидеть. Там, скрытый от глаз своих соплеменников, а также от людей Бомона, он вступил в ужасную рукопашную схватку со своими противниками.

Валентино боролся за свою жизнь, но, раненный в подмышку как раз в тот момент, когда он собирался нанести удар, выбился из седла и, наконец, весь покрытый ранами, был повален на землю и убит.

Его блестящие доспехи привлекли внимание нападавших, и они сняли их. Совершенно не подозревая, кем была их жертва, они даже забрали его оружие, боевого коня и его снаряжение.

Опасаясь, что их могут застать врасплох, они поспешно удалились, оставив обнаженное тело на поле боя. Когда граф Лерин увидел дорогие доспехи, он пришел в ярость, потому что вместо того, чтобы взять его живым, они убили человека, очевидно, высокого ранга, и он приказал нескольким своим последователям доставить тело в его лагерь в Мендавии. Они направились к ущелью, но повернули назад, услышав крики людей Наварры, которые на рассвете искали тело своего убитого вождя.

Однако, прежде чем отступить, людям Бомона удалось захватить несчастного конюшего, которого они нашли в явном горе бродящим по месту конфликта. Доставленный в Бомон, ему показали блестящие доспехи и спросили, кому они принадлежат, и “Хуанико разрыдался, воскликнув, что в то самое утро он надел их на своего господина, французского цезаря Борджиа, герцога Романьи, и что он последовал за ним, когда тот проскочил через ворота, но потерял его из виду из-за быстроты герцогской лошади”.

Тем временем король Наваррский продвигался вперед. После первой неожиданности его войска сплотились и развернулись перед холмом, на котором расположена Виана. Бомон, видя, что ему грозит опасность быть отрезанным от Мендавии, отступил со своими людьми, оставив несчастного оруженосца, который немедленно поспешил обратно в ущелье, где Д'Альбре и его сторонники нашли его стоящим над окровавленным телом своего господина. Король приказал перевезти тело в Виану, где оно было помещено в гробницу перед большим алтарем приходской церкви Санта—Мария—де—Виана, и в том же 1507 году в память Чезаре был воздвигнут великолепный памятник, на котором была высечена следующая эпитафия:

“Aquí yace en poca tierra
Al que toda le temia;
En que la paz y la guerra

En la su mano tenia.
Oh! tu que vas a buscar
Cosas dignas de loar!
Si tu loas lo mas digno,
Aqui pare tu camino;
No cures de mas andar.”

В начале восемнадцатого века отец Алесон, находившийся тогда в Виане, не нашел ничего, что осталось от памятника, кроме двух камней, которые были вставлены в основание главного алтаря. В “Антекедадес де Наварра” Янгес Миранда говорит, что разрушение гробницы произошло, согласно устной традиции, которую он собрал у некоторых жителей Вианы, по приказу фанатичного епископа, который считал, что церковь была осквернена присутствием праха Цезаря.

Церковь Санта-Мария-де-Виана подверглась основательному ремонту примерно в конце семнадцатого века, и, вероятно, именно в это время гробницу убрали. Его разрушение, возможно, было связано с инцидентом, произошедшим задолго до этого. В 1498 году Педро де Аранда, епископ Калахорры и настоятель Вианской епархии, был допрошен Александром VI. по обвинению в ереси был осужден и заключен в замок Святого Ангела, где содержался долгое время. В результате своего заключения епископ скончался. Весьма вероятно, что прелаты епархии Вианы, которая была обесчещена Борджиа в лице своего епископа, продолжали испытывать неприязнь к семье и что один из преемников Педро де Аранда отомстил им, вынеся останки Цезаря из церкви. Что могло быть более естественным, чем желание исполняющего обязанности священника убрать с глаз долой все напоминания о непокорном кардинале, дегенеративном сыне Александра VI. память о котором уже была опорочена историей? Одно можно сказать наверняка — епископ действительно разрушил гробницу.

Вслед за Полем Джовиусом и Томазо Томази более поздние историки поместили захоронение Цезаря в Памплоне; но отец Алесон, продолжавший “Анналы Наварры” Море и живший в Виане, говорит: *“Как ло леварон в Виане, а не в Памплоне, como algunos quisieron decir; y lo depositaron en la yglesia parocchia de Santa Maria”* — Таким образом, тело отвезли в Виану, а не в Памплону, как говорят некоторые, и поместили там. в приходской церкви Санта-Мария. Затем следует описание могилы и эпитафии, а также факт демонтажа памятника. В 1523 году, всего через шестнадцать лет после смерти Валентино, Антонио де Гевара, епископ Мондоньедо, описал гробницу и скопировал эпитафию в своих “Письмах Моралеса”.

Традиция указывала, что место последнего упокоения останков Цезаря находилось прямо перед ступенями на улице *Пуа*, ведущей на террасу, на которой стоит церковь Санта-Мария-де-Виана, и м. Чарльз Ириарте убедил алькальда города дона Виктора Сереседу провести раскопки на этом месте. Расследование выявило прекрасно сохранившийся скелет — были ли это бранные останки сына Александра VI?

Не было ничего, что могло бы доказать, что это были они; епископ, возможно, пожелал предать их вечному забвению и поэтому не оставил никаких отметин на могиле. Вместе со скелетом были и другие кости, которые, возможно, были вывезены из церкви в то же время, когда она реставрировалась.

Известие о смерти Цезаре быстро дошло до его сестры, которая в январе 1505 года стала герцогиней Феррарской, через Неаполь, и она отправила одного из своих слуг, некоего Туллио, в Наварру, чтобы выяснить, правдивы ли слухи. По мере продвижения в своем путешествии он убедился в правдивости этого сообщения и поэтому вернулся в Феррару, не заезжая в Наварру. Последние сомнения рассеялись, когда в Ферраре появился Хуанико Грасика, присутствовавший на похоронах Цезаре и посланный королем Жаном д'Альбре сообщить Лукреции о его смерти. Альфонсо отсутствовал в своих владениях, и его брат, кардинал Ипполито д'Эсте, первым получил известие, которое он немедленно поручил Джеронимо Маньянини, секретарю герцога, сообщить своему хозяину. Это он сделал в длинном письме, в котором приводил полные подробности смерти Цезаря, услышанные из уст его верного оруженосца Грасики. Подробности подтвердил Костабили, который только что приехал из Рима. Свидетельства о смерти Валентино даны Зуритой, Море, Эстебаном де Гаррибаем и Авалосом де ла Пишина, и все они полностью совпадают с данными Грасики.

Горе Лукреции было глубоким и, по-видимому, искренним, и она просила произнести множество молитв за упокой души Цезаря. Вскоре после этого ее придворный поэт Эрколе Строчи посвятил ей свою “Эпикедиум”, надгробную речь в стихах в честь Валентино, но Якопо Санназаро, смертельный враг Борджиа, пригласил своих друзей и всю Италию присоединиться к нему и отпраздновать “это счастливое событие”.

Цезарь, лишенный поддержки Ватикана, был всего лишь отважным кондотьером, солдатом удачи, а такими в его время изобиловала Италия. Он был готов продать свои услуги тому, кто предложит самую высокую цену, при условии, что сможет продвигать свои собственные проекты. Хотя он больше не мог причинять вред своим врагам, вся Италия вздохнула с облегчением, когда подтвердилось известие о его смерти; даже Юлий II, который был более чем ровней Цезарю, почувствовал себя легче и отныне мог мирно продолжать работу по восстановлению владений Церкви. Если бы Валентино выжил и поступил на службу к Венеции в ее конфликте с папой Римским за обладание Романьей, или если бы он принял сторону Франции, когда его Святейшество вышел из Камбрейской лиги, он мог бы восстановить свое прежнее влияние и мощь.

Но теперь вся Италия смеялась над авантюристом, начертавшим на своем мече слова: *Aut Caesar, aut nihil*. Тем не менее, было несколько человек, которые остались верны его памяти, и ряд поэтов опубликовали панегирики и оплакивали потерю героя. Иероним Порций, Строчи, Франческо Джустоло и Уберти сочли нужным оплакать его в более или менее отточенных стихах. Одна из самых известных эпитафий была написана Джеронимо Касио из Болоньи, который знал Цезаря: —

“Cesar Borgia che ere della gente
Per armi et per virtù tenuto un sole;
Mancar dovendo, andó dove andar sole
Phebo, verso la sera, a l'occidente.”

Покинув Францию сразу после женитьбы на Шарлотте д'Альбре, Цезарь больше никогда не видел свою жену, и ничто не указывает на то, что он сожалел о ней. Она была всего лишь пешкой в политической игре, и отец пожертвовал ею ради собственной выгоды и продвижения планов Людовика XII, после женитьбы которого на Анне Бретонской она удалилась в Берри,

чтобы быть как можно ближе к Жанне Французской, его отвергнутой королеве. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем она переехала в свою последнюю резиденцию в Мотт-Фейи, где занялась воспитанием своей дочери Луизы, которую отец, Цезарь, никогда не видел. Герцогиня Валентинуа умерла 11 марта 1514 года, оставив единственной наследницей свою дочь, которая два года спустя, когда ей было семнадцать лет, вышла замуж за Людовика II. де Ла Тремуаль, виконт Туарский и принц Тальмонский, шевалье Баярд, рыцарь *без страха и упрека*, убитый в битве при Павии в 1525 году. Пять лет спустя она снова вышла замуж, ее вторым мужем был Филипп де Бурбон, лорд Бюссе, старший сын Пьера де Бурбона.

У Цезаря также остался незаконнорожденный сын Джироламо, мать которого неизвестна и который, вероятно, умер молодым, поскольку мы не находим никаких следов от него после его переезда в Неаполь примерно во время освобождения Цезаря Юлием II. У него также была внебрачная дочь, которую он назвал Лукрецией в честь своей сестры, и которая впоследствии стала настоятельницей Сан-Бернардино и умерла в Ферраре в 1573 году.

Мать Цезаря, Ваночца де Катанеи, пережила его на одиннадцать лет. До самой своей смерти она поддерживала тесные отношения со своими многочисленными детьми. Она жила в Риме и пользовалась определенным положением, предоставленным ей Александром VI.; она активно занималась благотворительной деятельностью. В день ее смерти, по римскому обычаю, публичный глашатай объявил:

“Мессер Паоло извещает о кончине мадонны Ваночцы, матери герцога Гандийского. Покойный принадлежал к братству Знаменосцев.

Она завещала все свое состояние Сан-Джованни в Латеране. Она была похоронена в Санта—Мария-дель-Пополо, своей приходской церкви, и на ее могиле ее душеприказчик начертал следующую эпитафию:

“Ваночце Катанеа, облагороженной своими детьми, герцогами Чезаре Валентинуа и Хуаном Гандийским, принцу Джуффре Сквиллаче и герцогине Лукреции Феррарской. Женщине, прославившейся своей честностью, благочестием и мудростью и которой Латеранский госпиталь в столь большом долгу, Джеронимо Пико, ее душеприказчик, воздвиг этот памятник. Она прожила семьдесят семь лет, четыре месяца и тринадцать дней и умерла 26 ноября 1518 года”.

В течение двух столетий монахи Санта-Мария-дель-Пополо молились за упокой ее души, но чувство приличия или стыда наконец взяло верх, и памятник убрали.

Лукреция Борджиа, герцогиня Феррарская, пережила своего брата Цезаря на двенадцать лет и умерла в 1519 году, горячо любимая своим народом. От своего мужа Альфонсо д'Эсте у нее было пятеро детей: Эрколе II, который женился на Рене Французской; Ипполито, который скончался в 1572 году; Элеонора, которая стала монахиней и прожила до 1575 года; Франческо, который дожил до 1576 года; и Александр, который умер в младенчестве. У Эрколе II от его жены Рене, дочери Людовика XII, было пятеро детей: Альфонсо II. Кардинал Людовико д'Эсте, донна Анна, герцогиня де Гиз, Лукреция, герцогиня Урбинская, и Леонора, которая так и не вышла замуж.

Испанские хронисты, современники Цезаря Борджиа, обнаружили руку Божью в его смерти, которая произошла 12 марта 1507 года, в годовщину его преждевременного возведения в

епископство Памплона, причем в его собственной епархии, куда его нога никогда прежде не ступала!

КОНЕЦ.

СНОСКИ

1 Лория, “Экономические основы общества”, Лондон, Нью-Йорк, стр. 37.

2 Ланзоль, Льянсоль, Llanzol и др.

3 Gebhart, E., “Les Origins de la Renaissance en Italie,” Paris, 1879.

4 Gebhart.

5 двадцатичетырехчасовой римский день заканчивался на закате - около восьми вечера в июне.

6 Инфессура, “Диарио”, Рим, 1890, стр. 155.

7 Medin, “Il Duca Valentino nella Mente di Machiavelli,” Florence, 1883.

8 “Pii Secundi Comentariorum,” Rome, 1583, Lib. 2.

9 Буркхардт, “Возрождение в Италии”, Лондон, 1892.

10 Tomaso Tomasi, “Vita del Duca Valentino,” ed. by G. Leti, Montechiaro, 1670.

11 Yriarte, “César Borgia, sa Vie, sa Captivité, sa Mort,” Paris, 1889.

12 Берчард, “Дневник”, под ред. Туасне, том ii., стр. 84.

13 Виллари, “Савонарола”, английский перевод, Лондон, стр. 742.

14 Fumi, “Alessandro VI. e il Valentino in Orvieto,” Siena, 1874.

15 Фуми, Приложение, Документ VIII.

16 Бурхард, “Дневник”, изд. Туасне, Париж, 1884, т. iii., стр. 387.

17 Макиавелли, “Опера”, Флоренция, 1820, том iii. “Дискорси”, Библиотека 1, глава ii. XXVII.

18 Гаспаре Торрелла, “Трактат против Пудендагры”, Рим, 1497.

19 Pierre de Bourdeille, “Œuvres,” Paris, 1838, vol. i., p. 156, “Caesar Borgia.”

20 Yriarte, “César Borgia,” Paris, 1889.

21 Jean d’Auton, “Chroniques,” Paris, 1834.

22 Varsari, “Vite de’ più, Eccellenti Pittori, Scultori et Architetti,” Bologna, 1647. “Vita di Pietro di Cosimo.”

23Автон, Жан д', "Хроники", Париж, 1834, Стр. III., vii.

24Алвизи, "Чезаре Борджиа", Документ 40.

25 Gregorovius, "Storia della Città di Roma," Venice, 1875, Bk. 13, Chap. V., sec. 4.

26Утверждение Берчарда неверно: последний названный был пощажен, но был убит 28 августа 1504 года.

27Гийом Бриссоне Турский, епископ Сан-Мало, кардинал Санта-Пруденциана; Луиджи д'Арагона, кардинал-дьякон с титулом Санта-Мария-ин-Космедин.

"АНВИН БРАЗЕРС, ЛИМИТЕД", ИЗДАТЕЛЬСТВО "ГРЭШЕМ ПРЕСС", УОКИНГ И ЛОНДОН.

Примечание переписчика

Переписчик добавил текст с титульного листа на оригинальную обложку книги. Результат размещен в общественном достоянии.

Пунктуация и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки; случайные несбалансированные кавычки сохранены.

Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены; случаи несогласованной расстановки переносов не были изменены.

Некоторые иллюстрации с изображением людей имели две подписи: одну на латыни, помещенную в рамку изображения, и одну на английском, напечатанную под изображением. Оба варианта, если они присутствуют и доступны для чтения, представлены в этой электронной книге в печатном виде. Латинское написание иногда отличается от английского.

В тексте несколько раз используются названия "Spanocchi" и "Spannocchi"; последнее правильное, но здесь сохранены оба варианта написания.

Написание имен собственных тщательно не проверялось.

Сноски, первоначально располагавшиеся в конце страниц, были перенесены в конец книги, непосредственно перед Указателем.

Указатель не проверен на правильность расположения в алфавитном порядке или ссылок на страницы.

Страница 41: "дублировать" было напечатано именно так.

Иллюстрация на первой странице 280: подпись на латыни - "CONSALVO DI CORDOVA"; подпись на английском - "ГОНСАЛВО ДЕ КОРДОВА".